

Уильям Сатклифф

Дурное Влияние

Книга, которую
должен прочесть
каждый. Такую
книгу еще поймай.

the **BEST** of PHANTOM

Бен и Олли — друзья не разлей вода. Они обычные мальчишки, живущие в обычном лондонском пригороде. Но однажды их мирная и скучная жизнь буквально взрывается — на их улице поселяется таинственный Карл. У него странные игры, странный язык и странные желания. И он очень, очень опасен. С Карлом весело, страшно и опасно. Но вот проблема — Бен не готов уйти на второй план, а его верному оруженосцу Олли с Карлом куда интереснее. И вся троица пускается в приключения, которые вскоре перерастают в неприятности, а затем и вовсе в борьбу не на жизнь, а на смерть. Насколько далеко пойдет Карл, прежде чем остановится? И насколько жуткими должны стать его затеи, чтобы отказаться от них?

Новая книга Уильяма Сатклиффа, непревзойденного рассказчика, остроумна и страшна одновременно. Сатклифф рассказывает о том, как будничные ситуации, в которых оказывается каждый человек, могут обернуться трагичными и волнующими приключениями. Эта книга — о первобытной борьбе за власть, лежащей в основе всех человеческих взаимоотношений, как детских, так и взрослых. «Дурное влияние» — самый глубокий из всех романов Уильяма Сатклиффа.

-
- [Мой дом](#)
 - [Комната Донни](#)
 - [Кухня](#)
 - [Комната Рейчел](#)
 - [Улица](#)
 - [Парк](#)
 - [Пилигримы](#)
 - [Дом Олли](#)
 - [Школьный двор](#)
 - [Торговый центр](#)
 - [Дом Карла](#)
 - [Моя комната](#)
 - [Через стенку Рейчел](#)
 - [«Брент-Кросс»\[8\]](#)
 - [Куст на школьном дворе](#)
 - [Комната Олли](#)
 - [Взгляд из-за парты рядом с Блобом](#)
 - [«Макдоналдс»](#)
 - [Кондитерская](#)
 - [Трава за сломанным фонтаном](#)
 - [Скобяная лавка](#)
 - [Ванная](#)
 - [Станция](#)
 - [Здесь и сейчас](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Посвящается Мэгги

Я знаю, чего вы хотите. Вы хотите знать, кто виноват. Прикидываете, где тут могла быть моя вина. Так вот вам новая теория. Виновата тетка Олли. Причем полюбому. С нее все началось. Сам я никогда ее не видел и понятия не имею, где она живет и как выглядит, но это не значит, что она не может быть виноватой. И если рассуждать логически, то посещать вам надо не меня, а ее.

В тот день, когда все это началось, она заболела. А может, развелась. Или вышла замуж. Короче, что-то типа того, и Олли пришлось уехать, а я остался один.

Не сделай тетка Олли того, что она сделала в то воскресенье, Олли не уехал бы, а если бы Олли не уехал, я никогда не встретил бы Карла, а не встретить я Карла, все по-прежнему было бы путем. Я бы не знал вас, вы не знали бы меня, и мы оба обошлись бы без ваших нудных-пренудных визитов.

Мне следовало догадаться по одежде, что Олли куда-то увозят. На нем не джинсы, а серые брюки со стрелками, и одет он не в футболку, а в настоящую, взрослую рубашку, застегнутую до самого верха. По мне, так это стремно, когда все пуговицы застегнуты, и лично я точно расстегнул бы верхнюю, если бы меня заставили напялить такое, но Олли в этих вещах не шибко-то разбирается.

Олли, он вообще часто выглядит прикольно. Есть у него такая манера: заправлять то, что должно болтаться, и застегивать то, что по идее бы расстегнуть. И он всегда одевается как на Северный полюс. Когда он заходит ко мне, то вечно оставляет у меня как минимум один джемпер. И потом я тащу назад целую кучу его шмотья. Но мне это не внапряг. Иначе он не был бы Олли. Та часть мозгов, которой более нормальные люди думают про одежду, у него забита всякими странными идеями и фактами, про которые кроме него больше никто не знает.

— Чего это ты *вырядился*? — говорю я, когда он входит.

— Зацени, — отвечает он.

Медленно и старательно, словно какой-нибудь фокусник, он указывает на матерчатые погоны, пристегнутые к плечам. Перебирая пальцами так, будто перед ним полсотни зрителей, он аккуратно расстегивает их, один за другим, и начинает дергать плечами, заставляя погоны хлопать.

— *Ни в жизнь* не догадаешься, что это такое.

— Легко, — отвечаю я.

— Попробуй.

— Это погоны.

— А вот и нет!

Последнее слово звенит словно колокол.

— А вот и да. Я же вижу. Это погоны.

— Это больше чем погоны.

Он прищуривает глаза, стараясь выглядеть загадочно.

Я никогда не ведусь на этот его загадочный вид, особенно когда на нем рубашка, застегнутая под горло, да еще с дурацкими погонами, которые болтаются на плечах, а потому помалкиваю и просто скрещиваю руки на груди: мол, я ничуть не впечатлился.

— Это погоны для шапки, — объявляет он.

— Погоны для папки?

— Не для папки, а для шапки. Солдатской шапки. Как на флоте. Были б они не желтыми, а зелеными, получилась бы реально военная форма.

— Не будь идиотом, — говорю я. — На флоте солдат нет. Там моряки. И они не носят зеленое. Они носят синее. Цвет моря. Поэтому их и называют моряками.

— А вот и нет. Если б моряков называли моряками из-за моря, то солдат не называли бы солдатами. Их называли бы земляками.

Разговаривать с Олли — все равно что плавать. В любой момент можно пойти ко дну.

В комнате у меня есть сова, которая, в общем-то, давно уже не сова. Я сделал ее в школе, и сначала у нее были глаза, нос, рот и лапы, но даже тогда она больше походила на футбольный мяч, чем на сову, поэтому ее без конца пинали все кому не лень, и сперва отвалились лапы, потом нос, потом рот, а потом один глаз. Теперь это просто мяч с глазом, но я все равно зову его сова.

Я поднимаю сову, запихиваю под один из Оллиных погонов и застегиваю пуговицу. Олли наблюдает, скосив глаза, потому что слишком близко и ему ничего не видно. Сова приходится как раз впору, и тогда я вытаскиваю из шкафа медведя и пристегиваю под второй погон.

Мы топаем в ванную, чтобы Олли смог увидеть. Он выглядит полным придурком, но ему, похоже, нравится, и мы начинаем носиться по дому, чтобы посмотреть, выпадут медведь с совой или нет, но что бы мы ни вытворяли, звери сидят крепко: болтаются туда-сюда, но и все. Через какое-то время беготня переходит в другие дела и заканчивается игрой: я выхожу на задний двор и бросаюсь фигурками от «Клюедо»^[1], а Олли стоит на подоконнике в спальне и ловит их. И он муть не выпадает из окна, и это реально весело. А потом Олли сдается, и мы принимаемся играть в «Клюедо» по-настоящему, и все это время он так и сидит со зверями на плечах. Я даже не могу сказать, понимает он это или нет.

Спорим, вы решили, что знаете про Олли все, но это не так. На самом деле с ним все в порядке. Будь у меня снова такая возможность, я все равно хотел бы, чтоб он был моим лучшим другом, точь-в-точь как раньше. Когда у тебя есть лучший друг, больше ничего не нужно. Это как броня или как защитное поле вроде тех, что бывают в компьютерных играх и которые еще издадут такой вой, и ты начинаешь светиться оранжевым, и пока ты оранжевый, пули и снаряды от тебя просто отскакивают.

Олли — мой лучший друг уже так давно, что я даже не замечаю это поле, потому что оно стало постоянным. Когда он уходит, с меня словно сдирают кожуру. Я не знаю, чем заняться. Места себе не нахожу. И даже если я чем-нибудь занят или просто валяю дурака, в голове я все равно представляю, как буду потом рассказывать об этом Олли.

Однажды я пытался дозвониться домой, чтобы меня забрали, но по ошибке набрал номер Олли, и пришлось объяснять его маме, что я ошибся. Она решила, что я чокнутый. А я просто сделал это на автомате.

Я так и не успеваю выяснить, зачем он так вырядился, и когда мама Олли появляется у нас, чтобы отвезти его к тетке, я совершенно не готов к тому, что его сейчас заберут. Никакого предупреждения или еще чего. Как если бы кто-то просто зашел и отобрал у вас ноги.

Хотя это не совсем так. Если оторвать у человека ноги, он умрет от потери крови.

Она даже не спрашивает, зачем это Олли таскает на плечах сову с медведем, — просто выдергивает их и оставляет у входной двери. А я-то надеялся, что он так и пойдет, и, кстати, ведь чуть было не пошел.

Когда дверь за ним закрывается, я смотрю на часы, а впереди еще целое воскресенье.

Вы скажете, что это без разницы, воскресенье там или нет, раз все равно каникулы, но это не так. Потому что все дома. По воскресеньям всегда кажется, что дом чересчур полный и в то же время чересчур пустой. Если тебе вдруг понадобится телик, или кухонный стол, или

солнечный кусок лужайки, наверняка выяснится, что кто-нибудь тебя уже опередил. Но хотя все лучшие места в доме заняты, иногда у меня такое чувство, что все наше семейство просто слоняется без дела словно потерянное, не зная, куда себя приткнуть, и так до самого вечера, и только в понедельник все опять приходит в норму. Как будто воскресенье вечно застаёт их врасплох и каждую неделю они никак не могут поверить, что это случится, но это все равно случается, а они не готовы и не могут придумать ничего лучшего, чем шататься по дому и ждать, пока все закончится.

Несколько часов я веду себя хорошо, никому не мешаю и тихо-мирно занимаюсь делами в своей комнате. Я даже пытаюсь доиграть в «Клюедо» в одиночку, но у меня ничего не получается, и я мухлюю, чтобы узнать, кто убийца. Оказывается, это профессор Блум, что, вообще-то, странно. Играть в настольные игры в одиночку — все равно что разговаривать с самим собой. Все время стесняешься, что кто-нибудь зайдет и застучает тебя. И потом, это же полный отстой.

В конце концов ничего не остается, как пойти и подоставать Донни.

Комната Донни

На двери две таблички: «Вход воспрещен». Между ними — оранжевая наклейка с тремя черными прямоугольниками, из которых поднимаются вихлястые клубы пара. Парящие прямоугольники перечеркнуты большим красным крестом, а внизу — подпись: «ОПАСНО! ВРЕДНЫЕ ОТХОДЫ!»

Весь фокус в том, чтобы открыть дверь, оставаясь незамеченным. В момент, когда ручка пройдет свободный участок, надо резко потянуть на себя, одновременно придерживая большим пальцем ноги нижний угол, который все время заедает.

ВОПРОС. Зачем я трачу столько энергии, пытаюсь открыть дверь как можно тише, если мне прекрасно известно, что он там?

ОТВЕТ. Да затем, что именно эти первые несколько секунд, пока тебя не заметили, могут дать решающее преимущество.

Когда дверь освобождается от замка, я делаю передышку. Самое трудное позади. Пока что операция имеет полный успех. Ни одного скрипа, щелчка, шума или треска, которые могли бы меня выдать.

Просовываю нос в щель. Опытный лазутчик при сборе разведанных использует все пять чувств. Полезной может оказаться любая оперативная информация. Моя носовая лаборатория принимается за работу с первой же струей воздуха.

В последнее время с запахом в комнате Донни творится что-то интересное. Типа как с сыром. Сперва пахнет приятно, затем чуток странно, но все еще съедобно, а потом происходит нечто поразительное, когда ты вдруг открываешь холодильник и думаешь: «Фу-у! Тут явно кто-то сдох!»

Моя теория состоит в том, что «Духан Пацанской Комнаты» следует тому же сырному принципу. (См. Рис. 1.)

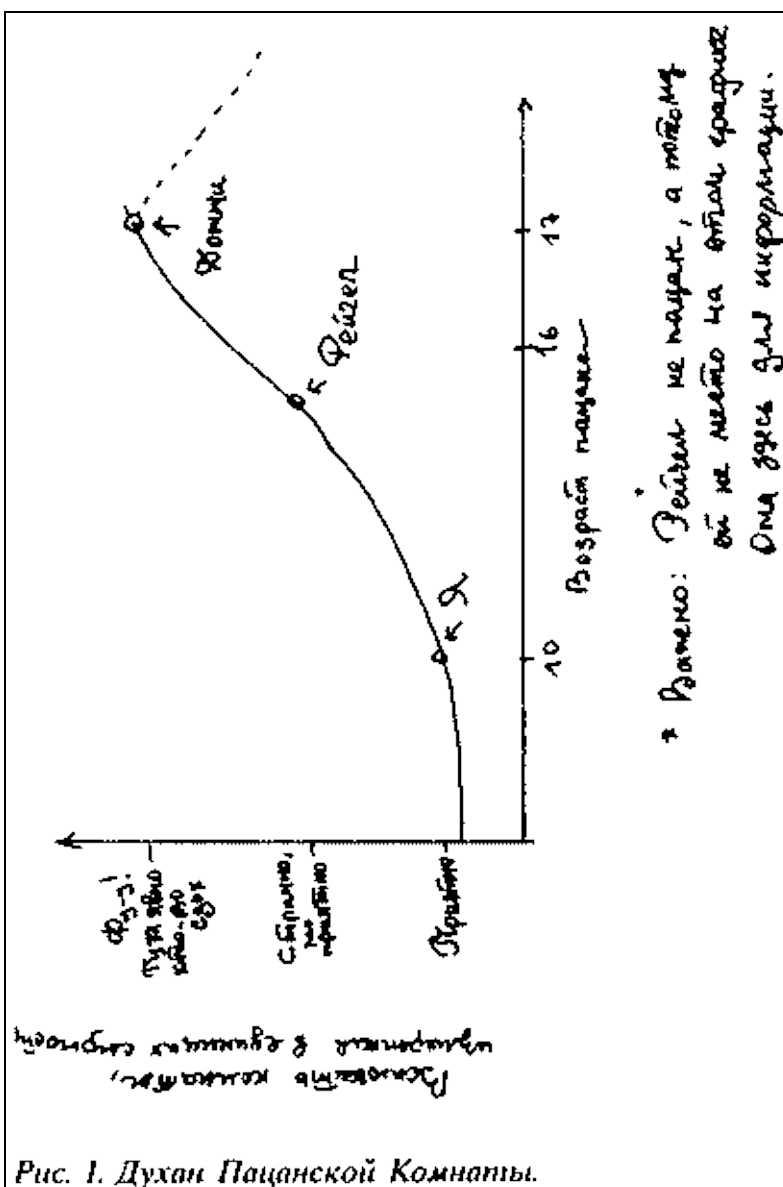

Рис. 1. Духан Пацанской Комнаты.

Как видно из графика, существует два варианта развития ситуации с «Духаном Комнаты Донни». Лично я отдаю предпочтение кривой «сначала-вверх-потом-вниз», так как искренне считаю, что в комнате, где пахнет еще хуже, человек жить просто не в состоянии. Сейчас ДКД, похоже, как раз на пике. Хотя кто знает? Может, он просто продолжит расти все дальше и дальше, пока пластмассовые предметы в комнате не начнут плавиться, и мы обнаружим, что Донни пришелец, способный существовать в отсутствие кислорода.

Сегодня ДКД кошмарный, но не настолько, чтобы прерывать выполнение боевой задачи. Запах не сообщает мне ничего такого, чего я не знаю и так: что он там, что он там уже несколько часов и что все окна наглухо задраены.

Открываю дверь еще на пару сантиметров и получаю возможность рассмотреть половину комнаты. Донни ссутулился за письменным столом. Что означает одно из трех:

- он делает домашнее задание;
- он принял эту позу, услышав, как открывается дверь;
- он тупо уставился в окно как полный придурок и думает сейчас про себя: «Если б я не сидел здесь битых два часа, тупо уставившись в окно как полный придурок, я давно бы уже все закончил и смотался отсюда на улицу».

Ставлю все свои деньги на вариант «в».

И не то чтобы они у меня были. Просто это такое «устойчивое выражение».

Мне еще ни разу не удавалось открыть дверь больше чем наполовину и остаться незамеченным. Ведь даже если люди ничего не видят и не слышат, они все равно чувствуют, что

в комнату кто-то вошел. А теперь помножьте это на два, если речь идет о Донни, поскольку Донни — самый настоящий параноик; на три, если человек, входящий в комнату, — я, поскольку в жизни Донни нет большего счастья, чем выставить меня вон, и на четыре, когда каникулы Донни уже закончились (ха-ха), а мои еще нет.

Но сегодня побиты все рекорды. Я открываю дверь полностью, вплоть до той точки, где она обязательно ударится о кровать, если ее не придерживать. Донни ни черта не слышит.

На цыпочках делаю несколько шагов в комнату. Случись такое раньше, я выучил бы наизусть дислокацию всех скрипучих половиц, но сегодняшнее потрясающе тихое проникновение — случай просто беспрецедентный. Здесь мы на полностью неизведанной территории. Учебники истории рвутся в клочья с каждым моим шагом.

Еще пять шагов — и я прямо у него за спиной. Просто *поразительно!* Если б вы хоть раз попробовали проникнуть в комнату моего брата, вы бы меня поняли. Это все равно что пробежать стометровку за 5 секунд. Или разогнаться на машине до такой скорости, что она просто взлетает без всякой тренировки.

Сегодня мир празднует величайшую победу младших братьев над старшими. Секите момент!

— МУ-У-У! — ору я, заранее зная о возможных последствиях. Нет такого графика, что показал бы степень ярости Донни, когда он сообразит, где я нахожусь.

Но ничего не происходит. Никакой реакции. Он по-прежнему сидит скрючившись и даже не подскакивает от неожиданности.

Я постукиваю его по плечу. Он не дергается и продолжает молчать.

— Привет, — говорю я. — Ты рад меня видеть?

Игра в труп продолжается.

Значит, меня игнорируют. Что ж, это в корне все меняет. Учебники истории придется склеивать скотчем. Он не реагирует даже теперь, так что нет никакой возможности узнать, насколько далеко я пробрался незамеченным.

С Донни всегда так. Только ты решил, что твое дело в шляпе, как он тут же переворачивает все с ног на голову. У меня от этого крыша едет, а иногда я его просто ненавижу, но чаще всего мне хочется прокрасться к нему в комнату и придумать что-нибудь такое, где я точно выиграю, а он проиграет.

Короче, расклад такой: он победил в игре «прокрадись незамеченным» (причем в высшей степени подлым методом), но игра плавно переросла в поединок из серии «Донни меня игнорирует», — поединок, из которого, как мне прекрасно известно, победителем выйду именно я, поскольку Донни обнажил свое самое слабое место. Полностью раскрылся как плохой боксер.

ВОПРОС. Слабое место?

ОТВЕТ. Его барахло!

Донни терпеть не может, когда я трогаю его вещи. Но вот я в его комнате, он сидит ко мне спиной, и стоит ему повернуться — он проиграл, а в моем распоряжении целая комната Барахла Донни: бери не хочу, сколько душе угодно.

О, какое наслаждение!

Я осматриваюсь, прикидывая, с чего бы начать. На тумбочке у кровати — кучи кассет, журналов и книг. Интересная полка в углу заставлена какими-то загадочными тюбиками, бутылками, спреями и лосьонами. Столько всего, чем можно занять руки: повертеть, побрякать, спихнуть, открыть и закрыть с улаждающим душу щелчком, хлопком или чавком. А

коли уж речь зашла о неприкосновенном, есть еще его гитара. Вон она, подпирает стенку, буквально умоляя о большом и толстом термоядерном бренье.

И наконец, святая святых, строжайше запретная зона — выдвижной ящик прикроватной тумбочки. Одному богу известно, что он там прячет. Как правило, Донни дергается, стоит вам лишь взглянуть в том направлении. Но сейчас я в открытую пялюсь на ящик и ничего не происходит, поскольку, решив меня игнорировать, Донни сам загнал себя в ловушку.

Победа достанется недешево. Мне это известно. Чем больше победа, тем сильнее боль, которую он мне причинит. Посмею ли я покуситься на ящик? Смогу ли рискнуть, заранее предвидя реакцию, которую спровоцирует этот величайший из моих триумфов?

И тут мне в голову приходит совершенно другой план. Сегодня вместо физического воздействия он явно поставил на психологию, и есть один способ — да-да, один замечательный способ — побить Донни его же оружием. Плюс, он не сможет сделать мне так уж больно. Я едва удерживаюсь, чтобы не рассмеяться вслух.

Несколько секунд я расхаживаю по комнате, нагнетая напряжение, а затем приступаю к делу. Хватаю две кассеты и побрякиваю ими одна о другую, чтобы он услышал, что я что-то взял, а затем удивленно восклицаю:

— А это еще что такое?

Голова Донни резко поворачивается. Йес-с-с! Победа!

А ручки-то — вот они! И в них — ничего! Двойная победа! О, йееееесссссссссс! Я — гений!

Донни сердито хмурится, а затем разворачивается обратно к столу.

Вот ведь облом! Я только-только одержал — как стопудово признал бы любой нейтральный рефери — чистую победу, но Донни повел себя нечестно. Он не разозлился. Он даже не вышвырнул меня из комнаты.

И тут я замечаю, что он что-то рисует. Правда, отсюда трудно разглядеть, что именно. Возможно, это женщина, но я не уверен: слишком уж забавно растопырены руки-ноги. Донни загораживает от меня рисунок своим телом. Внезапно все эти кучи баракла, которые еще секунду назад мне так хотелось потрогать, теряют всякую притягательность. Сейчас я хочу только одного — увидеть, что он рисует. Но стоит попросить его показать, и я проиграл. Даже если я просто подойду поближе и дам понять, что мне это интересно, я все равно проиграл.

Теперь я знаю, как выводить людей из себя, когда мне исполнится семнадцать. Донни слишком достойный соперник. С ним ты все время в проигрыше.

Я отворачиваюсь и решаю вылезти из кожи вон. Есть лишь единственный способ выйти из ситуации победителем. Донни постоянно поднимает ставки, и теперь уже нельзя просто так спасовать. У меня остается одна, последняя возможность. Ящик прикроватной тумбочки.

Стараясь не шуметь, осторожно выдвигаю его. Затем оборачиваюсь и проверяю, как там Донни. Никакой реакции. Стоит ему распознать звук открываемого ящика, взрыв будет просто ядерный. Если это произойдет до того, как мне удастся оттуда что-нибудь хапнуть, результат схватки можно считать ничейным, а меня это совсем не устраивает, особенно с учетом той взбучки, что мне светит.

Замечаю в ящике что-то голубое. Крышка. Крышка баночки. Баночка не квадратная, но и не круглая. Баночек такой формы я еще не видел. Беззвучно и очень осторожно вынимаю ее из ящика и рассматриваю. Параллелепипед с закругленными гранями, размером где-то с мою ладонь. И слово, которое мне раньше никогда не встречалось.

Открываю крышку: баночка до половины заполнена какой-то бесцветной массой. Похоже на клей. Втягиваю носом запах, но в нем что-то такое, чего никак не назовешь клейким. Маслянистое, скользкое и совсем не липкое. В углублении хорошо видны следы пальцев Донни

Любому человеку хоть иногда, но требуется передышка, и я отправляюсь на кухню. В воздухе приятно пахнет лимоном, на плите большая кастрюля, крышка мелко побрякивает под вырывающимся паром. Перед мамой куча цыплячьих ножек: будто целый выводок вдруг переполошился и улетел так быстро, что забыл свои ноги.

Она берет их по очереди, делает что-то ножом, а затем резко сдирает кожу одним сильным, чавкающим рывком. Зрелище довольно кровожадное и тошнотворное, а звук, наверное, такой же, как если сдирать кожу с трупа, и мне тут же хочется попробовать.

— Можно мне попробовать? — спрашиваю я.

— Только если сначала вымоешь руки.

Вечный ее подвох. Так мама обычно выставляет меня из кухни требуя соблюдения странных ритуалов чистоплотности, но на сей раз ей от меня так просто не отделаться. Мне нужно выяснить, что это за ощущение сдирать чью-то кожу. Тогда я смогу сказать Олли, что прекрасно знаю, каково это срывать кожу с чьего-нибудь лица. Поскольку ощущения должны быть похожими. Кроме дырок, разумеется, где глаза и рот, но тут можно и приврать. А потому я без разговоров мою руки и сажусь рядом с мамой.

Она делает на коже надрез и протягивает мне цыплячью ногу. Нога холодная, влажная и какая-то гораздо более ногастая, чем я думал. Раньше я трогал только вареные ноги, и тогда они были не такими ногастыми. Держа кость в левой руке, зажимаю болтающийся кожаный лоскут между большим и указательным пальцами. Тяну, но рука срывается с кожи раньше, чем кожа слезает с цыпленка. Слишком скользко.

— Нужно держать крепче.

Мама пытается скрыть улыбку, но я знаю, что она улыбается. Видит, что мне не так весело, как я надеялся.

Я разморщиваю нос, стараясь показать, что она ошибается, и хватаю кожу всеми пальцами сразу, используя ногти для экстразахвата. Тяну изо всех сил, и клейкая, пупырчатая кожа отделяется от мяса с потрясающим рвущимся звуком. Все равно что разрываешь кого-нибудь на куски. Даже не верится. Раз — и в одной руке у тебя висячий лоскут белой липкой гадости, а в другой ошметок розовой мертвечины. Бросаю оба. Типа как после американских горок. Когда тебя подташнивает и ты рад, что все позади, но одновременно суперсчастлив и страшно доволен собой.

— Хочешь разобраться с остальными? — спрашивает мама все с той же улыбкой.

— Не-а, у меня дела.

Я встаю и иду к двери, но втайне надеюсь, что мама что-нибудь скажет, поскольку на самом деле уходить не очень-то хочется.

— Вымой руки.

Как и следовало ожидать.

Я останавливаюсь и пожимаю плечами.

— Бен, посмотри на себя. Ты весь в сыром цыпленке. Вымой руки немедленно.

Прислоняюсь к стенке. Сейчас самое главное — не дать ей решить, что я размазня. Она не должна думать, будто я сбегаю.

— Может, вырежем глаза и нос на одной из цыплячьих ног? — предлагаю я. — Тогда мы узнаем, что чувствует человек, когда сдирает кожу с чьего-нибудь лица.

Взгляд мамы, когда ее застают врасплох, может означать целую кучу разных смыслов, начиная с «О чем это ты?» и заканчивая совсем ужасным «Да ты откуда взялся? Точно не из

нашей семьи». То, как она смотрит сейчас, можно уверенно ставить ближе к правому краю шкалы. (См. Рис. 2.)

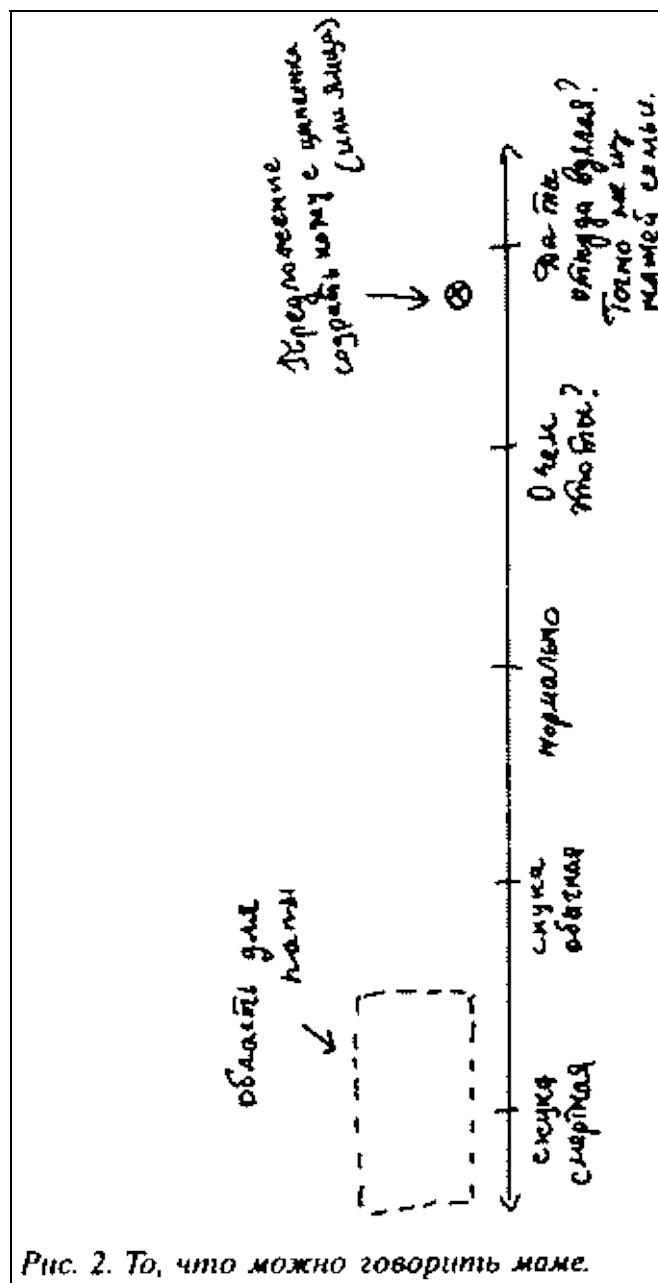

Рис. 2. То, что можно говорить маме.

Она не знает, что ответить, и это хорошо. Теперь можно уходить, но я никак не придумаю, куда бы податься, а потому остаюсь в углу.

Мама возвращается к обдиранию цыплячьих ног.

— Иди-ка лучше помоги папе в саду, — говорит она.

Я подхожу к окну. Папа все так же распиливает толстый деревянный сук своей бензопилой. Это его новая игрушка. Папа заявил, что ветка соседского дерева заслоняет нам солнечный свет на втором этаже, — хотя это полная чушь, поскольку, даже если задернуть все шторы, свет все равно проникает, — и под этим предлогом отправился в магазин, купил бензопилу и срубил ненавистный сук. А сейчас распиливает его на дрова, хотя у нас в доме центральное отопление, и никто не знает, что он собирается делать с дровами. Смешной он все-таки. Наверняка папе просто хотелось иметь бензопилу.

Еще до того как вытащить пилу из коробки, он строго-настрого запретил мне к ней прикасаться, да к тому же таким жутким голосом, будто успел разозлиться на меня за что-то такое, чего я пока и не делал. Готов поспорить, ему очень хочется, чтобы я вышел и посмотрел, но я из принципа не пойду: пусть знает, как это подло, что мне нельзя попробовать самому попилить.

Нет, не люблю я воскресенья. Они в два раза длиннее обычных дней.

Звонит телефон. При этом мама почему-то охает и смотрит на руки, вздыхает и недовольно бормочет, как будто телефонный звонок — это что-то аномальное, типа как если б ты гулял где-нибудь на природе, а тебе на голову вдруг грохнулся холодильник^[2].

Она вскакивает из-за стола, бросается к вешалке для бумажных полотенец, локтем отматывает нужный кусок и отрывает его, прижав рулон подбородком. А потом снимает трубку, держа через полотенце, точно та сделана из собачьих какашек.

— Алло?

Голос у мамы — естественнее не бывает. Она делает вид, что уголок кухонного полотенца вовсе не щекочет ей нос.

Затем следует долгое молчание — просто супердолгое молчание, — во время которого мама лихорадочно шевелит губами: мол, немедленно вымой руки. Но я притворяюсь, что ничего не понимаю.

Наконец мама вступает в разговор:

— Да что ты говоришь! Не может быть. Да как он мог?! О не-е-ет.

Это означает две вещи:

1) Звонит тетя Кэт.

2) Мама провисит на телефоне час — минимум.

Плетусь из кухни. Дверная ручка противно липнет к рукам.

Ненавижу воскресенья.

Комната Рейчел

Ненадолго задерживаюсь в прихожей.

В прихожей задерживаться не положено. Батареи здесь постоянно выключены — думаю, как раз для того, чтобы люди проходили, не останавливаясь. Не знаю, почему это так важно, но, видимо, какая-то причина все же есть. Нашему папе только дай волю — он бы все стены завесил громкоговорителями, запрограммированными на одну и ту же фразу: «Проходим, граждане, не задерживаемся, нечего тут высматривать».

Папа терпеть не может, когда мама торчит в прихожей с распахнутой дверью, прощаясь с кем-нибудь дольше, чем вечернее чаепитие. Папины прощания отнимают не больше полсекунды.

Он конкретно нервничает по поводу коридора. Возможно, где-то под полом здесь запрятан труп. После смерти человека поедают всякие червяки и прочие насекомые, за исключением костей и зубов, и если полиция найдет ваши зубы, то сможет сказать, кто вы такой, расспросив зубного врача про ваши пломбы. А стоит им выяснить, кто вы такой, считай, они вычислили, кто вас уколошил, — так что если убили не вас, а вы, то даже после многих-многих лет вы все равно не можете чувствовать себя в безопасности.

Единственное, что есть в прихожей кроме батарей, которые всегда выключены, и света, который всегда включен, — это большой шкаф с играми. И хотя его содержимое мне известно лучше, чем содержимое любого другого шкафа на свете, я все равно открываю его и заглядываю внутрь. Все, как обычно, на своих местах — даже набор для приложений, который не доставали уже тыщу лет, за исключением одного вечера в прошлом году, когда мама с папой куда-то уехали и Донни притащил домой целую кучу своих странных дружков, которые никогда не снимают с башки капюшоны. Они курили пахнущие шоколадом сигареты, и составляли какие-то непонятные картинки из силуэтов цирковых животных, и ржали как кони, считая все это «офигенно прикольным».

В общем, толку от шкафа ноль. Для меня там нет ничего интересного. Несколько раз открываю и закрываю дверцу, проверяя, много ли разных звуков можно извлечь, а затем решаю пойти посмотреть, чем занимается Рейчел.

Весь путь до ее комнаты я преодолеваю, не касаясь ступенек, — использую только перила, плинтус и кое-какие участки стены. На самом деле это проще простого. Правда, перила ужасно скрипят и прогибаются. В один прекрасный день они точно сломаются и я на фиг угроблюсь, но на этот раз все обошлось.

Она в своей комнате. Явно вместе с Люси. Ситуацию «Рейчел/Люси», наверное, лучше всего объяснять с помощью диаграммы Венна. (См. Рис. 3.) Донни считает, что Люси — лесбиянка, но мне кажется, он так специально говорит, потому что она ему нравится.

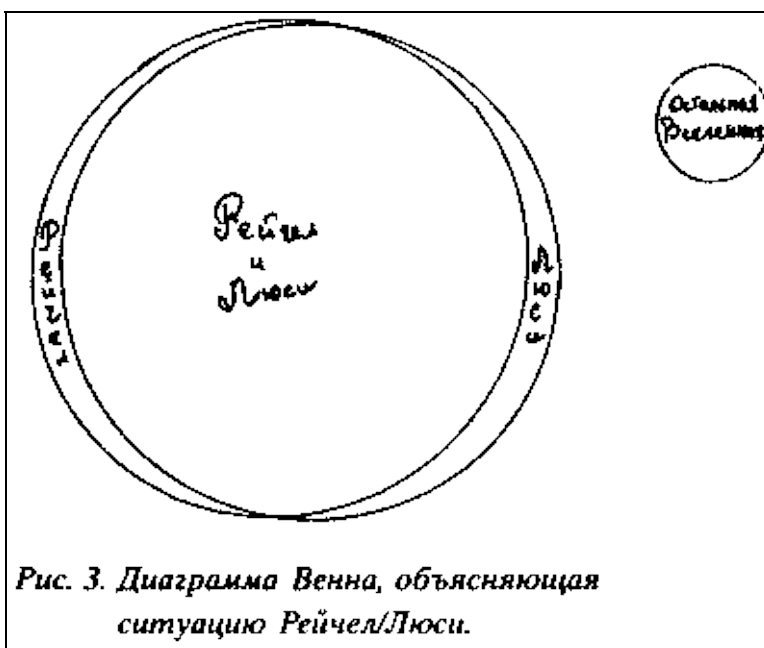

Рис. 3. Диаграмма Венна, объясняющая ситуацию Рейчел/Люси.

Бессмысленно предпринимать что-то умное сразу на входе. Рейчел все равно не ведется на подобные вещи. Тут требуется совершенно иная тактика. Нужно просто войти, типа ты пришел с каким-нибудь важным поручением от мамы, а затем стараться оттянуть время, пока она не сообразит, что ты явился просто так, но к тому моменту какая-нибудь причина наверняка придумается сама собой. Придумать что-то заранее очень сложно, поскольку никогда не знаешь, что там творится в данный момент.

Начертить диаграмму запахов в комнате Рейчел вообще невозможно. Да что там диаграмму — даже простой график с осями X и Y. Потому что модели просто не существует. При этом в комнате всегда что-нибудь происходит, и это что-то всегда имеет свой собственный запах, идущий откуда-то из миллиона ее бутылочек, баночек, тюбиков и флакончиков. Понятно, что их не миллион, просто это еще одна устойчивая фраза.

Иногда от «рейчелюсиного» запаха щекотно в носу, иногда першит в горле, но все равно, даже если в первый миг кажется, что ты вот-вот задохнешься, потом из-за запаха хочется задержаться в комнате как можно дольше.

— Привет.

Я говорю таким тоном, каким обычно здороваются, когда приходят по приглашению. И делаю шаг в комнату.

Обе смотрят на меня сердито, как будто их застукали за чем-то очень-очень личным. Они так всегда на меня смотрят.

Достаточно одного взгляда, чтобы понять: происходит что-то интересное. Вид у комнаты как после ограбления, разве что грабитель попался уж больно суетливый и так и не смог найти ничего по душе. Шмотки раскиданы по всей комнате, повсюду валяются журналы, а на кровати целая гора косметики, аэрозолей, салфеток и парфюма — такая огромная, что в ней запросто можно спрятаться.

И тут я замечаю, как они одеты. В обед обе были в джинсах и джемперах, но сейчас на них нечто странное — вроде не брюки, но и не колготки, а блузки на нормальные блузки вообще не похожи: сквозь них абсолютно все просвечивает, до самой кожи. Обе в кружевных перчатках с обрезанными пальцами, как у Мадонны или у молочника, а волосы торчат дыбом, как при затяжном прыжке с парашютом. Вокруг глаз синяки, на скулах большие пятна чего-то красного, а рты перемазаны розовой помадой с каким-то сомнительным чешуйчатым блеском. Будь они в телевизоре, вы бы точно взялись крутить ручки управления, пытаясь настроить изображение обратно на нормальное.

Помню, однажды они вырядились точно так же, когда собирались к кому-то на день рождения, и папа должен был их отвезти, но, увидев этот кошмар, объявил, что никуда не поедет, потому что они выглядят как шлюхи, и разгорелась жуткая ругань, но они наотрез отказывались переодеться, и Рейчел устроила настоящую истерику со слезами и соплями, так что в итоге за руль пришлось садиться маме, и когда мама вернулась домой, у них с папой был громкий скандал. Все закончилось тем, что они легли в постель раньше обычного, и я слышал из гостиной, как скрипит их кровать, но ничего не сказал, хотя меня едва не стошнило, так как было ясно, чем они там занимаются, поскольку потом им все равно пришлось вставать, чтобы ехать за Рейчел и Люси, и на этот раз за руль сел папа, которому после спальни вдруг все стало по барабану.

— Чего надо? — огрызается Рейчел.

— Просто зашел сказать: «Привет».

— Привет. И пока.

— А чем вы тут занимаетесь?

— Лично я выставляю тебя из своей комнаты.

— Привет, Люси.

Старая тактика. Обращение к более высокой инстанции. Или, по крайней мере, к другой.

— Привет, Бен.

В голосе Люси — дружелюбные нотки. Хоть какая-то зацепка. И я продолжаю:

— Как жизнь?

Нужно придумать что-то поинтереснее, но мозги напрочь отказываются работать. Люси пожимает плечами.

— Классно выглядишь, — говорю я.

И, как выясняется, зря. Она сердито хмурится и прикрывается рукой, словно вдруг вспомнив, до чего прозрачная на ней блузка.

— Десять, девять, восемь, семь...

Последнее время Рейчел даже не удосуживается объяснить, что означает этот отсчет, но и так понятно, что лучше испариться из комнаты до того, как она доберется до единицы.

— Я не буду мешать. Просто посижу тут немного.

— Шесть, пять, четыре... Ты что, хочешь схлопотать лаком в морду?

Рейчел хватает с кровати аэрозоль, щелчком сбрасывает колпачок и нацеливает в меня. Ее указательный палец ложится на сопло как на курок снайперской винтовки. Будь у меня такой же баллончик, можно было бы устроить настоящую дуэль. А со спичками я вообще мог бы использовать свой как огнемет. Вот только баллончик может взорваться, и тогда я останусь без руки.

— Три, два...

Ее рука распрямляется, палец заметно напрягся. А ведь она точно брызнет. Судя по взгляду — сто пудов.

— Вы что, в шлюх наряжаетесь? — успеваю выпалить я.

— Один!

Я резко ныряю вбок и со всех ног несусь вон из комнаты.

Уже за дверью на секунду останавливаюсь и соображаю.

— Пока, Люси! — кричу я.

Замочная скважина выстреливает облачком лака.

— Ты же могла меня ослепить!

— А нечего подглядывать. — Через дверь голос Рейчел звучит приглушенно.

— Я не подглядывал!

— Вот и хорошо.

— А если б подглядывал?

— Получил бы хороший урок.

— Если б я ослеп, мама бы тебя прибила.

— Не прибила бы.

— Прибила.

— Не прибила.

— Прибила.

Решаю на этом остановиться, пока последнее слово за мной. Не хочу, чтобы Рейчел считала меня недоумком.

В комнате Донни это как партия в шахматы, завершающаяся борьбой без правил против того, кто в два раза крупнее тебя. У Рейчел же это как прыжок с вышки без малейшего представления о том, насколько далеко вода. Ты просто ныряешь вниз и ждешь всплеска.

Последняя комната наверху — мамы с папой. Я захожу внутрь, но не затем, чтобы посмотреть, что там и как, поскольку там всегда одно и то же. Ловить здесь абсолютно нечего. Моя единственная цель — окно, большое и закругленное, откуда видно всю улицу в обе стороны. А поскольку ты смотришь сверху, никто не догадывается, что ты за ним наблюдаешь. И когда мне становится по-настоящему скучно, я всегда иду туда и гляжу, не происходит ли чего снаружи, пусть даже заранее зная, что ничего интересного там быть не может. Нет, окно выходит не в тупик, просто наша улица никуда особо не ведет, и потому на ней всегда пусто.

Многоквартирный дом в дальнем конце улицы отдали под психушку, и каждый день психов скопом выводят выгуливать туда-сюда, по несколько раз, но когда к ним привыкаешь, это уже совсем не так забавно. Миссис Хейл, живущая вниз по улице, организовала целую кампанию с призывом прекратить это безобразие. Мама ее не поддержала, и теперь при встрече обе делают вид, что друг друга не замечают. Когда-то Донни удавалось доводить меня до слез, притворяясь, будто он меня в упор не видит, но это было давным-давно.

В общем, когда выбора не остается, последняя надежда — проверить, что там на улице.

На этот раз происходит чудо. Я кое-что вижу. Парень в красном спортивном костюме. Парень, которого я не знаю. С виду примерно моего возраста, может, чуть постарше, и не похоже, что просто мимо топал. Стоит на противоположной стороне, по диагонали от меня, с мячом в руках. И с силой бросает мяч об асфальт, наблюдая, как высоко тот подлетает в воздух.

Ответ: высоко. Вполне ничего себе. И мяч, судя по всему, тоже вполне. Резиновый. Это видно даже отсюда по одному лишь отскоку.

Еще секунду я наблюдаю, а затем несусь вниз по лестнице и рывком распахиваю дверь, которая с грохотом захлопывается у меня за спиной. Притормаживаю прежде, чем он меня увидит, и иду к нему, шаркая ногами, типа все это совершенно случайно.

Вы ведь именно этого ждали, не так ли? Вам хочется знать, не Карл ли это? Я же вижу по вашему лицу — как оно вытягивается всякий раз, когда я упоминаю его имя. Вижу по тому, как жадно начинают блестеть у вас глаза.

Иногда я специально завожу о нем речь, но сразу меняю тему — просто чтобы вас позлить. Что ж...

...это он.

Но я этого еще не знаю. И говорю:

— Классный мяч.

Он пожимает плечами.

— Высоко подлетает.

Он снова пожимает плечами.

— А слабо, чтоб выше деревьев?

Он слегка откидывает назад голову, раздумывая, а затем размахивается и изо всех сил швыряет мяч об асфальт. Мяч взлетает ввысь, высоко-высоко, но все равно не до макушек деревьев. Деревья одинаковой высоты, вдоль всей улицы, и почти такие же высокие, как крыши домов. Это березы только их я могу отличить. Ну еще дубы и елки. Наверное, я смог бы отличить и яблоню, но только если на ней будут яблоки.

Миссис Спаркс, наша соседка, такая древняя, что ее согнуло практически пополам, как-то сказала, что еще помнит времена, когда деревья были такими маленькими, что их приходилось подвязывать к палочкам. Вообще я ей не очень-то верю. Миссис Спаркс — единственная, кто живет на нашей улице с тех пор, как ее застроили. Миссис Спаркс — и деревья.

Смешно, что ее фамилия Спаркс^[3], ведь она почти что покойница.

Мяч возвращается очень быстро, и он здорово ловит его, но двумя руками. Перед тем как я вышел, он ловил одной, но у него не всегда получалось. Где-то на семьдесят процентов, что совсем неплохо.

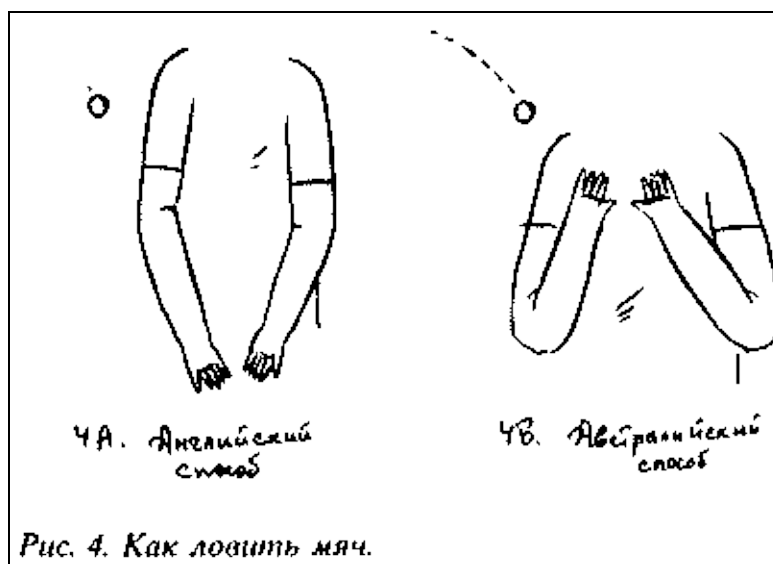
— Дашь попробовать?

Он медленно оглядывает меня сверху донизу и протягивает мяч. Мяч теплый и гладкий, но в то же время шершавый там, где он стучался об дорогу. Подходящий размер, подходящий вес. И точь-в-точь по руке. Стараюсь сосредоточиться. Я просто обязан сделать все хорошо. Если я сейчас облажусь, он не захочет со мной играть.

Бросить вертикально вниз не так уж и просто. Обычно бросают по-другому. Я собираюсь с мыслями и — буф! — швыряю. Мяч взлетает так быстро, что если б я неправильно выбрал угол, он отскочил бы мне прямо в лицо и вырубил бы меня на фиг. Или вообще убил бы, если б попал в какуюнибудь жизненно важную точку. Мяч летит ввысь, словно на реактивном движке, а затем будто зависает и парит в воздухе, и я вдруг понимаю, что он сейчас врежется прямо в меня.

На секунду у меня появляется бредовая мысль поймать его одной рукой, но мяч летит так быстро, а мне уже известно из горького опыта, что нерешительность — твой главный враг, так что я складываю руки домиком и концентрируюсь, стараясь не моргать. Мяч влетает в захват — чвак! — и изо всех сил пытается выпрыгнуть обратно, но я сжимаю пальцы в замок и крепко удерживаю эту беснующуюся зверюгу, пока она не успокаивается.

В Австралии мяч ловят наоборот, не так, как мы. У них там мизинцы сверху, а большие пальцы снизу. (См. Рис. 4.) Но это вовсе не потому, что австралийцы живут вверх тормашками. В Северном полушарии тоже можно ловить мяч, как они, — если, конечно, вам очень захочется выглядеть слегка шизанутым.

Я протягиваю мяч обратно с таким видом, будто все это было легче легкого.

— Классный мяч, — говорю я.

— Его не сломаешь. Единственная вещь, которую невозможно сломать. Ни раздавить, ни расплющить, ни утопить. Его вообще ничего не берет. Самая крепкая вещь на свете.

— Зато его можно расплавить, — отвечаю я. Идея приходит в голову внезапно. Иногда мне кажется, что я очень даже сообразительный.

Его глаза вспыхивают. Впервые за все это время он смотрит на меня по-настоящему. Точно такое же выражение появляется на лице у мамы, когда сообщаем ей что-то такое, чего, по ее мнению, ты еще знать не должен. Это называется «уважение». Я стараюсь не улыбаться.

— Как это? — спрашивает он.

— Легко.

— Как?

— Спичками.

Думаю, он старше меня. И уж точно крупнее. Но как-то так вышло, что главный здесь — я. И от этого я чувствую себя замечательно. Теперь он просто смотрит на меня и ждет, что я сделаю дальше. Ощущение — лучше не бывает.

— Сейчас принесу.

Я едва не велю ему куда-то не уходить, но вдруг понимаю, что так даже лучше — ничего больше не говорить. Иду назад в дом, медленно-премедленно. Дверь открывает папа, но я проскальзываю внутрь раньше, чем он успевае рот открыть, — сейчас я страшно занят и не хочу, чтобы мне мешали.

Роюсь в шкафу, где мама держит пустые жестянки, рулоны туалетной бумаги и чистящие средства, пока не натыкаюсь на коробок со спичками — большой, с парусником на этикетке. И чуть было не выхожу прямо так, с коробком в руках, но вовремя вспоминаю, что мама с папой как раз пьют чай на кухне, через которую придется пройти. Стоит им увидеть спички, и вопросов не оберешься. В нашем доме только папе разрешено что-нибудь сжигать, да и то не забавы ради. Я мог бы пробраться отсюда в коридор, не касаясь пола, — я делал так уже миллион раз, — но это не поможет^[4]. Они все равно меня засекут.

Запихиваю спички под фуфайку, но сразу становлюсь как беременный. Проталкиваю коробку за спину, заправляю фуфайку, чтоб спички не выпали, и делаю ставку на скорость.

Сзади раздается голос, от которого не убежишь.

— Бен! — Это мама. Что-то заподозрила. Ты куда?

— Там мальчик на улице.

Из гостиной доносятся звуки, как будто кто-то топит котят. Это означает, что Люси с

Рейчел смотрят клипы по видео. Когда им кто-нибудь нравится, они повизгивают. Одно слово — девчонки.

— Что это у тебя под джемпером?

Глаза у мамы покруче любого рентгена. Однако на каждую экстрасилу всегда найдется какая-нибудь слабость. Таков уж закон природы. Мамина в том, что она не умеет быстро бегать и терпеть не может, когда ее отрывают от чаепития.

— Он меня ждет, — говорю я и припускаю со всех ног.

Мама не гонится следом. Если знать их слабые стороны, то всегда можно выйти победителем.

Парень держит мяч, я держу спичку. Я до сих пор не знаю, как его зовут, но спрашивать еще не время. Держу спичку, пока не обжигаю пальцы, или, по крайней мере, почти до того момента, когда нужно изобразить ожог. Пламя на мяч практически не действует, разве что появляется неприятный запах и черное кривоватое пятнышко. До плавления как до луны пешком. Мы пробуем еще раз, но толку опять никакого.

Тогда он говорит, что у него есть идея получше, открывает коробок целиком, достает одну спичку и ставит коробок на тротуар. Интерес у него еще не пропал. Он пристраивает мячик прямо поверх спичек. Затем смотрит на меня, и я вижу блеск в его глазах. Он хитро улыбается, я отвечаю тем же. Когда ты возбужден, то иногда возникает чувство, что нужно срочно отлить, даже если на самом деле тебе не хочется.

Он чиркает спичкой, ждет, пока та разгорится, а затем бросает в коробок, прямо на верхний ряд фиолетовых головок. Раздается сильный треск, затем шипение, вспышка, еще через полсекунды — вторая, когда занимается нижний ряд. Пламя достает мне до колен, оно такое яркое, что мяч полностью исчезает в огне. Но мы знаем, что он там, потому что вонища стоит ужасная, а нам все равно приятно, ведь у нас получилось.

Костер горит недолго. После него остается черное комковатое месиво, оно дымит и пускает пар, словно только что приземлившийся астероид. Мы опускаемся на колени и дуем, чтобы мяч можно было взять в руки. Мне хочется дотянуться первым, но он меня опережает. Мяч еще не остыл, и парень, взвизгнув, роняет его. Мяч конкретно потрепан. Теперь он скачет зигзагом, взад-вперед, будто полоумный. Мы оба хохочем, глядя на эти прыжки, и, когда мяч закатывается в канаву, я иду и склоняюсь над ним, встав на коленки.

Вся поверхность мяча покрыта волдырями и струпьями, как у самой что ни есть прыщавой рожи на свете навроде Элисон с дальнего конца улицы, у которой щеки напоминают блевотину. И еще он весь почернел и больше не круглый, а какой-то скособоченный овал.

И все-таки это не лужа резины. В смысле, нельзя сказать, что мы его расплавили. Зато мы определенно его сломали. Что и требовалось доказать. Мы его победили, пусть даже сейчас нам и жалко, ведь мяч был действительно классный.

Какое-то время мы развлекаемся, стучая мячом об асфальт, и это очень прикольно, потому что не знаешь, куда он отскочит, но, с другой стороны, это быстро надоедает, и вскоре я лишь делаю вид, что мне весело. Видно, что и парня это тоже слегка утомило. Нам нужно что-то новое.

— А у моего папы есть бензопила, — говорю я. — Он весь день с ней занимается, но сейчас у него перерыв на чай. Хочешь посмотреть?

Он пожимает плечами, но по лицу видно, что ему интересно.

Я веду его за дом, где нужно будет перелезть через калитку. Лезу первым. Я не стремлюсь установить какой-нибудь рекорд или еще что, просто стараюсь сделать все как надо. Теперь я могу открыть калитку изнутри, но он говорит, чтобы я закрыл ее, потому что тоже хочет

перелезть через верх. Я не предупреждаю его насчет расшатанной доски, и он слегка поскользывается, но в целом справляется вполне неплохо.

На нашей улице все дома одинаковые, кроме многоквартирного дома, из которого сделали психушку, и у каждого сбоку в заборе калитка. Миссис Спаркс всегда оставляет свою открытой, специально для меня, чтобы я мог доставать теннисные шарики, когда они залетают к ней, и не трезвонил каждый раз в звонок. Трава у нее во дворе такая высокая, что для теннисных шариков это просто кошмар. Мама говорит, что мне следует подстричь ее, но вызваться на такое самому — это просто смех на палочке.

На первый взгляд дома кажутся очень большими, но это не так, поскольку на самом деле каждый из них — это два дома. Дома, разрезанные пополам. Достаточно пересчитать входные двери, и все сразу станет ясно. Миссис Спаркс живет во второй половине нашего дома, и ее телик хорошо слышно через общую стенку. Она всегда врубает громкость на максимум, когда крутят сериал «Шоссе».

Итак, мы в саду, в окружении напиленных поленьев, глядим на бензопилу, и я вдруг начинаю сомневаться, что это такая уж хорошая идея. Ведь мне нельзя ее трогать, и когда я заикнулся о пиле, то думал, что мы просто залезем и посмотрим, но вот мы стоим и смотрим, и вроде как выходит, что просто так уйти уже не получится, иначе я буду выглядеть как девчонка.

Втайне я надеюсь, что вот-вот выйдет папа и нас прогонит, но потом перевожу взгляд на дом и вижу, что все шторы задернуты. Время как раз такое, когда на улице еще не темно, но если ты внутри, то свет все равно приходится зажигать. Шторы — это мамин пунктик. В смысле, закрывать их и открывать. Просто не знаешь, когда ей приспичит вскочить и начать бегать по дому, занимаясь этим делом. Она постоянно пытается заручиться нашей помощью, но никто из нас ее страсть почему-то не разделяет.

— Тяжелая? — спрашивает он.

— Ага, — отвечаю я. — С непривычки потом руки болят.

Он наклоняется и приподнимает пилу, взвешивая ее. А в следующую секунду уже стоит и держит пилу наперевес, словно пулемет. Если папа выйдет сейчас, нам точно влетит.

— Как она включается?

— Там такой шнурок, сзади, на ручке. Надо за него дернуть.

Он находит шнурок рукой, но при этом едва не роняет пилу и быстро подхватывает ее второй рукой.

— Тяжелая очень. Придется дергать тебе.

Я украдкой оглядываюсь на дом. Там по-прежнему никакого движения. Слышу Рейчел и Люси, которые либо тычут друг в друга булавками, либо все еще смотрят видео. Вот ведь попал! Надо было сразу сказать, что я не знаю, как она включается. Так было бы гораздо лучше. Но теперь уже слишком поздно.

— Мне нельзя, — тихо говорю я.

— Кто это сказал? КТО ЭТО СКАЗАЛ?

Похоже, он разозлился. Даже не знаю почему. Лицо вдруг перекошилось и стало очень неприятным. Будь оно таким, когда я выскочил на улицу, я бы тут же развернулся обратно. Парень не крупный, но мне страшно. В его голосе есть что-то такое, отчего сразу понимаешь: если не сделать, как он велит, все будет только хуже.

— Папа, — отвечаю я.

— Ты что, боишься его? Да?

Он сверлит меня взглядом, и я только сейчас замечаю, какие у него глаза: ярко-голубые, цвета пустого бассейна, такие голубые, что смотреть в них в упор невозможно. Кожа у него бледная, а волосы темные, короткая стрижка, из-за чего голубой цвет кажется еще голубее. И

это как-то неправильно. Типа лицо черно-белое, а глаза — цветные.

— Нет, — отвечаю я.

— Ну так что?

— Я не двигаюсь с места.

— Давай, — говорит он. — Будет весело.

Все пошло не так. И я здесь больше не главный.

Я делаю шаг вперед и беру за рукоятку, которой заводят пилу. Не могу придумать, как мне из этого выкрутиться.

— Мне нельзя.

Мой голос звучит так, будто я его умоляю.

— ДАВАЙ! Не будь девчонкой!

Стартер у меня в руке, но я не могу заставить себя потянуть за него.

— ДАВАЙ! — кричит он. Чего ждешь? Сдрейфил?

Я дергаю за шнур, точь-в-точь как это делает папа, но мотор лишь фырчит в ответ. Во второй раз происходит то же самое.

— Да что с тобой? Ты чё, слабак? Даже такой ерунды сделать не можешь?

Я тяну изо всех сил, и пила вдруг оживает у него в руках, взрываясь ревом, словно мотоцикл.

— Хоооохоооооооооооооо!

С победным криком он прочерчивает в воздухе большой круг. Пила такая тяжелая и шумная, что кажется, будто это не он ею двигает, а наоборот. Зубьев почти не видно — с такой скоростью они вспарывают воздух.

Я отступаю на шаг, но не очень далеко, чтобы он не думал, будто я испугался.

Сначала он проверяет пилу на тонкой ветке, и пила проходит насквозь словно через пустоту. В следующий момент он врывается в толстое полено, лежащее на земле. Пила рычит и дергается в его руках, точно вот-вот сорвется и отскочит неизвестно куда. Деревянные щепки веером разлетаются во все стороны.

Я пячусь еще на пару шагов и натываюсь на папу, выскочившего из дома, но я этого не слышал из-за грохота пилы, такого оглушительного, что все остальное как бы превратилось в немое кино.

Папа что-то кричит мне, но разобрать без титров невозможно.

— ВЫКЛЮЧИ НЕМЕДЛЕННО! — орет он.

Парень не слышит. Теперь я жалею, что не спросил, как его зовут, — на случай, если произойдет что-нибудь плохое. Папа явно не хочет подходить ближе, чтобы парень ненароком не задел его пилой, если вдруг повернется.

Когда пилёж на секунду прерывается, папа снова кричит:

— ЭЙ! ТЫ! СЕЙЧАС ЖЕ ВЫКЛЮЧИ ЭТО!

На этот раз парень слышит. Он поворачивается к папе и смотрит на него в упор. Папа отвечает тем же. Никто не двигается. Зубья бешено вращаются, рассекая воздух.

— Я сказал: выключи это, — повторяет папа, на сей раз спокойнее. Сейчас уже не так шумно, потому что парень перестал пилить.

Он не отводит взгляд. И ничего не говорит.

— СЕЙЧАС ЖЕ!

Парень меняет угол наклона пилы и упирает ее в бедро. В этой позиции он не просто держит пилу, он целится ею в папу.

Лицо у папы бледнеет. Бензопила такая штука, которую не так-то просто вырвать у кого-то из рук. Провода нет, так что из розетки тоже не вытащишь. Несмотря на свои размеры, перед

этим пацаном папа беспомощен.

— Кто ты такой? — спрашивает он.

Ответа нет. Тогда папа поворачивается, хватая меня за локоть и снова переходит на крик:

— ЭТО ТЫ ЕГО СЮДА ПРИТАЩИЛ?

Я киваю и резко кручу рукой как ветряная мельница, так что ему приходится меня отпустить. Глаза жжет от обиды и боли. Я поднимаю взгляд на дом и вижу Рейчел с Люси за стеклянной дверью балкона. Они стоят между окном и шторами, наблюдая за нами. Мама застыла у задней двери. Я бегу к ней, и она обнимает меня, прижимает к себе. Мне даже не стыдно.

Папа делает шаг вперед. Затем еще. Пила все работает. Если папа сейчас протянет руку, ее искромсает в клочья.

— Как тебя зовут?

Парень не отвечает. Он как будто в трансе. Непонятно, то ли он и в самом деле угрожает папе, то ли просто замечтался.

— Опустит пилу. — Папа старается говорить спокойно, но мне хорошо видно, с каким трудом ему это дается. — Сейчас же.

Парень по-прежнему стоит не двигаясь, тело напряглось от веса и вибрации пилы, взгляд направлен в папину сторону, но мне трудно сказать, то ли он смотрит на папу, то ли сквозь него.

Папа повторяет вопрос:

— Как тебя зовут?

После долгой паузы парень говорит:

— Я только что переехал.

— Куда?

Парень водит пилой из стороны в сторону, будто отрабатывает технику среза, будто он забыл, что папа стоит прямо перед ним.

— Куда? — повторяет вопрос папа.

Парень не отвечает. Он просто режет воздух на части, спокойный как удав.

— Положи пилу. Положи, пока не поранился.

Парень смотрит на папу. Ростом он едва достает папе до плеча, но такое впечатление, что это он смотрит вниз, а папа — вверх. На миг мне кажется, что на лице парня промелькнула улыбка.

— Скажите «пожалуйста».

Папа задумчиво трет лицо.

— Скажите «пожалуйста», — повторяет парень. Голосом, которым обычно разговаривают с ребенком.

В конце концов папа уступает:

— Пожалуйста.

Парень швыряет бензопилу в траву, словно та ему вдруг надоела. Раздается глухой шлепок, и пила замолкает. Она еще не успеваешь долететь до земли, а парень уже оказывается на улице, проскочив мимо папы и мимо меня. Я слышу, как, удирая, он хохочет.

И если бы не Олли, на этом между мной и Карлом все было бы кончено. Я же не идиот. Но ведь друзей не всегда выбирают, правда?

Хотя, возможно, вы этого и не знаете, потому что у вас их просто нет.

Мы с Олли на гоночном треке. На самом деле это не совсем трек, а просто кусок парка, который огородили и залили бетоном. Посредине — огромная восьмерка, тоже бетонная, но другого цвета. Мы считаем, что когда-то здесь и правда хотели устроить гоночный трек, но так и не закончили, а может, трек был здесь с самого начала, но потом его разобрали. Так или эдак, нам с Олли в общем-то без разницы. Главное, что он есть. Мы часто нарезаем здесь круги на великах, болтая о всякой ерунде, или отрабатываем торможение с заносом на гравии внутри восьмерки, а время от времени действительно устраиваем гонки. Иногда мы стартуем с противоположных концов, и когда ты достигаешь перекрестья в середине, то каждый раз рискуешь столкнуться с соперником, и вот тут самое главное — смотреть, у кого первого сдадут нервы. Первыми они всегда сдают у Олли.

Он рыжик. Рыжик-пыжик. Олли бесится, когда его так называют. Можно просто называть его «рыжим», но ему от этого не легче. Самое грустное, что вежливого слова тут не подобрать. Он такой рыжий, что вы даже представить себе не можете. Цвет волос, как у Олли, не часто встретишь. Наверное, такого цвета вообще почти не бывает. Лично я, кроме Олли, видел такое лишь один раз, на наклейке Донни «ОПАСНО! ВРЕДНЫЕ ОТХОДЫ!».

Поскольку Олли мой лучший друг, я дразню его за все что угодно, но только не за волосы. Он единственный человек в мире, кто мечтает поскорее облысеть.

В общем, мы с Олли на треке. Мы не делаем ничего особенного, просто типа пытаемся удержаться на одном месте, не касаясь ногами земли, но все это вроде как несерьезно. Мы не следим друг за другом, не засекаем время и ничего такого.

Олли замечает его первым. Он на дальней стороне трека. Он делает то же самое, что и мы, но только гораздо лучше. Он может удержаться целую вечность, не касаясь земли, не двигаясь вперед и даже не качаясь. На нас он не смотрит, он просто занимается своим делом. Он притворяется, будто не глядит на нас, но я-то вижу: парень прекрасно знает, что за ним наблюдают, потому что начинает еще активнее стараться удержать равновесие.

— Блин!

Я даже не знаю, почему это говорю. Как-то само вырвалось.

Последний раз мы виделись уже сто лет назад, но он по-прежнему в том же красном спортивном костюме. По идее, это форма «Арсенала», но только ненастоящая. Будь у меня такая, я повесил бы на спину цифру 7, как у Лайама Брэди, а Олли заставил бы нацепить 10, как у Фрэнка Стэплтона.

— В чем дело? — говорит Олли. — Ты его знаешь?

— Ага.

— Как его зовут?

— Без понятия.

— А кто он?

— Переехал на нашу улицу. Он чокнутый.

Но Олли уже крутит педали в его сторону. Вот уж чего бы я точно не сделал. Он вообще такой, Олли. Ему все интересно. Возможно, мне не следовало говорить «чокнутый», потому что я не имел в виду ничего хорошего. Наоборот, я имел в виду только плохое, но если сразу толком не объяснить, то может показаться, что это круто.

Я не могу оставаться на месте, пока Олли несется к нему, поэтому тоже жму на педали и пускаюсь следом, резко переключая скорость. Звездочки отвечают хрустом, потому что на высокой скорости трогаться нельзя, это плохо для сцепления.

— Привет, — говорит Олли.

Парень не отвечает, просто смотрит на Олли и слегка кивает.

— Классный велик, — говорит Олли.

Парень пожимает плечами и смотрит куда-то вдаль.

Будь у Олли хоть немного мозгов, он держал бы себя в руках, но это не по его части. И он спрашивает:

— Тебя как зовут?

Парень медленно поворачивает голову к Олли и осматривает нас обоих сверху донизу, каждого по очереди. Я не могу понять, узнал он меня или нет.

— Карл, — отвечает он. — Я — Карл.

— Олли, — говорит Олли. — А это — Бен.

Карл снова кивает, на этот раз мне. Кивок точь-в-точь такой же, каким он ответил Олли, как будто видит меня впервые в жизни.

— Айда покатаемся, — говорит он.

И срывается с места. Причем не просто быстро, а супербыстро. Это вызов. Обычно в таких случаях ты просто думаешь: «Да ну его!» — но он исчезает так стремительно, что мы понимаем: не рвани мы следом прямо сейчас, то отстанем так сильно, что никогда его не догоним. На решение у нас доля секунды.

Мы с Олли переглядываемся. Инстинкт велит жать на педали, но что-то мне мешает. Олли стартует первым, я за ним.

Карл уже далеко впереди. Он даже не оглядывается, будто ему все равно, едем мы за ним или нет. Несется по главной дорожке, мимо лужайки для боулинга, к воротам, но прямо перед выходом из парка вдруг резко ныряет влево, и мы сворачиваем за ним, подпрыгивая на кочках. За теннисными кортами мы снова вылетаем на дорожку, и Карл петляет влево, к футбольному полю, а затем вдруг резко тормозит с заносом и в следующий момент уже гонит прямо на нас, лоб в лоб, как камикадзе. Ни я, ни Олли к этому не готовы, и только поэтому мы не сворачиваем в сторону, но в последнюю секунду Карл резко меняет курс, крутит руль вправо и исчезает из виду. Там спуск. Самый крутой во всем парке. Никто еще ни разу не съезжал по нему на велике.

Вот теперь мы с Олли останавливаемся. Склонив головы набок, вслушиваемся. Сначала все тихо, а затем вдруг раздается боевой клич — такой вибрирующий клич, это все из-за кочек, по которым он несется вниз. Нам слышно, как он вылетает на главную дорожку, поскольку клич перестает вибрировать.

Ни грохота, ни треска. Он сделал это. Мы подъезжаем к краю склона. Он внизу, смотрит на нас, задрал голову.

— За мной, — кричит он. И уезжает.

Когда-то мы торчали тут целыми днями, прикидывая, рискнуть или нет, но так и не решились. А тут Олли вдруг срывается с места, буквально перемахивает через край склона и несется вниз с победным криком. Он даже не тормозит у подножия спуска, а мчит прямо за Карлом.

— Фигня! — кричит он мне через плечо.

— Знаю! — кричу я в ответ.

В груди у меня все сжимается, а в глотке такое ощущение, будто там что-то застряло, хотя это не так. Олли уже у теннисных кортов. Он крутит педали, но то и дело оглядывается на меня. Я должен рискнуть.

Изо всех сил вцепляюсь в руль и ныряю вниз.

До середины спуска я не могу выдавить из себя нормальный крик. Все тело трясется так, будто я в падающем самолете и он вот-вот грохнется об землю, а живот остался там, наверху

прекращается. Поднимаю глаза. Карл исчез.

Наверху мы снова седлаем велосипеды и проносимся через мост, что занимает у нас не больше пяти секунд. Рельсов с моста не видно, так как по обе стороны тянутся высокие стенки, что, на мой взгляд, неправильно. Обычно на середине мы останавливаемся и начинаем подпрыгивать, так как если одновременно подпрыгивать на мосту вдвоем, то его можно хорошенько раскачать, но сейчас нам не до того.

Когда мы добираемся до противоположного конца, Карл уже в седле, балансирует на середине лестницы, голова повернута назад. Будь у нас сейчас хоть немного желудей, мы могли бы запросто его обстрелять, но вместо того, чтобы запастись боеприпасами, мы сдуру выбросили все еще там, внизу.

— Секите, — говорит он.

И отпускает тормоз. В следующую секунду он уже грохочет вниз по лестнице. С середины. Совсем шизанутый! Ведь внизу один сплошной бетон. Нам с Олли даже *в голову не приходило* съехать на велике по ступенькам моста. Нужно быть совсем без башни, чтобы додуматься до такого. И вот теперь Карл делает это прямо на наших глазах.

Его велосипед подскакивает вверх-вниз как припадочный, и чем ближе земля, тем быстрее вертятся колеса, как-то неестественно переваливаясь взад-вперед, а затем, когда до земли остается всего несколько ступенек, переднее колесо вдруг заносит влево, заднее подбрасывает вверх, Карл перелетает через руль и шлепается лицом о бетонную площадку, а велосипед с грохотом обрушивается на него сверху.

Это должно быть смешно, но нам не до смеха. Карл лежит ничком, без движения, и никто даже не улыбается.

Мы с Олли бросаем велики и кубарем несемся вниз. Когда мы добираемся до земли, Карл уже на ногах. Он разглядывает свои ладони, все исцарапанные и черные. Из кровоточащих порезов торчат мелкие камешки. А прямо над ухом — красный сгусток.

— Там на ступеньке был камень. Я налетел на камень.

Мы с Олли молча киваем.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— Да.

Голос злой, типа не лезь не в свое дело.

Мы смотрим, как он отряхивает руки и пробует пальцем рану на голове. Я поднимаю его велик и проверяю колеса. Восьмерок нет. Переднее, правда, слегка поскрипывает, но никаких серьезных повреждений вроде не видно. Он отбирает у меня велосипед и проверяет колесо сам.

Карл возится с великом целую вечность, а мы просто стоим и смотрим.

— На черта вы велики там оставили?

Вопрос звучит так, будто это не он, а мы сделали что-то не то. Причем так убедительно, что начинаешь верить сам.

Ничего не отвечая, мы с Олли взбираемся обратно по лестнице. Всю дорогу мы молчим и продолжаем молчать даже тогда, когда оказываемся так высоко, что Карл нас все равно не услышит.

А потом медленно спускаемся с великами вниз. Когда мы добираемся до бетонной площадки, Карл уже снова в седле.

— За мной, — говорит он и жмет на педали.

Не думаю, что кому-то из нас на самом деле хочется следовать за ним, но не сделать этого мы не можем. Странно, что он не едет домой, но мы по-прежнему помалкиваем.

Карл ведет нас вниз по Фрэнсис-роуд, в объезд муниципалок, где я никогда раньше не был, под железнодорожный мост и дальше по свалке, виляя между огромными контейнерами, а

потом еще пару раз сквозь парк. Он больше не показывает трюков, но все равно это погоня, и нам по-настоящему весело. Удивительно, он едва переехал сюда, но уже знает места, где я никогда еще не был. А может, он просто едет наугад, куда глаза глядят, и считает, что никто его не остановит. И это круто. Не так круто, как когда он свалился, но все равно круто.

Время ужина, и мы перед домом Олли. Обычно в таких случаях я иду вместе с ним, но сегодня здесь Карл, и я не спешу за Олли. Мы прощаемся, и Карл спрашивает, будем ли мы на том же месте завтра.

Мы с Олли переглядываемся, и Олли отвечает «да», хотя я тарацил глаза, подавая ему совсем другие знаки.

Я еду домой с Карлом. Сперва мы останавливаемся перед его домом, а затем я кручу педали к себе. Мама спрашивает, с кем я гулял, и я отвечаю, что с Олли.

Пилигримы

Завтрак едва заканчивается, как я срываюсь к Олли. Дверь открывает его мама. Вот от кого у Олли «рыжиковые» гены. Гены — это такие крошечные частички тебя, которые ты получил от своих родителей, и, по словам ученых, это практически весь ты, целиком, так что если родители начнут тебя за что-нибудь ругать, можно списать все на гены и переложить вину на них же самих.

На маме Олли рыжий смотрится красиво. С женщинами вообще все по-другому. Когда мой папа с ней разговаривает, то становится красным и взмокшим, словно пытается починить розетку или настроить видик.

— Его нет.

Мама Олли никогда не говорит «здрасьте» или «до свиданья», зато иногда может вынести тарелку с печеньем. Отца Олли я немного побаиваюсь, к тому же он все время молчит. Когда дверь открывает он (правда, такое случается крайне редко), то всегда кажется, будто он недоволен моим появлением, но, с другой стороны, он вечно чем-нибудь недоволен, так что я здесь, скорее всего, ни при чем.

— А где он?

— Не знаю. За ним зашел какой-то мальчик. Я его раньше не видела. И они вместе уехали на велосипедах.

Внезапно мое сердце начинает колотиться так сильно, что я натурально слышу его биение. Словно мне только что вмазали в челюсть. Я разворачиваюсь, чтобы ехать в парк, но калитка у Олли такая, что с великом между ног открыть ее не так-то просто. Пока я пытаюсь протиснуться в щель, мама Олли говорит:

— Ну, пока.

Она улыбается, словно происходит что-то очень смешное, чего я не понимаю. Типичный случай: «пока» она говорит только тогда, когда совершенно не имеет этого в виду.

— Пока.

Я стараюсь придать голосу естественность, но она уже закрыла дверь.

Я жму изо всех сил, как на велогонках, и даже не обращаю внимания на жжение в ногах, которое дает о себе знать еще до того, как я преодолеваю половину пути, но, едва въехав в парк, резко даю по тормозам. Я вижу их издали. Они на треке, на великах, в том самом углу, где обычно тусуемся мы с Олли, где можно сидеть, поставив обе ноги на педали, и держать равновесие, прислонившись к столбам ограды. Глядя на них, можно подумать, что эта парочка знакома уже сто лет.

Мне тут же хочется развернуться и рвануть обратно домой.

Так и надо было сделать. Выждать, пока Олли приползет первым. Показать ему, как подло он поступил. Но оставить их вдвоем я тоже не могу. Не могу проторчать целый день в одиночку, зная, что они сейчас вместе и чем-то там занимаются без меня. Я должен подъехать к ним, хотя меня и тошнит от одной лишь мысли, что придется в разговор со своим «привет», как будто новенький в их компании — я.

Я разгоняюсь и сворачиваю на трек, не снижая скорости. Нацеливаюсь на Олли и жму прямо на него, ноги качают вверх-вниз изо всех сил. Напрочь игнорируя бетонную «восьмерку», я мчусь так, словно хочу врезаться в ноги Олли на полном газу, но в самый последний момент с силой сжимаю передний тормоз и резко даю на задний. Наклон в сторону, нога в землю и резкий занос прямо перед ним, подгаданный так идеально, что Олли невольно дергается назад, ему кажется, что мне ни за что не остановиться вовремя, но я останавливаюсь, чуть не сбив его,

и наши шины едва касаются друг друга, будто в легком поцелуе. Даже профи не подгадал бы лучше.

По-моему, после такого трюка здороваться уже незачем. Перевожу взгляд на Карла, посмотреть на произведенный эффект.

Похоже, тот совершенно не впечатлен.

— Идиот, — ругается Олли. — Ты мне чуть ноги не переломал.

— Но не переломал же?

Олли недовольно хмыкает.

Все молчат. Мне сказать нечего, Олли, похоже, тоже. Мне хочется узнать, о чем они тут без меня говорили, но просто взять и спросить я не могу.

В конце концов Карл нарушает молчание первым:

— Мы собираемся в путешествие.

— Когда? — спрашиваю я.

— Сейчас. В Уэмбли.

— В Уэмбли?

— Ага. К стадиону «Уэмбли».

До Уэмбли десятки миль. В буквальном смысле. Даже на машине это целая вечность. На велике же это вообще нереально. Раз в сто дальше, чем мы с Олли когда-либо забирались.

— Мы будем как эти... ну, как их там? — вступает Олли. — Когда отправляешься посмотреть на что-то, потому что это знаменитое место. Как они называются?

— Мы не доедем до Уэмбли, — перебиваю его я. — Дотуда жуть как далеко.

Но Карл не уступает:

— Подумаешь, далеко. Фигня какая. Велики для того и существуют, чтобы гонять как можно дальше.

— Да... но...

Я хочу сказать, что это невозможно, что нам здорово влетит, что это просто нельзя, но не могу придумать, как все это выложить и не показаться трусом.

— Как мы найдем его? — спрашиваю я.

Карл поворачивается и указывает рукой.

Где-то там, далеко-далеко, почти на горизонте, над теннисными кортами, как две большие меренги, — башни-близнецы Уэмбли.

— И что? — говорю я. — Отсюда-то их видно, но это еще не значит, что мы их найдем.

— Почему?

— Да потому, что мы не знаем дороги.

— Нет, знаем. Вон туда.

— Это не дорога. Это направление.

— Один хрен.

— Мы не знаем, какая дорога правильная.

— Если направление правильное, то и дорога правильная.

— Но ведь стадион видно не всегда. А когда его не видно, мы не будем знать, куда ехать.

— Он же никуда не денется, так? Не сбежит, если на него не смотреть?

— Да, но его вообще почти не видно. Там слишком много домов.

— В этом-то и прикол! Мы поедem в том направлении и посмотрим, сможем мы до него добраться или нет.

— А что, если мы заблудимся?

Карл пожимает плечами.

Я смотрю на Олли. Лицо у него серьезное, но я не могу понять, страшно ему или нет.

— Это слишком далеко, — заключаю я.

— Олли говорит, это примерно полчаса на машине, и если машина идет где-то под тридцать, значит, это пятнадцать миль. Фигня.

— Но это займет весь день. А как же обед?

Карл вынимает из кармана что-то маленькое и мятое и двумя руками рывком разворачивает у меня перед носом. Банкнота в десять фунтов.

— Откуда это у тебя?

— Оттуда же, откуда и все остальное.

Ненавижу, когда люди так себя ведут. Вроде и отвечают на твой вопрос, но без ответа — специально, чтоб ты задавал еще больше вопросов, чтобы в конце концов довести тебя до белого каления. Я не собираюсь играть в эти игры, а потому просто смотрю на него в упор. И тут замечаю кое-что странное. Место над ухом, где он ударился головой о бетонку, по-прежнему в спекшейся крови. Склеенные волосы свисают тонкими красными сосульками. Украдкой кошусь на его руки. Правая ладонь лежит на бедре, и она абсолютно не изменилась со вчерашнего дня. Ее не мыли, царапины по-прежнему все в грязи. И пластыря тоже нет.

Карл замечает мой взгляд и резко отдергивает руку.

Олли мечтательно смотрит на башни-близнецы.

— Как же это называется? пытается вспомнить он. — Есть же какое-то слово. Как-то на «п».

Порой Олли бывает настолько тупым, что не просекает, когда надо испугаться. Вытворяя вместе со мной всякие рискованные штуки, он пугался обычно только через день. В травмопункт он попадает гораздо чаще, чем большинство людей ходят к зубному врачу.

— Тебя никто не заставляет, — говорит Карл. — Можешь не ехать, если ты такое ссыкло. Без тебя обойдемся.

Мне хочется спросить у Олли, действительно ли он уверен, что нам не влетит, но при Карле я не могу. И говорю:

— Пилигримы. Это называется «пилигримы».

— Неправильное какое-то слово, — отвечает Олли.

Все это не просто треп. Они и вправду собираются это сделать. И я не могу допустить, чтобы они сделали это без меня. Не могу сидеть сложа руки, пока Карл уводит Олли у меня из-под носа. Выбора нет, я должен поехать с ними. А если вы думаете, что выбор есть всегда, — если считаете, что мне следовало развернуться и ехать домой, — это лишний раз доказывает вашу тупость и то, что вы ни черта ни в чем не смыслите.

Согласиться поехать, но при этом трястись от страха, ненамного лучше, чем выйти из игры в самом начале. И коль уж я решился влезть в это дело, надо выглядеть уверенным. Вести себя так, типа я и сам мог бы предложить такую идею.

— Так чего стоите? — спрашиваю я. — Поехали.

И первым жму на педали. Им приходится рвать следом.

Мне не хочется, чтобы они решили, будто я специально жму что есть мочи, но вообще-то так оно и есть. Однако мы еще не выехали из парка, а Карл меня уже обгоняет. Я слышу, как скрипит его переднее колесо, когда он вырывается вперед.

Кентон-роуд — это две полосы в каждую сторону, дорога очень скоростная и всегда забитая машинами. То, что мне нельзя здесь ездить на велосипеде, настолько очевидно, что никому даже и в голову не приходило мне об этом говорить. Но Карл не раздумывает ни секунды. Он ныряет прямо в поток, словно обычный автомобиль. Нам с Олли ничего не остается, как нырнуть за ним.

Автобусы и грузовики проносятся мимо с такой скоростью, что тебя качает от каждого из них: воздушная стена сперва толкает к обочине, а затем так же всасывает обратно. Ни один из люков не уложен вровень с дорогой, и когда ты видишь, как приближается очередной из них, у тебя не больше секунды, чтобы принять решение: проскочить между машинами или нестись вперед и перемахнуть через впадину, рискуя вылететь из седла. Это реально страшно, и весельем тут даже не пахнет.

Карл оборачивается с ухмылкой. По всему видно, что ему это нравится. Он что-то кричит, но мне не слышно, и машет рукой через дорогу — туда, где мы видели башни стадиона в последний раз, а затем вдруг резко бросает велик наперерез потоку и уходит к скоростной полосе. Без единой мысли в башке я делаю то же самое, следом за мной Олли. Большой грузовик громко гудит, сигналист фарами и визжит тормозами, но нам уже по барабану. Карл останавливается прямо посреди дороги и ждет нас.

— Туда, — говорит он.

Автомобили со свистом проносятся с обеих сторон. Нам нужно направо, но мы не подъезжаем к светофору, как делают все велосипедисты, мы стоим на разделительной полосе и ждем, пока во встречном потоке не образуется брешь. Поскольку же мы на великах, никто нас не пропускает. Машины пролетают мимо, оглушительно сигналивая и виляя в сторону в самый последний момент. Это немного напоминает кегельбан. Где кегли, разумеется, мы.

Мы ждем целую вечность, но бреши все нет. Никто не говорит ни слова. Наши ноги наготове — одна на земле, другая поддавливает педаль, головы наклонены в одном направлении, мы напряженно всматриваемся в нескончаемый шумный поток, дожидаясь подходящего момента. Но один за другим выпадают лишь полумоменты: я почти уверен, что сумею проскочить, но в последний миг останавливаюсь и снова вглядываюсь в пролетающие мимо автомобили, прикидывая, успел бы я все-таки или нет.

В один из таких полумоментов Карл решает рискнуть. Скоростной ряд пуст, но по левому прет «вольво», причем совсем рядом, и как только Карл срывается с места, всем становится ясно, что пути назад нет. К тому же он переключил не на ту скорость, потому что не ускоряется вообще, и все как будто в замедленной съемке — он вот-вот влетит в передний бампер «вольво», и пусть этого еще не случилось, но машина так близко, так неотвратимо близко, что Карл уже может считать себя трупом. Я даже вижу, в какой именно точке это произойдет: Карл будет ровно на середине полосы, когда там же окажется «вольво». Карл не останавливается, а «вольво» прет слишком быстро и уже просто не успеет остановиться, но водитель все равно бьет по тормозам, и машина уходит в юз, колеса заклинивает, шины с визгом скользят по асфальту. Впечатление, что Карлу осталось жить не больше полсекунды, но тут визг вдруг прекращается, колеса вновь начинают крутиться, машина, дико накренясь, оказывается на скоростной полосе, глаза водителя буквально выпрыгивают из орбит, когда он проносится мимо нас, втискиваясь в зазор между задним колесом Карла и моим передним, и вот все уже позади, и Карл стоит там, на противоположной стороне дороги, целый и невредимый, с улыбкой до ушей.

В воздухе пахнет жженой резиной, точь-в-точь как тогда, когда мы пытались расплавить мяч Карла.

Он слезает с велосипеда и исполняет победный танец, размахивает руками и вихляет задом. Кажется почти невероятным, что он там, живой и здоровый, да еще и танцует, и я ничего не могу с собой поделать, я стою и пялюсь на Карла, как он в своем красном тренировочном костюме вертит задницей на противоположной стороне дороги, и все остальное разом перестает для меня существовать. Он слюнявит кончик пальца и рисует в воздухе, на воображаемой доске, цифру «1», а затем складывает большой и указательный пальцы буквой «О» и показывает нам. Машины с шумом проносятся между нами, и от этого чудится, что он где-то совсем в другом

мире. Будто я смотрю на него сквозь экран, типа он в телевизоре, а я — реальный.

Я знаю, нет ничего опаснее безбашенного человека, и знаю, что должен его опасаться, но одно дело знать, и совсем другое — чувствовать. А я этого не чувствую. Единственное, что я сейчас чувствую, сильнее всего на свете, так это кураж. И это странно, ведь я не такой, как он, и я знаю, что он плохой, но мне все равно хочется быть с ним. Быть там, на той стороне, и так же танцевать, глядя на торчащего посреди дороги Олли.

Но Олли меня опережает. Я перевожу взгляд на дорогу, вижу большую брешь и мчусь следом за ним. Будь даже брешь самой маленькой на свете, я все равно рванул бы вперед.

— Видел его рожу? — кричу я. — Того, в «вольве»?

Я раздуваю щеки насколько хватает мочи и сдвигаю брови до самого носа.

Олли с Карлом хохочут, и мы принимаемся корчить рожи наперебой, соревнуясь, у кого смешнее, а затем вновь отправляемся в путь. Теперь это самая обычная дорога: дома по обе стороны и почти без машин. После Кентон-роуд просто санаторий. Где мы только не колесим. Иногда мы поворачиваемся и пытаемся рассмешить друг друга, строя «вольвовские» рожи тому, кто едет сзади. Мы возбуждены, будто только что победили в какой-нибудь суперигре, и любая мелочь заставляет нас едва не лопаться от смеха. Даже стучаясь великами, мы хохочем. Наверное, все потому, что мы и в самом деле едва не погибли.

Улица, по которой мы едем, точь-в-точь как наша, только спуск здесь другой. Свою улицу не спутаешь ни с чем. Очень скоро мы оказываемся у перекрестка. На асфальте стоп-линия, она показывает, что остановиться должны именно мы. Мне кажется, что я уже был здесь когда-то раньше, на машине, но я все равно не могу сообразить, где мы находимся. На велике сюда я точно не заезжал. Наверняка я знаю лишь одно: наш дом остался где-то сзади.

Башен-близнецов Уэмбли не видно с самого парка.

— Туда, — Карл указывает через перекресток.

Он не снижает скорости перед белой линией и не ждет, согласимся мы с ним или нет, он просто едет вперед, и мы торопимся следом.

Улицы петляют и извиваются, и целую вечность на стадион нет даже намека. Половину времени мы колесим по тихим улочкам с домами, вторую половину — по большим дорогам с магазинами, но после Кентон-роуд не страшно уже ничего. Точно мы стали невидимками.

Когда мы добираемся до развязки, — на велосипеде я такой никогда не пересекал, машины несутся на тебя со всех сторон, как в видеоигре, — нам остается лишь действовать наугад, поскольку даже Карл признается, что не уверен, в какую сторону сворачивать.

Но тут мы замечаем железную дорогу и едем вдоль нее, в нужном, как нам кажется, направлении. Рельсы приводят нас на станцию «Престон-роуд», что означает: курс верный, поскольку «Престон-роуд» станция между нашей и Уэмбли. Сразу за ней мы снова видим башни стадиона, и это кажется чудом, поскольку теперь они намного ближе. И намного выше.

Оказывается, можно доехать куда угодно, и для этого не надо ни у кого отпрашиваться, и ничего плохого с тобой не случится. Это все равно что вдруг научиться играть в самую чумовую игру на свете. Ты вдруг понимаешь: может, что-то и находится от тебя далеко-далеко, но это вовсе не означает, что там опаснее, чем на твоей улице. В общем, ты вдруг просекаешь, что мысль, будто твой крошечный мирок — единственный безопасный на свете, полная чушь. Очень далеко от тебя — это очень близко для тех, кто живет там, а твой собственный дом — край света для них. Люди живут повсюду, и получается, что далекое для одних — близкое для других, а значит, ничего страшного в этом далеком нет и в помине.

Если хорошенько подумать, то все это вроде как само собой разумеется, просто для меня это совершенно поразительное открытие.

За все это время я ни разу не взглянул на часы и почти не чувствую усталости, когда мы

сворачиваем за угол и перед нами открывается длинная, прямая дорожка, ведущая прямо к башням-близнецам. Мы видели эту дорожку по телику. Любой человек на Земле наверняка видел ее по телику, в день финала розыгрыша кубка, когда тысячи болельщиков, расталкивая друг дружку, устремляются к стадиону и такое впечатление, будто перед тобой длинная ковровая дорожка из тысяч и тысяч людей. И вот мы здесь. Только мы одни. И все это только наше.

Олли издает крик первым, но стоит ему открыть рот, как мы тоже начинаем громко вопить, пока хватает дыхалки. Мы несемся вниз по дорожке, и сердца колотятся как чокнутые, а мы катим все быстрее и быстрее, прямо к лестницам стадиона, как бы наперегонки и вроде как не наперегонки — просто мчимся со всей мочи, радуясь, что добились своего, что добрались-таки до Уэмбли. И это самое потрясающее чувство на свете.

Мы болтаемся у стадиона целую вечность, взбираясь на всевозможные пандусы, съезжая с них, разгоняясь и тормозя с заносом прямо в лужах (огромных-преогромных). Парковка перед стадионом такая здоровенная, что, глядя на нее, просто невозможно удержаться от желания пронестись от края до края на самой зверской скорости. Там никого кроме нас, нас и голубей, тучей взмывающих вверх, если ты несешься прямо на них. Карл предложил задавить хотя бы одного, но нам не удается даже приблизиться к птицам.

Мы так увлеклись, что начисто забыли про обед. И просто вдруг обнаруживаем, что крутим педали в сторону дома, хотя никто из нас даже не заикался, что пора назад. Несмотря на то что прежде я таких далеких путешествий на велике не совершал, дорога словно впечаталась в мозг, и обратный путь мы преодолеваем на автомате. Все перекрестки запечатлелись в памяти, и ты, не задумываясь, сворачиваешь куда надо. Нам даже не нужно об этом говорить. Мы просто едем в одну и ту же сторону.

Меня всегда удивляло, откуда взрослые знают, как добраться в то или иное место, но теперь-то я их понимаю. В этом нет никакого чуда. Или же это чудо, на какое способен любой из нас.

На обратном пути я вдруг вспоминаю, что так и не рассказал Олли про то, что знаю о Карле. Не рассказал про бензопилу — как он проиграл и повел себя точно придурок.

Сначала я думал, что не утерплю поскорее все ему выложить — чтобы оттолкнуть Олли от Карла и вернуть вещи на свои места, — но теперь мне кажется, что разумнее попридержать язык до лучших времен. Возможно, втроем нам будет веселее. Возможно, стоит выждать и посмотреть: а вдруг Карл окажется нормальным пацаном? Когда он рядом, что-нибудь всегда происходит. Что-то такое, чего раньше никогда не происходило.

Сперва мы подъезжаем к дому Олли. Уже почти стемнело. Прощаясь, Карл спрашивает у Олли его номер телефона. Олли исчезает в доме и через минуту возвращается с листочком бумаги.

— Номер Бена я тоже записал. — Он протягивает бумажку Карлу.

— А он чего, сам писать не умеет?

Поскольку обращается Карл к Олли, а не ко мне, я не могу ответить, но от его слов мне становится как-то не по себе: ведь мы только что вместе просто классно повеселились, и вдруг он ведет себя так, словно хочет нарваться на ссору.

— А твой? — Олли явно пытается сменить тему разговора.

Карл молча берет ручку, рывком закатывает Олли рукав и пишет большими цифрами прямо у него на руке. Олли дергается и хихикает.

— Ну, а тебе? — обращается он ко мне, закончив с Олли.

Я пожимаю плечами, что означает «да». Карл берет мою руку и выдавливает на тыльной

стороне кисти крошечные, корявые цифры. Я делаю вид, что не заметил разницы или что мне по барабану, а сам втайне напрягаю мозги, пытаюсь придумать в отместку какую-нибудь шутку, которая снова уравнивает ситуацию, но ничего путного в башку не лезет.

Мы стоим ровно на том самом месте, где мама Олли сказала мне, что Олли с Карлом уехали без меня. Полное ощущение, будто прошла целая вечность, хотя это было всего лишь утром. И вот теперь, когда Карл сжимает мне руку, корябая на ней крошечные цифирки, меня вновь охватывает все то же утреннее чувство: что меня вычеркивают, что Карл поставил меня рангом ниже Олли.

Прощаясь со мной, Олли отводит глаза.

Позднее, в ванне, я скребу и скребу, пока не становится больно, пока от надписи не остается и следа.

По субботам у нас с Олли давно вошло в систему, пока не начался спортивный обзор по телику, устраивать возню на ковре в гостиной, подражая приемам борцов.

Но теперь, когда к нам присоединяется Карл, игра становится совсем другой. Борьба скорее похожа на драку, особенно если я против Карла. Он может побить нас обоих, но с Олли он обходится гораздо мягче. Карл специально делает так, чтобы свалиться на ковер, сплетясь с Олли в какой-нибудь прикольной позе, и при этом они всегда ржут как шизанутые. Когда же очередь доходит до меня, он просто хватается за локоть, за руку или за ухо и крутит изо всех сил, пока я не сдамся, а потом снова и снова повторяет свой приемчик, заставляя просить пощады.

Олли он никогда не делает больно. Только мне. И Олли об этом знает, но ему все равно.

Олли он действительно нравится. В этом-то вся проблема. Олли нравится быть в группе, а не в паре. Так что с Уэмбли и до самого конца каникул наша троица — единая команда. Теперь мы с Олли больше не бываем вдвоем. Теперь мы всегда втроем.

Меня это не устраивает, я этого абсолютно не хочу, но как его можно не пустить, если Олли сам его позвал? И как я могу сидеть дома один, изнывая от скуки? Чтобы против кого-то пойти, надо действовать сообща. Если у тебя есть друг, все получается как бы само собой, ты особо не заморачиваешься на эту тему. Достаточно того, что вы вместе, и всем сразу становится ясно: в эту компанию никого больше не приглашают. Но с Карлом Олли ведет себя совершенно иначе. Он открывает двери и впускает его без всяких разговоров, даже не интересуясь, нравится мне это или нет.

Теперь мы всегда собираемся только у Олли. К Карлу нас никто не приглашал, ко мне мы, естественно, тоже не ходим. У папы точно бы крышу снесло. Я не смог бы ему объяснить, как это Карл вдруг стал моим другом. Меня, если честно, никто и не спрашивал, но папе этого не понять.

Как только подворачивается удобный случай и мы с Олли остаемся наедине, я выкладываю ему историю про бензопилу. Но слишком поздно. К тому времени Олли уже в курсе, что мы с Карлом не в ладах, и моя история выглядит не очень-то правдоподобной. Наверное, она даже выглядит так, будто я специально все выдумал, чтобы настроить Олли против Карла.

Нет, Олли не говорит, что я вру. Он просто пожимает плечами:

— Ну?

Я пересказываю историю еще раз, теперь уже в красках и со всеми подробностями шизанутого поведения Карла. Но даже после этого Олли талдычит свое вечное:

— Ну?

Баранки гну! Объяснять ему что-то бесполезно. Абсолютно без толку.

Иногда я думаю, что на самом деле Олли не нравится Карл. Ему просто нравится разница между тем, как Карл обращается с ним и со мной. Раньше, когда нас было всего двое, главным был я. Теперь же все наоборот, главный теперь Карл, а я — где-то в самом низу мусорной кучи. И если теперь кого и обижают, делают больно или дразнят, то всегда только меня, и никогда Олли, не говоря уже о Карле.

Если Олли действительно считает, что я обращался с ним плохо, он должен был прямо сказать мне об этом. А позволять какому-то новичку захватить власть — это просто глупо, потому что Карл все только портит. Это же ясно и дураку. Но Олли всегда был таким. Олли хочется, чтобы все шло по накатанной год за годом, а потом его вдруг клинит и он решает, что

теперь ему нравится что-то новое. Мол, нравится, и точка, причем без всякого предупреждения, и переубедить его просто нереально. Я могу говорить о Карле все что угодно, от этого ровным счетом ничего не изменится.

Как правило, Олли делает то, чего хотят другие, но думает он всегда только о том, чего хочет сам. Уговорить его по мелочи — раз плюнуть, но когда дело касается чего-то важного, ты можешь хоть лоб расшибить. Наполовину бабочка, наполовину осел. Такой уж он, Олли.

Теперь, когда нас трое, изменилось все. Карл новичок и по идее должен вести себя как гость, но с той самой минуты, как Карл становится частью команды, он сразу берет власть в свои руки. Одну за другой он портит нам все привычные игры либо настраивает нас против всего, что нам когда-то так нравилось. (См. Табл. 1.)

Трудно сказать, чем мы занимаемся взамен. Мы стали больше слоняться по улицам. Довольно часто мы просто идем в торговый центр и часами глазеем на прилавки, рассуждая, что бы мы купили, будь у каждого из нас по миллиону. Возможно, кому-то это покажется скучным, но с Карлом скучно не бывает. Есть множество вещей, которые мне в нем не нравятся, но одного я о нем не скажу никогда: что с ним скучно.

Табл. 1. Игры, испорченные Карлом

Игра	Как Карл ее портит
«Монополия»	Игра надоедает ему сразу, как только он начинает проигрывать: он щелчками сбивает фишки, а потом все подстраивает так, что ты переживаешь из-за ненастоящих денег и дико стыдишься этого.
«Клюедо»	Раньше времени подглядывает, кто убийца.
Бильярд	Сбивает шары со стола, когда начинает проигрывать, и издевается, говоря, что только дети играют на таких маленьких столах, как у Олли.
Настольный теннис	Начиная проигрывать, он лупит по шару, метясь тебе в лицо
Дартс	В гараже целится куда попало, только не в круг.
Футбол	Фолит и отказывается идти за мячом, даже когда сам запинывает его за забор.
Крикет	Никогда не признается, что выбыл, хотя это ясно любому.
Велосипед	Превращает катание в гонки не на жизнь, а на смерть и обзывает тебя трусом, если ты отказываешься переезжать через рельсы с разгона.
Борьба	Делает мне больно
Компьютерные игры	Никак. Даже Карл не может указывать компьютеру, что делать.

Когда начинается учебный год, я узнаю самую лучшую новость на свете. Карл не в нашей школе. А это значит, что всю неделю мы с Олли будем только вдвоем, точь-в-точь как раньше. И у меня есть план. Я стану обращаться с Олли лучше. Не буду им больше понукать и командовать и даже перестану называть его идиотом.

Однако все должно идти постепенно. Нельзя, чтобы он решил, будто я подлизываюсь. Пусть медленно, но я отвоюю Олли обратно и докажу ему, что Карл нам не нужен.

Первый день после каникул всегда намного волнительнее, чем ты готов признаться, и не просто потому, что так было всегда, а еще и потому, что это наш последний год в начальной школе. Мы чувствуем себя настоящими королями. Наконец-то мы — старшие. И самые главные.

На первой перемене все парни собираются в лучшей части двора, вокруг фонтана. Только старшекласники имеют право на это место, и никому из нас здесь раньше бывать не приходилось, разве что забежать на секунду, чтобы достать мяч, или после занятий, но это не в счет.

Отсюда прекрасно виден весь двор, никто больше не сможет подобраться к нам сзади, плюс в нашем распоряжении теперь лучший из всех футбольных газонов, которым мы пока даже не воспользовались. Еще столько всего, к чему нужно привыкнуть. Так что нам пока не до игр.

У девчонок из нашей параллели тоже новое место — на верхушке холма, под деревом. Двое парней идут к ним поболтать и заодно разведать новую территорию. Странный, конечно, поступок, но поскольку эти двое не какие-нибудь там лохи или ботаники — речь идет о Мартине Кэе и Скотте ФранкLINE, — никто над ними не смеется. Наоборот, все поражены и молча наблюдают за происходящим.

Девчонки встречают парней с прохладцей, но разрешают оглядеться. Мартин и Скотт пытаются уболтать Верити пойти с ними, посмотреть, как устроились парни, но она не хочет. Можно догадаться по жестам, о чем они говорят. Верити визжит, когда Мартин пытается за руку стащить ее с места, но по всему видно, что ей это нравится. Верити — самая суперская девчонка в школе. В последний день перед летними каникулами Мартин угостил ее мороженым, так что все теперь знают, что Верити занята.

Мартин и Скотт могут делать что угодно, и никто не смеет над ними смеяться. Мартин — капитан футбольной команды, его даже обещали взять в «Уотфорд»^[5]. А у Скотта отец — пожарный. Напяль на себя кто другой такие портки, в которых они явились сегодня, его оборжала бы вся школа. Штаны не прямые, как у всех, а постепенно сужаются к самым лодыжкам, почти как дудочками. Но поскольку это Мартин и Скотт, все помалкивают в тряпочку. Оказывается, такие штаны называют «бананами». Никогда бы не подумал, что мальчишки носят такое.

Наш новый кабинет на втором этаже, и это просто супер, а учит нас теперь миссис Диксон, что, в общем-то, ничего, могло быть и хуже. Она пучеглазая и довольно строгая, но по крайней мере это не мистер Хьюз.

Мы с Олли забиваем идеальное место — парту рядом с окном, последнюю во втором ряду. Миссис Диксон объявляет, что в этом году мы будем изучать историю всего-всего на свете, начиная с древних египтян. То же самое нам талдычат каждый год, и я так и не продвинулся дальше римлян, за исключением одного раза, когда мисс Вуд читала нам «Генриха VIII». В одну из пятниц она прикатила в школу с доской для серфинга на крыше своего автомобиля,

поскольку сразу же после занятий собиралась на уик-энд со своим парнем. Офигенная была училка.

Суббота, день. Я, Олли и Карл тусуемся у статуи Салли, девчонки со скакалкой, в самом центре города. Вокруг нее скамейки, так что любой может посидеть и полюбоваться на то место, где у Салли должны были быть трусы, если б на нее не напялили железную юбку.

Делать особенно нечего. Карл пьет газировку со льдом, Олли ковыряет в стаканчике с мороженым, я просто сижу. Когда я замечаю идущих в нашу сторону Рейчел и Люси, я поначалу не очень-то беспокоюсь. Мне не обязательно здороваться с Рейчел на публике, поскольку она все равно не ответит. Ни за что на свете. При самом удачном раскладе она разве что глянет на меня и скривит рожу, но вряд ли это засекут мои корешки. Не знаю, как так вышло, никто специально не договаривался, но у нас с сестрой давным-давно существует негласное соглашение: самое безопасное поведение на людях — делать вид, будто мы знаем друг друга не знаем. Что-то типа мирного договора. (См. Табл. 2.)

Табл. 2. Как вести себя с Рейчел на публике: условия мирного договора

МОЖНО

НЕЛЬЗЯ

Ловить взгляд Разговаривать
Кивать Подходить слишком близко
Корчить рожи Передавать друг другу разные предметы
Игнорировать Тыкать пальцем
Притворяться глухим
Улыбаться (но только если никто не видит)

Они подходят все ближе, и, глядя на то, как они идут, я вдруг чувствую, как по спине бегут мурашки. Они направляются не к торговому центру и не к «Макдоналдсу», они топают прямо к нам. Ну не то чтобы совсем прямо, с равновесием у них не все в порядке, поскольку они постоянно ходят под ручку, словно изображают четырехногую животину. Хотя так оно, в принципе, и есть.

Когда до Рейчел с Люси остается буквально несколько метров, последние сомнения исчезают. Они идут ко мне. Олли и Карл сидят, уставившись на приближающуюся парочку, а я с ужасом думаю о том, что сейчас произойдет. Я еще не знаю, что это будет, но у Рейчел непременно должна быть причина, чтобы подойти ко мне, и причина эта наверняка не из приятных.

Вы ведь знаете, как вдруг резко темнеет перед грозой? Именно так я чувствую себя в тот момент.

Она идет прямо на меня, но, как ни странно, проходит мимо и останавливается перед Карлом.

— Это ведь ты тот парень с бензопилой?

Он поднимает глаза и выдерживает долгую паузу, прежде чем ответить:

— А ты кто такая?

— Ведь это ты тогда напал на моего папу?

Карл переводит взгляд на меня, затем снова на Рейчел, потом еще раз, словно изучая обоих — брата и сестру.

— Я на него не нападал.

— Еще как нападал.

— Нет, не нападал.

У Карла на лице какое-то странное выражение. Не такое, как когда я в чем-то ему возражаю. В смысле, тоже странное, но не такое. Он как бы улыбается и не улыбается одновременно. И можно смотреть ему прямо в глаза — большие, голубые и чистые.

— Нападал. Я сама видела.

— Не нападал я на него.

— Да? А что ж ты тогда делал?

Карл опять тянет с ответом целую вечность. Но не потому, что думает над тем, что сказать. Нет, он просто заставляет их ждать.

— Я показывал ему, как она работает. А что, нельзя?

Рейчел и Люси прыскают. Но при этом не сводят глаз с Карла. Битый час они отбрасывают волосы назад — туда, где те были до того, как обе начали ржать, — а затем раздается высокий голос Люси:

— Рейчел хотела узнать: это правда, что ты псих?

Он даже не вздрагивает.

— Может, я тоже хочу узнать, не психованная ли она.

Послушать его сейчас, так можно подумать, что перед вами совершенно другой человек. Голос сладкий как мед, а в уголках рта легкая ухмылка, которой я раньше не замечал.

— Она — нет.

— А с чего это я должен тебе верить?

Рейчел что-то шепчет Люси на ухо, и они уходят, но уже через пару шагов останавливаются и поворачиваются к нам.

— Сколько тебе лет? — спрашивает Рейчел.

Мы с Олли таращимся на Карла. Мы никогда его об этом не спрашивали, поскольку мы думаем, что он старше нас. Но если он сам об этом заявит, дальше все пойдет совершенно по-другому. Это будет означать, что он может командовать нами еще больше. Правда, в то же время и наоборот, если Карл действительно окажется старше, он будет выглядеть полным отстоем, раз не водится с ребятами своего возраста. Так что по-любому лучше оставить это недосказанным.

— А вам? — отвечает он вопросом на вопрос.

— Тринадцать, — в голос объявляют подруги.

— Мне тоже.

— Чего ж ты тогда возишься с этими? — Рейчел небрежно машет рукой на нас с Олли, даже не взглянув в нашу сторону.

— Нячусь, разве не видно?

Обе, прищурившись, смотрят на Карла, оценивая, точно еду на тарелке: то ли съесть, то ли отправить в мусорное ведро.

— Хотите газировки?

Он наклоняет соломинку в их сторону. Вот это да! Чтобы Карл кому-нибудь что-нибудь предложил?!

— А вкус какой?

Это Люси. Она чуток толстовата.

— Голубой.

— Это не вкус.

— Вкус.

— Это цвет.

— И то и другое.

— Так не бывает.

— А как насчет апельсинового?

— Умник, — говорит Рейчел.

— Выскочка, — добавляет Люси.

И с этими словами обе скачут прочь. В буквальном смысле. Позорище. Будто первоклашки.

— Так тебе тринадцать? — спрашиваю я.

— Нет.

Он даже не смотрит на меня. Пялится вслед бегущим к входу в торговый центр Рейчел и Люси.

— Но ты же сам сказал.

— Смотрите-ка, не глухой.

— То есть тебе не тринадцать?

Он пожимает плечами.

— А сколько? Двенадцать?

Он снова пожимает плечами.

— Одиннадцать?

— Айда за ними, — предлагает он.

— Ну уж нет.

— Ладно, торчите здесь. Мне плевать.

Он встает и идет за Рейчел и Люси.

Какое-то мгновение мы с Олли сидим не двигаясь. Таскаться за собственной сестрой по торговому центру в субботу днем?! Я себе не враг.

Зато у Олли теперь есть все доказательства насчет моей истории про бензопилу. И он не сможет больше сказать, что я вру. Я все пытаюсь придумать, как намекнуть ему на это без лишнего злорадства, но Олли вдруг вскакивает и бежит за Карлом.

Оставшись один, я чувствую себя полным придурком. Впереди целый день. Если позволить Карлу с Олли бросить меня одного, значит, так пойдет и дальше. Они станут поступать так все чаще и чаще. Именно это Карлу и нужно. Он хочет вычеркнуть меня. Вряд ли все дело в том, что Олли ему нравится больше. И вряд ли Карл считает, будто я ломаю им все веселье. Причина совсем в другом. Карл просто задумал взять надо мной верх. И если ему удастся избавиться от меня, он наверняка решит, что победил.

Я ерзаю на скамейке, глядя, как удаляется рыжая голова Олли. Вот они с Карлом поднимаются по ступенькам торгового центра. Не раздумывая более ни секунды, я вскакиваю и мчусь за ними.

И нахожу их в магазине электроники. Притворяясь, будто изучает телевизоры, Карл внимательно наблюдает через витрину за входом в магазин девчачьей одежды. Олли устался на стопки чистых кассет, и, глядя на то, как шевелятся его губы, можно с уверенностью сказать: Олли пытается прикинуть, насколько дешевле обойдется упаковка из пяти штук. Он занимается этим всякий раз, когда мы оказываемся в этом магазине. Выбор между D90, AD90 и AR90 для Олли невыносимая мука. Покупка чистой кассеты неизменно превращается для него в мировую проблему, не говоря уже о такой неразрешимой задаче, как выбор между одной кассетой, упаковкой из трех или из пяти штук. В прежние времена он едва не доводил себя до агонии, выбирая между шестидесяти— и девяностоминутными кассетами, но, слава богу, эту трудность Олли преодолел. У его отца стереосистема с функцией ускоренного копирования с пленки на пленку. А если при этом еще включить звук, то из динамиков доносится что-то навряд мьшиного пения. Олли — настоящий гуру звукозаписи, и все благодаря отцовскому стерео.

— Пошли, — рывкает Карл.

Мы поворачиваемся, но он уже за дверью.

Когда мы догоняем его, Карл жестом останавливает нас и прикладывает палец к губам. Затем указывает вперед, и мы видим Рейчел и Люси — те шлепают себе в нескольких шагах от нас, все так же под ручку.

Мы незаметно перемещаемся следом до входа в «Итам»^[6]. Они заходят внутрь, и Карл вдруг резко толкает нас к витрине ближайшего магазина. Мы дружно делаем вид, будто разглядываем витрину, хотя это полная чушь, поскольку магазин ювелирный.

— Заколебало уже, — говорю я, уставившись на россыпь обручальных колец.

— Заткнись, — обрывает Карл.

— Зачем мы здесь торчим?

— Затем, что я так хочу.

— Пошли отсюда.

— Я сказал — заткнись, нытло.

— Ничего себе! — вдруг восклицает Олли. — Три сотни фунтов!

Мы стоим там целую вечность, за это время можно набрать шмотья лет на десять вперед, но когда Рейчел с Люси выходят из магазина, руки у них пустые. Тут-то они и замечают нас. Или, по крайней мере, Карла.

— Нас засекли, — шепчу я. — Мотаем отсюда.

Но Карл уже устремляется за девчонками. За ним Олли. Выбора у меня нет. Придется таскаться за собственной сестрой по всему торговому центру. Это самый тягостный день за всю мою жизнь.

Рейчел и Люси ныряют в косметическую лавку, Карл тоже. Для нас с Олли это уже перебор. Поэтому мы просто торчим в дверях, наблюдая. Рейчел с Люси обходят весь магазин, как будто они здесь впервые: пшикая, мазюкая, нюхая и втирая всякую гадость. Карл занимается тем же, но в противоположной части магазина — там, где шампуни и мыло. При этом он совершенно не смотрит на то, чем мажется, просто наблюдает за девчонками. Причем ни капли этого не скрывая. Каждый раз, поднимая глаза, они встречаются взглядом с Карлом и с удвоенной силой принимаются пшикать-нюхать-мазюкать, но абсолютно ясно, что занимает их совсем другое.

В магазине есть место, где женский хлам встречается с мужским, и троица оказывается там одновременно. Все тут же отводят глаза, и на мгновение кажется, будто они незнакомы. Но тут Рейчел брызгает какой-то фигней прямо на голову Карла, и девчонки, давясь хохотом, бросают все свои банки-склянки и пулей вылетают из магазина. Они проносятся мимо нас, словно мы невидимки, — так близко, что от их вони у меня щекочет в носу. В магазине не осталось духов, которыми бы эти курицы себя не облили. Карл гонится за ними. На нас с Олли он и внимания не обращает.

Девчонки направляются прямо к эскалатору, идущему вверх, к кафетериям. Карл не отстает.

Мы с Олли торчим в дверях косметического магазина уйму времени, не произнося ни слова.

Рейчел, Люси и Карл уже давно исчезли из виду, когда Олли вдруг говорит:

— Может, посмотрим, что там происходит?

Теперь это уже не слезка. Теперь это простое человеческое любопытство. Я согласно киваю, и мы медленно шагаем к эскалатору. В полном молчании поднимаемся вверх, стоя на движущейся лестнице, хотя впереди никого и ничто не мешает нам идти по ступенькам.

В кафетерии почти пусто. Мы оглядываем зал, но их нигде не видно. Мы делаем большой круг, пока не оказываемся в углу у запасных выходов. Эта троица расположилась за самым незаметным столиком во всем заведении. Перед каждым вазочка с мороженым.

Люси выглядит немного смущенной, но Рейчел с Карлом злобно зыркают в нашу сторону. У них на лбу точно отпечатались слова — «ПОШЛИ» у Карла и «ВОН» у Рейчел. По тому, как Олли переминается с ноги на ногу, я знаю: ему хочется лишь одного — развернуться и уйти. Но мы не можем себе этого позволить. Не хватало еще, чтобы Карл с Рейчел нас унизили.

Однако долго таращиться тоже нельзя, иначе эта парочка решит, будто я расстроен.

— Пойдем возьмем картошки, — говорю я Олли, но говорю громко, чтобы услышали все. Картошка — это по-взрослому, не то что какое-то там мороженое.

Мы берем картошку и садимся за столик в противоположном конце зала, подальше от них, чтоб не думали, будто мы за ними подглядываем, но достаточно близко, чтобы видеть все. Я сажусь к ним спиной, а Олли толкаю на стул напротив. Олли держит меня в курсе событий, хотя докладывать особенно нечего, кроме того, что вся троица продолжает о чем-то беседовать.

Картошка давно съедена, и мы рисуем узоры на рассыпанном на столе сахаре. Вдруг из-за спины раздается сильное фуканье, сахарные крупинки разлетаются в разные стороны, и Карл плюхается за наш столик со своей обычной полуулыбочкой.

— Все путем? — спрашивает он.

Я оглядываюсь: девчонок нигде не видно.

По дороге назад из торгового центра мы почти не разговариваем. Даже Олли понимает, что Карл чересчур зарвался.

То, что мы оба злимся на него, это только начало. Надо воспользоваться ситуацией, пока злость не улетучилась, но я не могу придумать, как использовать настроение Олли для дела. Мне просто ясно, что случай удобнее некуда. Отличный шанс перетянуть чашу весов на свою сторону — так, кажется, говорят?

У борцов такое встречается сплошь и рядом. Один вроде бы побеждает, но потом начинает выделываться и допускает непростительную ошибку, и его соперник вдруг меняется с ним местами и задает ему хорошую трепку. Папа в таких случаях вечно смеется и уверяет, что все это подстроено, но он просто не понимает. На примере борьбы можно научиться всему, что нужно знать в жизни.

Пока мы бредем домой, Карл пытается болтать как ни в чем не бывало, но мы с Олли помалкиваем. Пусть знает, что нельзя сначала игнорировать нас, а потом корчить из себя лучшего друга. И нельзя унижать брата в присутствии старшей сестры. Так дела не делаются. Даже Олли это знает.

И тут мне приходит идея.

— Знаешь что, Карл? А пошли к тебе.

Он обжигает меня взглядом. Мы никогда не были у него, ни разу. Карл всегда давал понять, что этот вопрос даже не обсуждается. Достаточно хоть разок глянуть на его дом, чтобы сделать вывод: гостям здесь не рады. Такие дома разносчики газет предпочитают обходить стороной.

Карл словно не слышит моих слов.

Мы доходим до развилки, где улица разделяется на две: одна ведет к дому Олли, другая — к дому Карла и моему. Карл преспокойненько сворачивает на первую. Я останавливаюсь, и Олли останавливается тоже — хороший знак. Так классно чувствовать, что Олли снова со мной и мы снова вместе, а Карл — сам по себе.

— Я думал, мы идем к тебе, — говорю я.

— С чего это ты взял?

— Ты не сказал «нет».

— Я не сказал «да».

— Тогда пошли.

— Не хочу.

— Почему?

— Просто не хочу, и все.

— Почему?

— По кочану.

— А может, Олли тоже не хочет, чтоб ты шел к нему?

— Кто сказал?

— Олли.

— Нет, это ты сказал.

— Нет, он.

— Да?

— Да.

— Ты уверен?

— Да. Правда, Олли?

Мы поворачиваемся к Олли. Тот стоит, уткнув взгляд в землю.

— Ты ведь хочешь пойти к Карлу, правда? — спрашиваю я.

Олли поднимает глаза на меня, потом смотрит на Карла, затем снова на меня, опять утыкается в землю. И молча кивает.

— Видал? — торжествую я.

— Почему ты вечно ведешь себя как ребенок?

Я пожимаю плечами. Он явно пытается сменить тему.

— Скучно с вами, — говорит Карл. — Я пошел домой.

— Значит, нас ты не приглашаешь?

— Нет.

— А что, если мы все равно придем?

— Не придете.

— А вдруг мы пойдем прямо за тобой?

Он подходит вплотную ко мне, близко-близко, как для поцелуя. И не мигая смотрит мне прямо в глаза.

— Только попробуй.

— Думаешь, кишка тонка?

Я стараюсь не моргать, но у меня ничего не получается. В конце концов я моргаю, причем в два раза больше обычного.

— Ты меня понял.

Он разворачивается и, не оглядываясь, медленно идет в сторону дома.

Минуту мы наблюдаем, как он спокойно удаляется, и где-то в глубине души мне уже хочется отказаться от своей затеи, но я пересиливаю себя и хлопаю Олли по плечу:

— Пошли.

Мы переходим дорогу вслед за Карлом и ныряем в проулок у ближайшего дома. Я высовываю голову из-за забора и наблюдаю, как Карл сворачивает за угол на нашу улицу. Мы выскакиваем из укрытия, совершаем бросок до угла, а затем вжимаемся в забор и осторожно выглядываем.

Карл продолжает идти. Он не прячется, чтобы наброситься на нас из засады, и даже не оборачивается посмотреть, идем мы за ним или нет. Походка пружинит чуть больше обычного, подошвы шаркают по асфальту при каждом шаге.

Когда он оказывается достаточно далеко, мы крадемся вдоль домов и ныряем в очередной проезд. Передвигаться приходится перебежками рывок, передышка; рывок, передышка, — чтобы он не смог нас засечь, если вдруг обернется. На самом деле все это совершенно лишнее, поскольку мы прекрасно знаем, где его дом и что направляется он именно туда, но это не суть. Нам кажется, что мы поступаем правильно, устроив за ним слежку.

За все это время Карл ни разу не обернулся. К тому моменту, когда мы добираемся до его дома, наши шансы где-то пятьдесят на пятьдесят: половина за то, что он знает о слежке и просто игнорирует нас, и половина — что нам все-таки удалось остаться незамеченными.

Карл исчезает внутри, а мы остаемся стоять под прикрытием соседнего дома, не зная, что делать дальше. Если нам и вправду хочется что-то ему доказать, то теперь надо позвонить в дверь и объявить, что мы пришли в гости. Ведь именно так мы и грозились поступить. А следить за ним до самого порога и потом сдрейфить — нет, так мы не докажем ровным счетом ничего. С тем же успехом можно было сразу разойтись по домам. Проблема, однако, в том, что место здесь до жути странное, и ни я, ни Олли не испытываем ни малейшего желания доводить начатое до конца. Есть в доме что-то такое, отчего совсем не хочется входить внутрь, — то ли из-за задернутых наглухо штор на всех окнах, то ли из-за вонючих мешков, сваленных в кучу

там, где у всех остальных людей стоят мусорные баки.

Наверху загорается свет. Скорее всего, это комната Карла, хотя, может, и чья-то еще. Странно как-то — прятаться у соседского дома, ничего не предпринимая.

— Так мы идем или нет? — спрашивает Олли.

Это не вызов, это просто вопрос, но я не хочу быть трусом, который согласен на поражение.

— Наверное.

— Тогда пошли.

— Учти, только вместе.

— Ясное дело.

Если бы в мире существовал рекорд по самой медленной ходьбе от калитки до входной двери, мы бы точно его побили. То и дело мы останавливаемся и переглядываемся, словно вот-вот смоемся, но нет. И даже когда мы добираемся до самой двери, проходит еще целая вечность, прежде чем один из нас решается позвонить. Даже просто дотронуться до кнопки звонка, так и не нажав на нее, оказывается делом непосильным. Каждому из нас приходится сделать по нескольку попыток, прежде чем я, наконец, даю по-настоящему. Но и после этого мы в любой миг готовы сорваться с места.

Там целая куча замков, которые звякают и скрежещут, прежде чем дверь распахивается. Но это не Карл. Это женщина. Его мама. На самом деле абсолютно нормально, что дверь открывает она, ведь это ее дом, но для нас с Олли ее появление — настоящий сюрприз, и я тут же начинаю жалеть о том, что мы здесь.

Лицо ее накрашено как для вечеринки, которая была много дней назад. На ней черные легинсы и белая футболка мешком с огромными буквами «ОТДЫХАЙ» во всю грудь. Обычно люди не обращают внимания, кто во что одет. Ну, конечно, кроме случаев, когда в одежде что-то не так, — тогда это бросается в глаза само собой. С одеждой у мамы Карла определенно что-то не так. Да и со всем остальным тоже. Как будто от шеи вверх она собирается в люди, а от шеи вниз остается дома.

На голове у нее пышный начес, но с одной стороны волосы прижаты — наверное, спала на этом боку. Она глядит куда-то поверх наших голов, и до нее не сразу доходит, что надо бы глянуть пониже. Когда же она нас все-таки замечает, то всматривается в наши лица так, словно не может сообразить, должна она знать, кто мы такие, или нет. Есть что-то странное в ее медлительности, в стеклянной неподвижности глаз — как у человека, который прикидывается мертвым.

Хорошо бы пуститься наутек, но путь к отступлению отрезан. И я говорю:

— Мы друзья Карла.

— Друзья Карла?

Всего два слова, но она произносит их с удивлением, точно они совершенно не вяжутся друг с другом.

— Мы пришли... в гости. В смысле, узнать, дома ли он.

— В гости к Карлу?

И тут до нее доходит. Лицо моментально преображается. Она взмахивает руками и широко улыбается во весь свой напыщенный рот:

— Ой, ну конечно! Заходите, заходите. Как мило. Как *мило*. Входите же. *Входите*. Не стесняйтесь.

Она ведет нас по коридору в гостиную. Дом точь-в-точь как наш. И размеры комнат, и расположение дверей и окон. Я мог бы найти здесь дорогу даже с завязанными глазами. Ведь это мог быть и мой дом. Если бы не какое-то странное ощущение. С той самой секунды, как мы вошли, я чувствую, что здесь что-то не так.

Уже не первый месяц, как они переехали, но дом выглядит, будто в него вселились только вчера. Из мебели лишь бархатистый синий диван да телевизор на большой картонной коробке посреди комнаты. Сверху на телике — жестянка тушеной фасоли с торчащей из нее ложкой. В углу груда стульев, сложенных друг на друга, половина — ножками вверх. Стены абсолютно голые, за исключением старых обоев с выцветшими прямоугольниками, по которым легко определить, где висели полки у предыдущих хозяев. Единственный источник света — голая лампочка над телевизором, слишком яркая, чтобы смотреть на нее, и все равно в комнате серо и мрачно. На улице еще светло, но шторы задернуты наглухо и провисают посередине, и сквозь бреши проглядывают кусочки неба.

С запахом в доме тоже что-то непонятное. Что-то тошнотно-сладковатое. И еще здесь очень жарко. Ненормально жарко. Слышно даже, как шипят батареи.

Мама Карла вдруг начинает суетиться, словно наше появление в доме — нечто из ряда вон выходящее.

— Может, вы... хотите лимонад? — предлагает она. — Апельсиновый?

Последний раз я пил лимонад лет сто назад, но все равно соглашаюсь. Такой ответ кажется сейчас наиболее безопасным. Олли тоже соглашается.

— Отлично. Лимонад. Два лимонада.

Она исчезает на кухне, и мы наблюдаем, как она поочередно открывает и закрывает дверцы шкафов: сначала медленно, затем все быстрее, хлопая ими, проверяя каждый по два, а то и по три раза, скороговоркой бормоча себе под нос: «Лимонадлимонадлимонадлимонад».

То и дело она останавливается и оглядывается на нас, как бы извиняясь.

— Уверена, он где-то был. Я же точно его покупала.

По мере того как она перерывает шкафы, передвигая туда-сюда разные банки, жестянки и бутылки, заглядывая в одни и те же места по нескольку раз, прическа ее становится все всклокоченнее, а лицо — все краснее.

— Может, мы просто соку попьем? — предлагаю я.

Она смотрит на меня так, будто я вломился к ней в дом без всякого предупреждения, но внезапно лицо ее вновь светлеет.

— Да, точно, сок. Сок-сок-сок. Сок у нас есть.

Она открывает холодильник, совершенно пустой. Лоток с маргарином да банка майонеза — вот и все. Она стоит, уставившись внутрь, точно пораженная этой пустотой. Точно ее обокрали.

— Или воды, — говорит Олли. — Просто воды.

— Воды! — восклицает она. — Воды-воды-воды. Вода у нас есть.

Она протягивает нам дешевые граненые стаканы, еще мокрые снаружи и липковатые на ощупь. Ни одному из нас не хочется пить, но она смотрит с такой надеждой, что приходится подчиниться.

— Очень вкусно, — благодарит Олли, стараясь быть вежливым.

Это он о воде. Ничего глупее Олли в жизни не говорил, и если б я не был так ошарашен, то наверняка обделался бы от смеха. Но сейчас я даже не улыбаюсь. Просто стараюсь запомнить получше — на будущее.

— Как вас зовут? — спрашивает она.

— Меня — Бен.

Она делает пару шагов ко мне, протягивает руку и дважды поглаживает мою щеку тыльной стороной пальцев, словно я ее кошка или бойфренд.

— Приятно познакомиться, Бен. А тебя?

— Олли, — отвечает Олли, отступая на шаг назад.

Но она подходит к нему вплотную и похлопывает по макушке:

— Какие чудные волосы. Это у тебя от мамы или от папы?

— Э-э... думаю, от мамы.

— Должно быть, она очень красивая.

Олли пожимает плечами и морщит нос.

— А я свои слишком часто красила. — Она запускает пальцы в прическу, будто выдирает пух из ковра. — Теперь они уже никогда не будут как раньше.

Она вздыхает, словно ей становится скучно, но вдруг приходит в возбуждение от новой идеи:

— Позвать Карла?

Не стоит, хочется сказать мне. Или придумать что-нибудь смешное, чтобы дом перестал казаться таким жутким, но я не решаюсь и молча киваю.

К лестнице она и не думает идти, а просто задирает голову и громко кричит в потолок:

— КАРЛ! КАРЛ!

Затем склоняет голову набок и вздергивает брови. Мы все ждем ответа, но ничего не происходит.

— СПУСКАЙСЯ СЮДА, КАРЛ! — кричит она. — К ТЕБЕ ДРУЗЬЯ ПРИШЛИ!

Ответа по-прежнему нет, но слышен глухой удар и быстрый звук шагов.

— Значит, вы... — Она замолкает, явно придумывая, что бы сказать дальше. — Э-э, в одном отряде с Карлом?

— Отряде?

— Вы ведь его друзья по отряду? Он все время жалуется, что все остальные мальчишки там... полудурки или что-то вроде того, но вы оба кажетесь вполне милыми ребятами.

— Мы... мы просто соседи, — говорю я.

И тут в дверях появляется Карл. Он замечает нас, и лицо его каменеет. Видно, что он вне себя от злости, только это не злость нормального человека. Это что-то совсем другое.

— Что вам здесь нужно?

Он говорит почти шепотом, но лучше бы он орал. Было бы не так страшно.

— Просто решили заглянуть в гости. — Голос у меня заметно дрожит.

— Я же сказал — не приходите сюда.

— Карл! — вмешивается его мама.

Но тут со стороны двери раздается скрежет ключа в замке. Мама Карла дергается и застывает, как от удара током. А затем вертит головой, словно она у нее на шарнирах, смотрит на беспорядок на кухне, срывается с места и начинает лихорадочно споласкивать стаканы и распахивать все обратно по шкафам.

— В сад, — приказывает Карл. — Быстро.

Мы даже не успеваем сообразить, что происходит, а он уже выталкивает нас через заднюю дверь.

И вот мы снаружи. Карл старается не смотреть на нас. Я не знаю, злится он, или ему стыдно, или он расстроен, или еще чего. Но впервые он выглядит растерянным. Одного взгляда на его позу достаточно, чтобы понять: драться с нами он не собирается.

Зря мы все-таки сюда пришли.

Трава достает нам до колен. Судя по разросшейся растительности, когда-то сад был нормальным, но все это в прошлом. В дальнем углу — поникшее старое дерево. Карл идет к нему, старательно пряча лицо. Начинает подбирать с земли подгнившие яблоки и с силой швыряет их об забор. Но после нескольких шлепков прекращает и просто стоит.

На мгновение мне кажется, что он вот-вот расплачется, и одна лишь мысль о том, как он плачет, пугает меня больше, чем все остальное. Уж лучше бы он на нас наорал. Или набросился

с кулаками.

Отчасти я понимаю, что должен подойти и как-то подбодрить его. Реально же мне хочется совсем другого. Мне хочется запустить гнилым яблоком прямо ему в лицо и сказать, чтобы он проваливал на все четыре стороны и навсегда оставил нас с Олли в покое. Лучшего момента избавиться от него просто не придумать.

— Хорошая у тебя мама, — говорит Олли. — Очень приветливая.

Тело Карла остается таким же неподвижным, но голова поворачивается, и он смотрит на Олли как на законченного придурка. Повисает долгое молчание.

— А что это за отряд? — спрашиваю я.

Он не отвечает. Но я не унимаюсь:

— Что это — отряд?

Теперь он смотрит на меня, но по-прежнему молчит.

— Это там, куда ты ходишь в школу? Или это вместо школы?

Олли таращится на меня, словно я спятил. Карл не двигается и ничего не отвечает, но его дыхание заметно учащается, и я буквально вижу, как энергия все плотнее сжимается пружиной у него внутри. И вот-вот раздастся щелчок. Он либо сядет прямо там же на землю и разревется, либо у него сорвет башню. Я знаю, что надо остановиться, но уже не могу.

— Это что, спецшкола? Тебя туда определили?

— Замолчи, Бен, — вступается Олли.

— Это спецшкола для психов?

— Все, я ухожу.

Олли поворачивается и шагает к задней двери, но останавливается и ждет, наблюдая за нами.

— Значит, поэтому ты не в нашей школе, да? Значит, ты ходишь в школу для недоделков?

Карл наклоняется, подбирает с земли яблоко и резко швыряет мне в лицо. Я увертываюсь, и яблоко проносится прямо над моей головой. Затем еще одно. И еще. Они пролетают мимо, исчезая в кустах за моей спиной, так что мне совершенно нечем отстреливаться. Но одно все-таки попадает мне в щеку, взрываясь заплесневелой, коричневой пульпой. Лицо обжигает как от крепкой пощечины, и я ничего не вижу.

Я чувствую, что Карл идет прямо на меня, но не могу точно сказать, что у него в руке. Что-то длинное и прямое, и он держит это прямо над головой.

Через секунду это что-то едва не рассекает мне череп, оно довольно тонкое, но крепкое. Я плохо вижу и не могу защищаться, и эта штука, со свистом разрезая воздух, несется мне прямо в лицо. Бамбуковая палка. Она хлещет мне по уху, затем по щеке, и мне остается лишь упасть и свернуться в клубок, пока палка с силой опускается мне на спину, еще и еще.

Карл прекращает, лишь когда Олли толкает его сзади, с разгона врезавшись в него плечом, и, улучив момент, я вскакиваю и мчусь со всех ног, подгоняемый топотом Олли. Мы проносимся сквозь дом, не замечая ни мамы Карла, ни мужчины в прихожей, вылетаем на улицу и бежим, бежим, бежим до самого моего дома.

Мы стоим, согнувшись в три погибели, отчаянно хватая воздух широко раскрытыми ртами. Мы вырвались от Карла! Ощущение такое, будто нас отпустили с уроков пораньше. Я широко улыбаюсь, тело покалывает от облегчения, и я не сразу соображаю, что Олли не улыбается в ответ. Он испуганно таращится на мое лицо.

— У тебя кровь.

— Пойду домой.

Но я никуда не иду. Стою посреди улицы рядом с Олли и гляжу на него. Что-то не так. Чего-то не хватает. Мне надо знать, что он об этом думает. Я считаю, что мне удалось отвоевать

его обратно. Теперь все опять будет как раньше. Но я должен услышать это от него самого. Что-то в выражении лица Олли подсказывает мне, что я не могу быть до конца уверенным, пока он не скажет это сам.

— Он сумасшедший, — говорю я.

Олли не отвечает. Он поворачивается и пристально смотрит вдоль улицы, в сторону дома Карла.

— Он совсем спятил, — добавляю я.

Олли по-прежнему стоит отвернувшись.

— Если б не ты...

Но Олли перебивает:

— Ты сам его вынудил.

— Неправда. Он псих. Почему, по-твоему, он в той школе?

Олли долго не отвечает. А затем едва слышно бормочет:

— Ты сам его вынудил.

— Ты вообще о чем-нибудь другом можешь думать?

Теперь я действительно злюсь. Не на Карла. На Олли.

Но он лишь пожимает плечами. И в конце концов говорит:

— Ты просто не знаешь, каково это.

— Каково *что*?

Он снова пожимает плечами, вперившись в землю.

— *Что* каково?!

— Я пошел домой.

И Олли уходит.

Он медленно шагает посередине дороги. И не оборачивается. А возле угла вдруг подпрыгивает и с силой пинает камень. С грохотом камень отлетает от дверцы стоящей на другой стороне машины.

Моя комната

Увидев свое отражение — точнее, яблочное пюре вперемешку с кровью — в зеркале, я понимаю, почему Олли так тарасился. Даже я тарасу глаза, а ведь это мое собственное лицо. Но долго стоять в коридоре нельзя. Надо срочно умыться и переодеться, иначе вопросов не оберешься.

Иду напрямиком к себе, но у ванной меня перехватывает Донни. Сперва он, как обычно, смотрит сквозь меня, но затем взгляд резко фокусируется и он хватает меня за локоть.

Я выдергиваю руку и бегу к себе в комнату, но не успеваю захлопнуть дверь. Он пропихнул ногу, и я отчаянно лягаю его башмак. Бесплезно. Обычно он разгуливает по дому в носках, и я наверняка победил бы его, как следует врезав по ноге, но сегодня Донни, как назло, влез в свои «мартенсы».

Дверь медленно поддается. Я держусь еще секунд десять, а потом сдаюсь, и он проникает внутрь. Как это типично для Донни! Раз в жизни удостоился его внимания, и то в тот момент, когда оно мне совсем ни к чему.

Донни разглядывает мое лицо и слегка морщится. Он тянется потрогать, но я шлепком отбиваю его руку. Он между мной и дверью, так что сбежать невозможно.

— С тобой все в порядке?

От его тона слезы подкатывают к глазам, я едва сдерживаюсь. Бессильно оседаю на краешек кровати. Донни и доброта — вот уже чего я точно не ожидал. Я так потрясен, что вся моя защита трещит по швам.

— Кто это сделал?

Теперь в голосе Донни явно слышится гнев.

Я качаю головой.

— Кто это сделал?

— Никто. — Мой голос дрожит.

Он садится рядом и обнимает меня за плечи. Сначала это кажется странным, но потом становится приятно. Я рад, что он рядом. Я уже и забыл, когда Донни в последний раз дотрагивался до меня по-дружески. Наверное, когда я был еще в пеленках. Стараюсь не заплакать, и у меня почти получается.

И вот когда я уже начинаю привыкать к мысли, что Донни хороший и добрый, он вдруг встает и молча выходит из комнаты.

Я слышу, как открывается и закрывается кран, а затем он возвращается с влажным полотенцем и снова садится возле меня.

— Только маме не говори, — прошу я.

— Потерпи, сейчас будет больно.

Он начинает промакивать яблочное пюре и кровь. Руки у меня трясутся, и приходится сунуть их под себя, чтобы Донни не заметил. Я невольно дергаюсь, когда он дотрагивается до раны на щеке, но Донни очень осторожен. Дважды он возвращается в ванную и прополаскивает полотенце.

Время от времени он говорит мне, что я молодец и что я веду себя как настоящий мужчина. Раньше я такого от него ни разу не слышал.

Когда все уже позади, он снова спрашивает, на этот раз очень спокойно:

— Кто это сделал?

Я качаю головой.

— Это тот парень с нашей улицы?

— Это вышло случайно, — отвечаю я.

— Так это был он?

— Мы просто играли.

— Чем он тебя ударил?

— Мы просто баловались.

— Так, значит, ты с ним играешь? Вы дружите?

— Мы не *играем*. Мы просто тусуемся вместе. Я и Олли.

— Ты, Олли и он. Так вы друзья?

— Да.

— И давно?

Я передергиваю плечами.

— Не будь идиотом, Бен. Он же дурной. Психованный. И если ты будешь играть с ним и дальше, это повторится снова.

— Мы не *играем*.

— Прости, забыл.

По лицу Донни проскальзывает легкая усмешка, но уже через миг он опять становится совершенно серьезным.

— У этого парня проблемы с мозгами.

— Он мой друг.

— Он тебя избил.

— Я сам виноват. Наговорил всякого.

Донни качает головой, затем берет меня обеими руками за плечи и разворачивает к себе. Рядом с ним я чувствую себя совсем крошечным. С высоты своего огромного роста он смотрит мне прямо в глаза.

— Хочешь, я с ним разберусь?

Я не припомню случая, чтобы за всю свою жизнь Донни хоть раз с кем-то подрался, но по тому, как он это произносит, ясно: Донни не шутит. Он реально готов это сделать.

А что, мысль, вообще-то, интересная. Воображение уже рисует, как все происходит на самом деле, и это просто супер. Донни возвышается над Карлом, он в два раза крупнее, он месит его кулаками, и для него это так легко, что мне даже не весело. С абсолютно непроницаемым лицом Донни лупит Карла еще и еще, а я молча наблюдаю с противоположной стороны улицы. Все происходит прямо перед нашим домом. Карл что-то кричит, лицо у него покраснело и перекосилось, он умоляет меня заставить Донни прекратить, но я просто стою, скрестив на груди руки, и созерцаю эту замечательную сцену.

— Нет, — отвечаю я. — Не надо.

Донни поднимается и идет к двери.

— Переоденься, — говорит он. — И прими ванну.

— Ты ведь никому не скажешь, правда?

Он качает головой:

— Нет. Тем более что это все равно ничего не изменит. Разве что ты всю неделю проходишь в вязаном шлеме.

Я направляюсь в ванную и разглядываю в зеркале рубец на щеке — длинный и слегка вздувшийся, наполовину рана, наполовину синяк. Дотрагиваюсь мизинцем, и рубец тут же отзывается болью, резкой и сильной, и мне сразу хочется потрогать снова.

Я запираю дверь и открываю краны на полную. Краны у нас старомодные, и вода вырывается мощной струей пополам с паром.

К ужину отмазка готова. Поединок на палках у Олли в саду. Олли нечаянно меня зацепил. Предки проглатывают басню, даже не подавившись. И не замечают, как мы с Донни переглядываемся.

Через стенку Рейчел

Проходит какое-то время, прежде чем я снова вижу Карла или даже слышу его имя. Мы с Олли больше о нем не говорим. Как будто ничего и не было.

Он вообще исчез с нашей улицы. Я больше не вижу ни его самого, ни его маму. Их машина^[7] припаркована все время в разных местах, из чего я заключаю, что они никуда не девались, приезжают и уезжают, но увидеть кого-то из них мне так и не удастся. Хотя это еще ничего не значит. Родители Карла не из тех людей, что прогуливаются по улице. Отец Карла здесь даже не живет. А если и живет, значит, он Человек-невидимка.

Так что теперь мы опять только вдвоем: я и Олли. Но почему-то все не так, как было до Карла. Странное чувство. Без него все кажется каким-то бесцельным, каким-то пресным. Мы с трудом придумываем, чем бы заняться.

До Карла мы с Олли просто играли. В самые разные игры. Но теперь мы, похоже, из них выросли. Проблема в том, что остальные развлечения — которые в основном сводятся к тому, чтобы слоняться по торговому центру в ожидании, когда хоть что-то подвернется, — без Карла превращаются в дикую скуку. Поскольку не подворачивается ничего. Поскольку именно благодаря Карлу вокруг творились интересные вещи.

И хотя мы о нем больше не упоминаем, его отсутствие постоянно чувствуется, как будто в комнате всегда кто-то третий. Видимо, поэтому никто из нас и не хочет произносить его имени, и от ощущения, что он с нами, все теперь по-другому, точно кто-то нашептывает нам, что мы страдаем детской ерундой, тогда как могли бы заняться чем-то стоящим.

Нет, я не могу сказать, что мне не хватает Карла. Я не хочу, чтобы он вернулся. Но, глядя на Олли и понимая, что тот беспрестанно думает о Карле, я чувствую себя по-настоящему гнусно. И мне начинает казаться, что я какой-то недоделанный, неинтересный и скучный, и вот в такие минуты я начинаю жалеть о том, что Карла с нами нет, — ведь если бы он был рядом, эти глупые мысли попросту бы улетучились. И про скуку можно было бы забыть. А ведь именно в самые скучные моменты я и начинаю задумываться о том, что до смерти надоел своему другу Олли.

И вот как-то вечером сижу я в своей комнате, делаю уроки, и вдруг внизу вспыхивает ссора. Судя по крикам, довольно неслабая, но мне не слышно, о чем это они. А еще через секунду по лестнице взлетает Рейчел и с грохотом хлопает дверью своей комнаты. И тут же за ней — мама. Она врывается к Рейчел и тоже хлопает дверью. По топоту и хлопанью двери можно догадаться, кто и что делает. Когда дело доходит до хлопанья дверьми, у каждого в нашем семействе свой особый почерк.

В комнате они снова заводятся, а поскольку это прямо через стенку, теперь я слышу каждое слово.

— Не надо убегать от меня, Рейчел, — говорит мама. — Я тебе уже сказала: не смей с ним больше встречаться.

— Я САМА БУДУ РЕШАТЬ, С КЕМ МНЕ ВСТРЕЧАТЬСЯ!

В плане громкости Рейчел перекрывает маму примерно вдвое.

Пока ты живешь в моем доме, этого не будет.

— ТОГДА Я УЙДУ ЖИТЬ В ДРУГОЕ МЕСТО.

— Ты не сможешь, Рейчел. Тебе всего тринадцать.

— А ТЫ... ТЫ... ФАШИСТКА!

— Рейчел, послушай, ты еще многого не понимаешь в жизни.

— ТЫ САМА НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЕШЬ И НИКОГДА НЕ ПОЙМЕШЬ.

После долгого перерыва мама продолжает:

— Чего, Рейчел? Чего я не понимаю?

— НИЧЕГО.

— Например?

— НАПРИМЕР, ЧТО Я ЛЮБЛЮ ЕГО.

— Не говори ерунды.

— ДА, ЛЮБЛЮ.

— Нет, Рейчел. Ты еще не можешь знать, что такое любовь.

— ЭТО ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ. ТЕБЕ ПЛЕВАТЬ НА МЕНЯ. ТЕБЕ НА ВСЕХ ПЛЕВАТЬ. ТЕБЕ ПРОСТО ХОЧЕТСЯ УКАЗЫВАТЬ МНЕ, ЧТО ДЕЛАТЬ.

— Да, Рейчел, я указываю тебе, что делать, но на то есть причины. Пойми, он проблемный мальчик. Он не тот, с кем следует встречаться девочкам вроде тебя.

— ПОТОМУ ЧТО ОН ПРОБЛЕМНЫЙ?

— Да.

— А ТЫ, ЗНАЧИТ, ВСЯ ИЗ СЕБЯ ТАКАЯ ХОРОШАЯ? ДЕРЖИШЬСЯ ПОДАЛЬШЕ ОТ ТЕХ, У КОГО ПРОБЛЕМЫ? ПРЕЗИРАЕШЬ ТЕХ, КТО НЕ ТАКОЙ СЧАСТЛИВЫЙ, КАК ТЫ? ОТЛИЧНАЯ ПОЗИЦИЯ, ПРОСТО СУПЕР! СПАСИБО ТЕБЕ, МАМА. ЗА ТО, ЧТО ПОМОГАЕШЬ МНЕ СТАТЬ ХОРОШИМ ЧЕЛОВЕКОМ. ЧТО ДЕЛИШЬСЯ СО МНОЙ СВОЕЙ ПОТЯСАЮЩЕЙ ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТЬЮ. ОГРОМНОЕ ТЕБЕ СПАСИБО.

— Я говорю вовсе не о том, счастливый он или нет. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Я говорю о том, что он опасен.

— СО МНОЙ — НЕТ. СО МНОЙ ОН ОЧЕНЬ НЕЖНЫЙ.

— Он опасен, Рейчел. Ты же сама видела, что он чуть не сделал с папой.

Вот теперь я знаю наверняка, о ком они говорят. Я подозревал об этом с самого начала, но лишь сейчас окончательно расстался с надеждой, что речь о ком-то другом. Рейчел и Карл. Сладкая парочка. Охренеть!

— ОН ВОВСЕ НЕ ТАКОЙ.

— Пойми, Рейчел. Если он сделал это один раз, без всякого повода, он сделает это еще и еще.

— А КТО СКАЗАЛ, ЧТО БЕЗ ВСЯКОГО ПОВОДА?

— То есть ты хочешь сказать, что во всем виноват папа?

— А МОЖЕТ, И ВИНОВАТ. МЫ ЖЕ НЕ ЗНАЕМ, ЧТО ОН ЕМУ СКАЗАЛ. БУДЬ У МЕНЯ ПИЛА, Я БЫ САМА ЕГО РАСПИЛИЛА УЖЕ СТО РАЗ.

— Не говори ерунды, Рейчел.

— МНЕ ПЛЕВАТЬ НА ТВОИ ЗАПРЕТЫ. Я ВСЕ РАВНО БУДУ С НИМ ВСТРЕЧАТЬСЯ.

— В таком случае я не разрешаю тебе выходить из дома. Ни с кем не будешь встречаться! Все, разговор окончен.

— МАМА! ОН АБСОЛЮТНО НОРМАЛЬНЫЙ. А ТЫ... ТЫ ПРОСТО СНОБКА!

— Снобизм здесь вовсе ни при чем. Он психически неуравновешенный. Его мать — пьяница. А отец вообще черт знает где...

— ОНА НЕ ПЬЯНИЦА. ТЫ ВЕДЬ ЕЕ ДАЖЕ НЕ ЗНАЕШЬ.

— Она пьяница, Рейчел.

— ТЫ ГОТОВА СКАЗАТЬ ВСЕ ЧТО УГОДНО, ЛИШЬ БЫ ЗАСТАВИТЬ МЕНЯ ДЕЛАТЬ ПО-ТВОЕМУ СЧИТАЕШЬ МЕНЯ ПОЛНОЙ ДУРОЙ, ДА? ДУМАЕШЬ, Я ПОВЕРЮ ЛЮБОМУ ТВОЕМУ СЛОВУ?!

— Рейчел, пойми, я желаю тебе только добра. Он плохой мальчик. И совершенно

неуправляемый.

— ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ОСТАНОВИТЬ МЕНЯ.

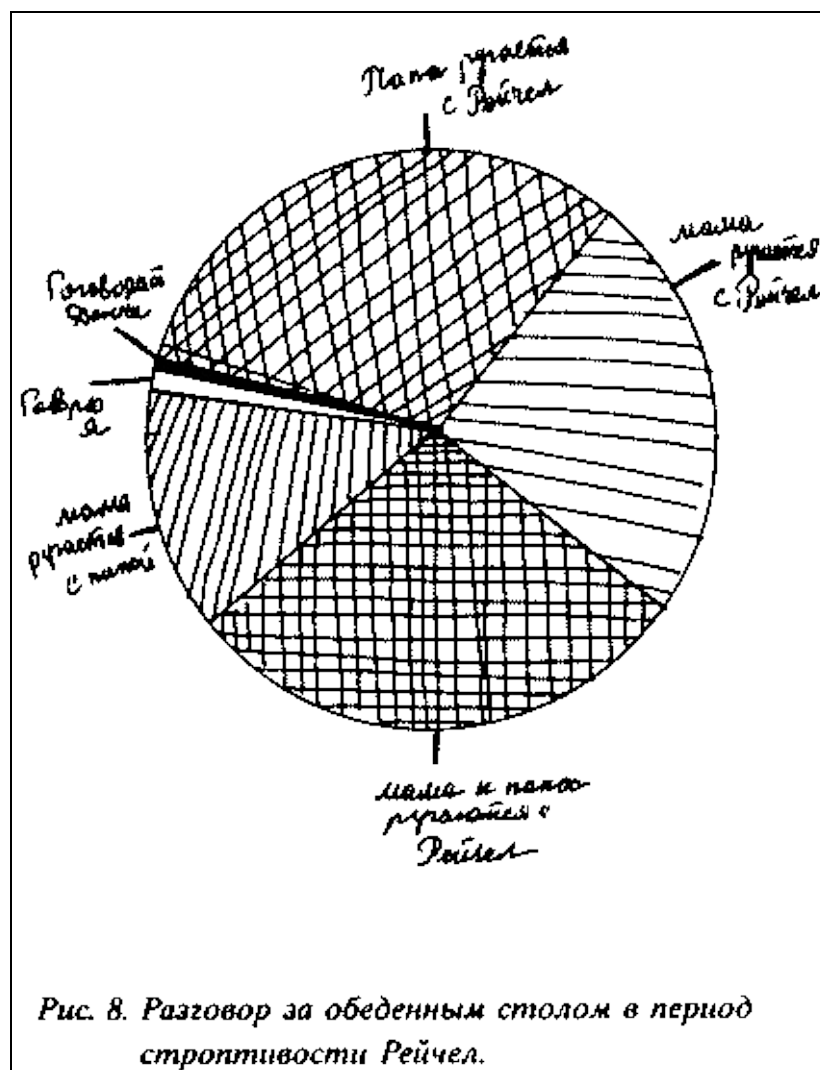
— Что ж, юная леди, у тебя будет достаточно времени обо всем хорошенько подумать, потому что с этой минуты ты *никуда* не выйдешь, пока не дашь мне слово, что больше *никогда* не будешь встречаться с этим мальчиком. Ты поняла?

— В ЭТОМ ДОМЕ НЕ ЗНАЮТ, ЧТО ТАКОЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА. А ТЫ — НАЦИСТКА! УБИРАЙСЯ ВОН ИЗ МОЕЙ КОМНАТЫ. ИЛИ ТЫ ТЕПЕРЬ И КОМНАТУ У МЕНЯ ОТБЕРЕШЬ?

Я слышу, как щелкает замок, но проходит еще некоторое время, прежде чем до меня доносится звук маминых шагов по лестнице.

Следующие две недели в доме довольно шумно. Мама, папа и Рейчел либо совсем друг с другом не разговаривают, либо кидаются друг на друга будто помешанные, а порой начинают орать во всю глотку, что они друг с другом не разговаривают, — на мой взгляд, полная бессмыслица. Рейчел вроде как запрещено выходить из дома, но запрещать ей выходить вообще они не могут, а она, естественно, никогда не признается, куда идет. Вот, собственно, из-за чего весь сыр-бор.

В течение этого периода разговоры за обедом в среднем сводятся к следующему. (См. Рис. 8.)

И вот в один прекрасный день наступает полная тишина. Странная и зловещая, как будто в доме тяжелобольной. Рейчел перестает выходить на улицу, перестает спорить с мамой и папой, перестает принимать гостей.

Даже Люси к ней больше не заходит.

Когда же Рейчел все-таки выползает из своей комнаты, чего не случается практически

никогда, глаза у нее краснеющие и она все время молчит. Словно кто-то умер. Собственно, так оно и есть. «Рейчелюси» больше не существует.

Донни смотрит сериал «Открыто круглосуточно», который, насколько я знаю, он считает полной лажей, а это значит, что у него нет предлога от меня отделаться. Будь это какая-нибудь другая программа, у меня не было бы ни единого шанса. Сначала я щекочу его, пытаюсь привлечь к себе внимание, а потом начинаю приставать. Я хочу, чтобы он объяснил мне, что творится с Рейчел. Я не жду ответа прямо сейчас, но почти уверен, что рано или поздно смогу его доконать.

На удивление, Донни сдается довольно быстро: после короткого (но одностороннего) боя на подушках и более продолжительного двойного реванша за мои щекотания. Донни — именно тот, к кому следует обращаться в периоды общесемейного сумасшествия. Он единственный в нашем доме — кроме меня, разумеется, — у кого имеется маломальское понятие о логике.

— Карл был ее парнем, — объясняет он.

— Это я и без тебя знаю, — отвечаю я.

— И, несмотря на все скандалы и приказ мамы с папой забыть о нем, Рейчел все равно втихаря продолжала с ним видаться. И вот как-то раз она пошла в гости к Люси, а Карл оказался там.

— И что?

— И все.

— Все?

— Да.

— Не может быть. А что дальше?

— А дальше ничего. Конец истории. Она отправилась к Люси и застала у нее в комнате Карла.

Я старательно обдумываю его слова.

— А чем Карл с Люси занимались?

Донни отрывает взгляд от телевизора и хитро ухмыляется:

— Кто его знает! Ты сам-то как думаешь — чем они занимались?

Очень коварный вопрос. Что бы я ни ответил, Донни просто поднимет меня на смех. И я выбираю обходной маневр.

— А ты как думаешь — чем они занимались?

— Ага-а-а, — не сдается Донни. — Сначала ты мне скажи, а потом я тебе.

— Я думаю, они целовались. Как минимум.

— Как минимум?

— Ага. Как минимум целовались.

Донни улыбается, но не смеется.

— Полагаю, ты прав.

— И теперь Рейчел не хочет видеть их обоих?

— Точно. Потому что они ее обманывали.

— Это как?

— А вот так. Они ведь не сказали ей, что встречаются.

— А они что, говорили, что не встречаются?

— Нет. Просто помалкивали на этот счет.

— Тогда это не обман.

— Обман.

— Нет, не обман.

- Хорошо, пусть не обман. Жульничество.
- В чем?
- Просто жульничество.
- Но почему?
- Потому.
- А что, есть какие-то правила насчет жульничества? Какие-то инструкции?
- Нет никаких инструкций, но правила есть.
- А ты откуда знаешь?
- Знаю, и все.
- Откуда?
- От верблюда.
- Нет, скажи.
- Отвянь.
- А почему она так расстраивается?
- Блин, я же все тебе объяснил! Хватит, отвали уже.

Странные все-таки эти девчонки. Да и Донни, как вы сами видите, тоже ничуть не лучше. Изображает из себя умника, будто все понимает, но стоит прижать его к стенке, и сразу становится ясно: понимает он не больше, чем я.

Однако реально меня бесит даже не это. Меня бесит, что вся эта катавасия из-за одного и того же парня. Парня, с которым мы когда-то вместе играли. Нет, даже не *играли*, просто зависали вместе. А поскольку именно я их и познакомил, то я чувствую себя просто ультравзрослым: ведь не кому-то, а именно мне довелось сыграть столь важную роль в том, что сердце моей сестры разбито. И после того как Рейчел слегка оклемается, когда с ней будет не так страшно разговаривать, я обязательно скажу ей, как жутко я извиняюсь за ту роль, что сыграл в ее сердечных мучениях. Надеюсь, она оценит мой жест.

Чем пустячнее вещь, которая вам нужна, тем крупнее магазин выбирается для ее покупки. Еще одно из множества странных правил, по которым живет моя мама. В нашем торговом центре, по-моему, можно купить что угодно, но в один прекрасный день, когда мама вдруг решает, что ей срочно необходима пара пуговиц, планируется целая экспедиция — и не куда-нибудь, а в «Брент-Кросс».

«Брент-Кросс» — сплошь одни магазины, магазины и парковка для машин, такая огромная, что на нее можно запросто посадить гигантский авиалайнер, но поездка туда — это Целое Событие. Со всеми надо проконсультироваться. Всех надо пригласить. Надо составить списки. Надо перерыть все шкафы в доме на предмет чего-нибудь жутко невразумительного — а вдруг как раз именно этого нам и не хватает, или оно поломалось, или его пока так никто и не удосужился купить.

Вообще говоря, трудно объяснить, из-за чего я так возбужден. Сказать, что я не люблю магазины, значит не сказать ничего. Но когда мама объявляет, что собирается в «Брент-Кросс», отказаться я не могу. Это все равно что отказаться поехать куда-нибудь на каникулы.

Возможно, все дело в том, что поездка в «Брент-Кросс» — почти как путешествие во времени. Такое ощущение, что ты собираешься провести целый день в будущем, где все, от дорожек до крыш, вымощено и выстлано, отоплено и безупречно. По крайней мере, так себя чувствуешь перед стартом. На месте же это почти всегда один сплошной облом, но тогда уже все равно слишком поздно.

Остальным это не интересно, а потому на сей раз едем лишь мы с мамой, что, по опыту могу сказать, совсем не круто, хотя втайне расклад меня вполне устраивает. Пропустив встречные, мы съезжаем с проезжей части и ныряем вниз, крутясь по спирали пандуса, ведущего к парковке, и я чувствую легкую дрожь в груди. Прекрасно знаю, что поездка закончится разочарованием, но все равно испытываю трепет, какой непременно одолевает, когда попадаешь в необычное место, а еще оттого, что мама сегодня только со мной.

Запоминать, где мы оставили машину, моя святая обязанность, и я стараюсь зафиксировать место в мозгу, мысленно его фотографируя. На стоящие рядом машины полагаться нельзя, поскольку к моменту нашего возвращения они уже могут уехать, но я все же стараюсь их запомнить. Просто мне всегда интересно, окажутся ли они на месте, когда мы выйдем из магазина. Возможно, «интересно» — слово не совсем подходящее, но знать почему-то хочется.

Рядом с нами красный «мерседес», и я сам с собой заключаю пари, что он не уедет до нашего возвращения, поскольку у богатых денег больше, а значит, времени на покупки им тоже нужно больше.

Фасада у «Брент-Кросс» нет. А если и есть, то мы его просто ни разу не видели. Обычно мы пересекаем парковку, проходим по одному из бульжных тротуаров, которые сделаны специально для слепых, и упираемся в маленькую дверцу. Стоит ее открыть, и вы тут же оказываетесь посреди вешалок с оборчатými платьями для пожилых женщин. В смысле, для настоящих старух. Мама на них даже не смотрит.

Наша первая остановка — отдел пуговиц в «Джоне Льюисе»^[9]. Казалось бы, таких отделов не бывает, но они есть. Иногда просто диву даешься: все-все, что существует на свете, где-нибудь да продается.

Пуговицы навалены горками в маленьких плексигласовых коробочках — бери не хочу. Так и тянет запустить в них руку и долго перебирать пальцами, но самое удивительное — это можно запросто сделать! По жизни, чем больше тебе хочется чего-нибудь потрогать, тем строже

тебе это запрещают. Но с пуговицами все иначе, и это хороший знак, поскольку я был на сто процентов уверен, что это будет самая тоскливая часть дня, но вот мы с нее начали, а мне уже весело.

Вещей, от которых получаешь настоящее удовольствие, на самом деле гораздо больше, чем ты готов признаться. Классический пример — запустить руку в кучу скользких, прохладных пуговиц и вволю там пошурудить. Ведь о таком никто никогда и никому не расскажет. Даже не знаю, с чего я вдруг признался вам в этом сейчас.

Есть такие магазины, куда заходят только женщины. И если ты не женщина, то чувствуешь себя настоящим шпионом. А поскольку я всего лишь мальчишка, они про меня забывают и я могу слушать все разговоры, которые они ведут, абсолютно уверенные, что их не слышит никто из мужчин. Большинство их разговоров — полная бессмыслица, но мне все равно нравится. Так прикольно, что женщины могут сделать тайну практически из всего. А еще прикольно то, как меняются у них голоса, когда они начинают сплетничать. Раньше мама брала меня с собой в примерочные, но теперь с этим покончено. А жаль.

Мама торчит в отделе одежды тыщу лет, но я совсем не против. Бывают дни, когда все надоедает очень быстро, но бывают и такие, когда ты счастлив лишь оттого, что просто наблюдаешь за людьми. Я устраиваю маленький шум: мол, она же обещала ничего не покупать из одежды, но делаю это лишь ради того, чтобы мама оценила, что я не поднимаю шума большого.

— Только папе не говори, — предупреждает мама у кассы. Наверное, маме кажется, что она набрала слишком много вещей. Хотя, если подумать, говорит она таким голосом, будто подмигивает, давая понять, что ничего такого в виду не имела. И добавляет: — Тут огромные скидки.

Я пожимаю плечами. Мама ласково ерошит мне волосы, и ее ладонь уютно устраивается у меня на загривке. Чаще всего я терпеть не могу, когда она меня трогает, но иногда вполне ничего. Как сегодня.

За столь хорошее поведение меня наверняка ожидает награда. Вот и час кофе с печеньем. Мы всегда называем его так, хотя я заказываю горячий шоколад с эклером, а мама — чай с круассаном. Даже не знаю почему. Просто мы так привыкли.

Следующий пункт по списку — новые ботинки для школы. С одной стороны, меня это пугает, а с другой — я весь в предвкушении. Когда еще увидишь, как взрослые преклоняют перед тобой колени, суеются и беспрестанно спрашивают: ну как, удобно, не жмет? В отделе детской обуви мир словно перевернулся с ног на голову. Там дети — самые крутые эксперты, круче просто некуда, сидят себе и выдают информацию мелкими порциями, а взрослые ползают вокруг на четвереньках и сыплют вопросами.

Но особенно я обожаю заключительный этап, когда ты неторопливо идешь к двери и обратно, а мама с продавщицей молчат, затаив дыхание в ожидании приговора. И когда ты возвращаешься и выдаешь лишь неразборчивое «м-м-м», а они начинают заискивающе заглядывать тебе в глаза:

— Ну что? Как они? Жмут? Где? Спереди или с боков? Или слишком свободно? Или натирают?

А ты стоишь себе расслабленно и глубокомысленно мычишь — типа ты король и тебе не нравится то, что тебе принесли, но тебе вроде как влом объяснять почему.

Хотя тут есть и подвох. Ведь в итоге ты остаешься с новыми ботинками. А на свете нет ничего хуже новых ботинок. Надеть новые ботинки — это все равно что выйти на улицу с плакатом: «Я — полный придурок и зубрила». И как бы ты ни старался, минует как минимум недели две, прежде чем тебе удастся сносить их до нормального состояния.

Слава богу, когда я вижу этих двоих, новые ботинки благополучно покоятся в пакете, а сам я по-прежнему в старых.

Двое — это Олли и Карл. Они у фонтана, курят.

Я замечаю их издали и застываю как вкопанный. Мама тоже останавливается, ловит мой взгляд и смотрит туда же. Я не верю своим глазам. Они вместе, и это как пинок под дых.

Моя первая мысль — убраться отсюда как можно скорее, пока меня не засекали. Только при возможности вести себя так, будто я не в курсе, что Олли с ним видится, я могу контролировать дальнейшие события. И поступать, как хочется мне. Но стоит Карлу сообразить, что мне все известно, — и ситуация полностью изменится. Мне придется пойти на принцип. То есть послать их на три буквы.

Я не собираюсь быть просто запчастью. И я не собираюсь навязываться этой парочке. Пусть даже я дам слабину — Карл ждет лишь подходящего момента, чтобы пинком под зад вышибить меня вон.

Нужно срочно убираться с глаз долой, но я не могу. Ноги как будто не мои. Стою как приклеенный, уставившись на них, слишком ошарашенный, или расстроенный, или испуганный, чтобы заставить тело повиноваться.

— Сейчас я с ним поговорю, — заявляет мама.

Моя голова дергается в ее сторону, а челюсть отпадает сама собой. Я настолько напуган ее словами, что придумать ответ не получается. Да я готов хоть каждый день до конца жизни носить новые ботинки, только бы мама не пошла сейчас к ним! Но я даже не успеваю открыть рот и выдать, что это будет самый худший из всех ее поступков по отношению ко мне, как она срывается с места и решительно устремляется к ним.

После того как ситуация переросла в критическую, ноги несут меня сами собой.

— Не надо! — умоляю я, едва поспевая следом.

— Он курит!

— Пожалуйста, мама, не надо.

Она даже не сбавляет шаг. Мы все ближе. И они вот-вот нас увидят. Еще пара секунд — и весь мой мир полетит под откос. Я хватаю маму за рукав и упираюсь изо всех сил.

— МАМА! НЕ НАДО!

— Отцепись от меня.

— НЕ НАДО! ПОЖАААЛУЙСТААААА!

Она не может двинуться. Я выгибаюсь всем телом и едва не стягиваю с нее пальто. А затем поворачиваю голову и вижу Олли и Карла. Должно быть, они услышали мои крики, поскольку оба стоят, уставившись прямо на нас, и до меня вдруг доходит, как я сейчас выгляжу: орущий ребенок тянет мамочку за рукав и устраивает спектакль на манер пятилетнего сопляка. Унизительнее просто не придумаешь.

Я быстро выпускаю мамин рукав, она дергает плечом, поправляя пальто, и, даже не взглянув на меня, шагает к ним. Я не могу последовать за ней. Я и смотреть-то на все это не могу. Сейчас мне хочется свернуться в клубок и просто раствориться.

Мама уже совсем рядом с ними. Напрочь игнорируя Карла, словно того и не существует, она с ходу набрасывается на Олли. Мне не слышно, о чем она говорит, но и ежу понятно, что слова далеко не ласковые. Одному богу известно, за что она на него накинулась. Это продолжается бесконечно. Олли смотрит на нее как на ненормальную, а затем мама вытягивает руку и громко что-то ему приказывает. Я вижу, как она повторяет одно и то же три раза. В конце концов он кладет пачку сигарет в ее протянутую ладонь. Не убирая руку, она говорит что-то еще, и снова трижды, пока он не отдает и зажигалку. Мама сует сигареты с зажигалкой в сумку, поворачивается к Карлу, что-то говорит ему и уходит прочь с сердитым, но довольным

выражением на лице.

Олли с Карлом переводят взгляд на меня, затем снова на маму. Они не смеются. Пока.

Она возвращается ко мне, но я не собираюсь ее ждать. Разворачиваюсь и быстро иду куда глаза глядят, лишь бы подальше от них. Я не бегу. Не хочу, чтобы Карл и Олли видели, как я удираю.

За следующим углом мама догоняет меня и пытается ухватить за локоть.

— Стой.

— ЗАЧЕМ ТЫ ЭТО СДЕЛАЛА?

— Бен, подойди ко мне.

— ЗАЧЕМ ТЫ ЭТО СДЕЛАЛА?

— Затем, что так нужно.

— Что ты им сказала?

— Я просто сказала, что если он считает, будто я не расскажу его матери о сигаретах, то он глубоко ошибается.

Одна моя половина так и бурлит от злости — ведь мама влезла куда ее не просят и меня подставила, — но другая вздыхает с облегчением: по крайней мере, она не стала кричать, чтобы Карл держался от меня подальше, и не упрекала Олли за то, что он предал меня. Мама знает Олли с трех лет, так что с нее станется.

— И еще я объяснила, к чему приводит курение. Причем самым недвусмысленным образом.

Тут она вдруг останавливается и рывком притягивает меня к себе. И глядит мне прямо в глаза, зрачок в зрачок.

— Ты этим занимался? — спрашивает она. — Ты курил когда-нибудь? Отвечай!

Она на таком взводе, что я почти забываю о своем желании прибить ее.

— Нет.

— Поклянись.

— Да не курил я.

— Поклянись.

— Клянусь. Я не курил.

— Хорошо. Потому что иначе я бы тебя никогда не простила.

— А я никогда не прощу *тебя*.

Я пытаюсь снова разозлиться, но у меня ничего не выходит. Она победила.

— Он мой друг! Не лезь не в свое дело!

— Я не шучу, Бен. — Голос у мамы очень серьезный. — Иначе ты бы меня по-настоящему расстроил. Другие мальчики могут делать что хотят, но это не значит, что ты должен подражать им. Ты должен оставаться самим собой.

Господи, она ничего не понимает. Не понимает, что натворила, и объяснить это ей невозможно. Не стоит и пытаться. Глупо разговаривать с человеком, который считает, будто я кому-то подражаю.

И хотя мама сверлит меня настойчивым взглядом, я молчу целую вечность, а затем сердито гляжу на нее и спрашиваю:

— Что ты сказала Карлу? Под конец?

— Что он мерзко поступил с Рейчел. И что ему должно быть стыдно.

— А как он поступил с Рейчел?

Я хочу услышать мамину версию. И насколько она стыкуется с версией Донни.

— Тебя это не касается.

— И все-таки?

— Я повторяю: тебя это не касается.

— Нет, скажи.

Но мама уже идет прочь.

Разумеется, теперь нам не до покупок. Мы, конечно, еще изображаем интерес, таскаясь по магазинам, но получается плохо, как-то фальшиво. Вероятно, это самая короткая из всех наших поездок в «Брент-Кросс».

Когда мы выруливаем со стоянки, красный «мерседес» все еще там.

Куст на школьном дворе

Всю дорогу домой я молчу. Глазею в окошко и думаю. Мама тоже молчит — сообразила, что я на нее злюсь.

Мой план отбить Олли у Карла рухнул, не успев стартовать. Я должен был предвидеть, что он не сработает. Знаков хватало. И самый явный из них — одежда. Всего через пару недель после начала учебного года все вдруг начали поносить «трубы» как какую-нибудь заразу. Мне всегда казалось, что Олли подобные разговоры по барабану, но в один прекрасный день его брюки изменяются без всякого предупреждения, и теперь он не вылезает из «бананов». От старых «труб» не осталось и следа. Точно так же он выкинул свою «парку», сменив ее на новую кожанку. Для школы это вообще что-то с чем-то, но в хорошем смысле слова.

Нечто подобное я видел еще лишь на одном человеке. И должен был сразу понять, что тут к чему. Но не брал в голову, пока не увидел собственными глазами — там, у фонтана, в «Брент-Кросс», вместе, рядом, оба в кожаных куртках.

Мне ни за что, даже через миллион миллионов лет, не купят кожаную куртку, но когда мы сворачиваем на Кентон-роуд, я принимаю решение: как только доберемся домой и мама поставит чайник, я поставлю ребром вопрос о новых брюках. За чаем с мамой всегда легче договориться.

— Мы же только из магазина! — возмущается мама.

— Знаю. Но я лишь сейчас понял, как они мне нужны.

— Мы дома всего две минуты! Ты что, все решил за эти две минуты?

— Я думал об этом в машине.

— Просто невероятно! — восклицает она. Что ж, придется потерпеть. Тем более что у тебя уже есть слаксы, причем вполне нормальные.

Я пытаюсь рассказать ей о «бананах», но слишком стесняюсь, а потому не могу ничего объяснить толком — сказать, что я последний из всех нормальных людей, у кого их до сих пор нет, — и мама заявляет, что, мол, пора наконец повзрослеть и перестать заниматься ерундой.

— У тебя слаксы совсем новые, — повторяет она. — Ты сам их выбирал. В конце каникул.

Я не могу сказать ей то, что хочу сказать, — в смысле, что это было сто лет назад и с тех пор все давно изменилось. Потому что знаю, как глупо это прозвучит.

— Вот когда ты из них вырастешь, — продолжает мама, медленно и нараспев, как будто издевается надо мной, давая понять, что я веду себя как девчонка, — ты сможешь выбрать себе любые брюки, какие только захочешь.

Я не стал объяснять ей, что слаксы — это только начало. Слаксы — лишь вещь первой необходимости, и есть еще много чего, о чем я пока даже не заикнулся.

В итоге приходится использовать старый трюк, которому я научился у Рейчел, — крики, хлопанье дверью и отказ от еды.

И лишь когда я наотрез отказываюсь проглотить за ужином хоть кусочек, мама наконец-то воспринимает меня всерьез и за остывающей тарелкой, стоящей ровно между нами, соглашается на компромисс. Она обещает ушить мои слаксы.

Я ловлю ее на слове и вынуждаю тут же взяться за дело. Сам же стою рядом в трусах, наблюдая и запихивая в себя ужин. Мне еще крупно повезло, что она так быстро сдалась: ведь я реально умирал с голоду и навряд ли выдержал бы еще хоть немного. Ну максимум минут десять. Даже не знаю, как Рейчел с этим справляется. Она может продержаться несколько дней.

Брюки смотрятся немного странно — расширяются от верха к коленям, а затем вновь

сужаются к лодыжкам, — но, по крайней мере, прогресс налицо и теперь в школе никто не посмеет ткнуть в меня пальцем. (См. Рис. 9.) Возможно, странность даже к лучшему, поскольку теперь я выгляжу как полагается, а с другой стороны, можно не бояться, что Олли решит, будто я ему подражаю.

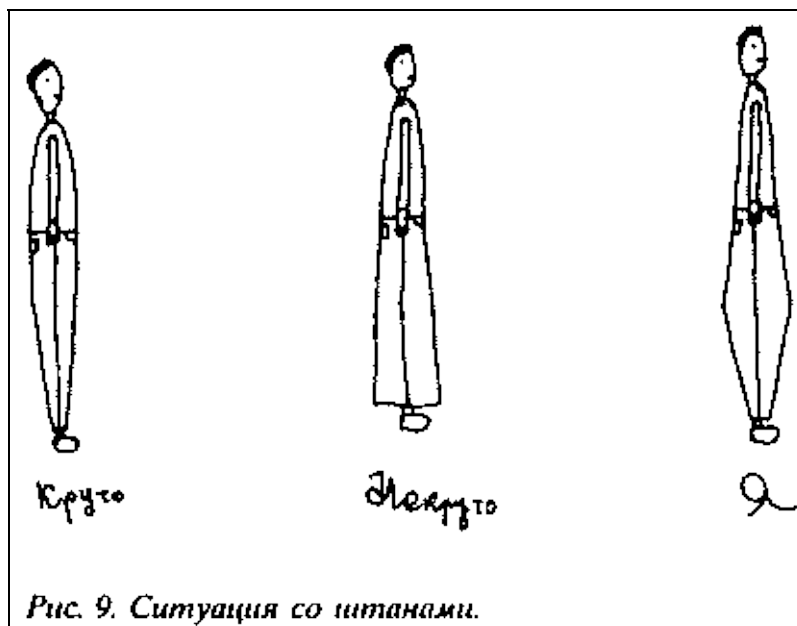

Рис. 9. Ситуация со штанами.

Если честно, я впервые в жизни беспокоюсь, что подражаю Олли.

О том, что Олли изменился, свидетельствовала не только одежда. Хуже всего было то, что в школе он по-прежнему изображал из себя моего лучшего друга, а по выходным стал все чаще подыскивать разные предлоги. Заявлял, что дико занят, или должен навестить двоюродных братьев, или вместе с родителями куда-то там едет, или мама его запрягла. И я ему верил. Верил вплоть до «Брент-Кросс» и только там понял, что все его отмазки — одно сплошное вранье.

И вот в понедельник, сразу после поездки в торговый центр, я не звоню в его дверь. Впервые в жизни я прохожу мимо его дома и иду в школу один. Если Олли хочет быть с Карлом, флаг ему в руки, но обо мне он может забыть.

Я не собираюсь устраивать сцен. Конечно, лучше всего было бы пересесть за другую парту, чтобы дать Олли понять: я больше не желаю быть его другом, но это будет уже перебор. Вот это точно будет проявлением слабости. Я решаю ограничиться тем, что прекращу звонить ему и заходить за ним по дороге в школу. А вот в школе, где от него все равно никуда не деться, стану вести себя как обычно. Ну разве что немного холодновато, но в целом — как обычно. Никаких ссор, никаких обвинений, я даже не скажу ему, что обо всем этом думаю. Пусть Олли сам догадается, что я поставил на нем крест. И ему никогда не узнать, как сильно я расстроен.

Олли опаздывает — наверное, потому, что ждал меня у дома, — и миссис Диксон выговаривает ему, отчего тот сразу становится пунцовым. Вообще-то заставить Олли покраснеть — пара пустяков. Достаточно сказать ему, что он покраснел, хотя ничего такого и в помине нет, как он тут же заливаается краской — становится алым как помидор. Будто по команде. И это всегда дико как смешно.

Я наблюдаю, как его отчитывают, и вдруг понимаю, что ненавижу Олли. В том, что случилось, виноват только он. Карл — свинья, но он никогда не стал бы проблемой, если бы не Олли. Именно из-за Олли все пошло наперекосяк. Именно он оказался предателем.

Краска так и не сошла с его щек, когда он проходит в класс и садится рядом со мной, и всю математику мы не разговариваем, но я не знаю почему — то ли из-за того, что произошло, то ли просто потому, что он и так уже схлопотал по шапке и не хочет новой выволочки за болтовню на уроке.

На перемене я выхожу из класса, так и не сказав ему ни слова. Пусть-ка он сам попытается вернуть все обратно. Мартин и Скотт как раз делят ребят на команды, когда Олли подходит ко мне и говорит:

— Привет.

Я здороваюсь.

— Твоя мама звонила моей, — сообщает он.

— Да ну?

— И все ей передала.

У него такой тон, что я едва удерживаюсь от извинений. Хотя Олли не злится. Он просто рассказывает.

— У тебя теперь проблемы? — спрашиваю я.

Он молча кивает.

— Большие?

Но тут выкрикивают мое имя, и приходится идти в команду Мартина. Олли оказывается в команде противника, и игра занимает у нас всю перемену. Перед тем как вернуться в класс, Олли снова подходит ко мне.

— Ты не виноват, — говорит он. — Я знаю, это все она. Ты тут ни при чем.

— Ладно.

— Так что давай забудем о том, что произошло.

Его слова мало что означают, но вот интонация — она оказывается для меня сюрпризом. Такое ощущение, что это он так извиняется за свое предательство. Вроде как просит, чтобы мы остались друзьями.

Он глядит мне в глаза, ожидая ответа, и я вдруг сильно пихаю его в куст — наша обычная шутка по дороге со спортивной площадки.

К такому повороту Олли не готов и влетает в самую гущу, полностью исчезая в листве. А когда выныривает из куста с очевидной целью наброситься на меня, я уже удираю со всех ног, буквально покатываясь со смеху. Я позволяю Олли догнать меня, и он тащит меня назад, и мы оба визжим и хрюкаем, и теперь его очередь затолкать меня в куст, но у него ничего не получается, а затем в окне появляется миссис Диксон, называет нас «безобразниками» и «озорниками» и кричит, чтобы мы поторопились.

Мы несемся по лестнице наперегонки, отпихивая друг дружку, чтобы прийти к финишу первым, и я понимаю, что по крайней мере в школе все может остаться как прежде. Возможно, мы и дальше сможем быть друзьями.

Наверное, я не должен был на это соглашаться. Наверное, мне не следовало так легко позволять ему опустить себя в низшую лигу. Но это совсем не то, что вы думаете. В тот момент я был так рад, что он сделал шаг первым. И я просто не смог ему отказать.

Комната Олли

Однако нужно еще раз все проверить. Выяснить ситуацию с выходными. А потому в субботу я отправляюсь к Олли. Я не звоню предварительно и не проверяю, станет ли он врать и изворачиваться. Я просто иду.

Дверь открывает мама Олли. На ней обтягивающая маечка с таким глубоким вырезом, что титьки выглядывают как два гладких шарика мороженого. Вообще говоря, было бы стремно иметь такую маму. Я просто не знал бы, куда девать глаза.

— Проходи наверх, — говорит она.

Направляясь к лестнице, я посылаю ей свою самую очаровательную улыбку. Которая тут же скисает, когда я вхожу в комнату Олли и вижу Карла, сидящего на ковре. Олли — напротив. Они играют в карты.

Олли тут же краснеет и от смущения даже не здоровается. А Карл просто ухмыляется: вроде он и рад меня видеть, но в то же время настороже, как та собака при виде палки.

— Все в порядке? — спрашиваю я.

Карл кивает. Никто не говорит ни слова. Мы просто смотрим друг на друга, и молчание растягивается на целую вечность.

В конце концов я не выдерживаю.

— Во что играете? — Это единственное, что приходит в голову.

— Ни во что, — отвечает Карл.

Врет. По тому, как разложены карты, видно, что игра в самом разгаре. У каждого на руках по несколько карт, остатки колоды — на ковре между ними рубашкой вверх, и небольшая, чуть более беспорядочная кучка, — рубашкой вниз.

— В «дурака»?

Карл отрицательно мотает головой и бросает свои карты на пол. Потом забирает карты у Олли, складывает все вместе и начинает тасовать.

— Мы как раз собирались сыграть в «костяшки». Знаешь, что такое «костяшки»?

Я пожимаю плечами: мол, ясен пень, хотя на самом деле понятия не имею. Карл встает и подходит ко мне.

— По правилам должно быть два игрока, но можно и втроем.

С этими словами он протягивает мне колоду, на открытой ладони, а значит, он не передает мне карты, а хочет, чтобы я снял.

Я снимаю и открываю девятку червей.

— И какие правила? — спрашиваю я.

— Я думал, ты знаешь.

— Может, они у нас разные.

— Тогда расскажи мне свои, а я скажу, такие же они или нет.

— Он почти поймал меня, но не совсем.

— В моих не снимают в начале игры, так что они уже разные. Давай лучше играть по твоим.

— И как же начинают в твоих?

— ТЫ ЧТО, ИДИОТ? ПРОСТО РАССКАЖИ НАМ ПРАВИЛА.

Он лыбится так, будто уже выигрывает.

— Снимают все по очереди, — объясняет он. — У кого самая крупная карта, тот и победил. Самая мелкая — проигравший. Картинки идут по десять очков. Туз — одиннадцать. Проигравший подставляет кулак. Победитель бьет проигравшего колодой по костяшкам столько

раз, сколько очков набрала победившая карта. Побеждает тот, кто выходит из игры последним. Проигравший — тот, кто сдается первым. Выходить из игры когда вздумается нельзя.

Я смотрю на Олли. Олли смотрит на меня.

— Это не карточная игра, — говорю я.

— А что? Балет? У тебя девятка.

Он протягивает колоду Олли. Тот колеблется.

— А если будет ничья? — спрашивает он.

— Тогда игра повторяется. Все снимают по новой. Давай.

Карл тычет Олли колодой в живот. Олли снимает.

— Четверка! — восклицает Карл. — Обломись.

Он задирает руку с колодой вверх, картинно опускает вниз и выжидает для пушного эффекта, переводя взгляд с меня на Олли. А затем показным движением снимает и резко разворачивает карту лицом к нам, прежде чем посмотреть самому.

— Уууууууууууу! Восьмерка! — объявляет он. — Ты выиграл.

Карл и Олли отдают мне карты, и я перетасовываю колоду. Я и правда не знаю, что делать дальше.

— Давай, — говорит Карл и подталкивает Олли. — Руку вперед.

Олли послушно вытягивает руку.

— В кулак. В кулак сожми.

Олли сжимает кулак и наставляет на меня.

— Бей, — говорит Карл. — Девять раз.

Я вцепляюсь в колоду — не слишком крепко, но и не слабо, чтобы карты не выпали, — и опускаю на руку Олли.

— Один.

Карл отсчитывает удары. Я бью несильно, но под конец первые две костяшки Олли краснеют и слегка припухают. К последним ударам я даже начинаю входить во вкус.

Поскольку я победил, то теперь моя очередь давать снимать. Олли выпадает шестерка, Карлу — дама, мне — снова девятка.

— Опять облом!

Карл так возбужден, что практически пропевает эти два слова. Он вырывает у меня карты, располагает кулак Олли так, как ему удобней, и выдает десять ударов примерно с той же силой, что и я. При этом он слегка смещает колоду, чтобы попадать по другим костяшкам, еще не тронутым мною. Когда все заканчивается, кожа на кулаке Олли не содрана, но видно, что она воспалилась.

Следующий раунд. Я тяну первым и вынимаю туза. Не в силах сдержаться, издаю торжествующий клич и пускаюсь в пляс, потому что наверняка знаю, что победил.

Дальше очередь Олли. Он вытягивает короля, отчего я опять начинаю приплясывать. Расклад просто идеальный. Я против Карла, и у меня одиннадцать ударов!

— Король! — радостно ору я. — Король!

Карл, снова сняв по-пижонски, достает паршивенькую тройку. Экстраунижение.

— ТРОЙКА! — веселюсь я. — Ну что ж ты, Карл? Мог бы сыграть и получше!

Он молча протягивает мне карты и выставляет кулак, но не глядит на него, как Олли, а смотрит мне прямо в глаза, точно бросает вызов. Какой момент! Я тяну время, аккуратно складывая колоду, и поступаю с Карлом точь-в-точь как он поступил с Олли: располагаю его кулак именно там, где мне удобней врезать с размаху.

Первый удар звучит совершенно иначе. Я бью раза в два сильнее, чем по кулаку Олли. На средней костяшке тут же проступает водянистое пятнышко, что-то вроде крошечного волдыря.

Карл даже не смотрит на него. Он не сводит глаз с меня и лишь медленно прищуривается, показывая, что спокоен как удав.

— Один, — произносит он таким тоном, словно отсчитывает «один-ноль» в свою пользу.

Мой второй удар еще чуть сильнее. Я целю в ту же костяшку, но промазываю, и контакт получается не таким смачным.

— Два.

В голосе Карла легкий намек на торжество.

К цифре «восемь» на кулаке вздыбливается кожаный лоскут, под которым явственно проступает краснота. На счете «десять» это уже не просто краснота, а настоящая кровь. С последним ударом на нижней карте остается маленькое красное пятнышко. Я показываю его Карлу.

— Неплохо, — говорит он, причем как бы с двойным сарказмом, поскольку в голосе сарказма нет, но смысл явно язвительный.

Мое сердце начинает бешено колотиться. Я вхожу в то состояние полной концентрации, когда для человека перестает существовать все, кроме игры. Я знаю, что выиграю. Я чувствую — сегодня мой день.

Протягиваю колоду.

Олли — пятерка трэф.

Карл — восьмерка бубен.

Как два пальца. Даже обидно.

Я снимаю по-карловски, картинно поднимая и выставляя карту вперед, чтобы другие увидели раньше меня. И не могу поверить своим глазам, когда разворачиваю руку и вижу перед собой двойку пик. Двойку! Когда на кону какая-то несчастная восьмерка!

— Обломись, — говорит Карл. Тихо, без злорадства.

Он собирает карты и поудобнее пристраивает мой кулак. Я смотрю на его вторую руку и вдруг замечаю, как он держит колоду. Не горизонтально, а вертикально, как держат нож, когда хотят с размаху всадить его в стол. И когда Карл становится наизготовку, я понимаю, что именно так он и собирается бить: ребром колоды, а не плоскостью, как до того.

— Так бить нельзя, — говорю я.

— Это еще почему?

— Нельзя, и все.

— В правилах ничего не сказано про то, как держать колоду.

— До этого мы играли по-другому.

— Я могу бить так, как хочу.

— Это нечестно.

— Никто никого не обманывает.

— Если ты собираешься бить так, то я не играю.

— Выходить из игры посреди раунда нельзя.

— Нельзя менять правила посреди раунда.

— А кто меняет? Это ты пытаешься поменять правила, отказываясь играть дальше.

— Я не отказываюсь.

— Отлично. Тогда давай руку.

— Не дам, если ты собираешься бить ребром.

Карл оглядывается:

— Олли, в правилах было что-нибудь про то, как держать колоду?

Олли переводит взгляд с Карла на меня, затем опять на Карла. И отрицательно мотает головой.

— И он не может выйти из игры посреди раунда, так?

На этот раз Олли на меня не смотрит. Он не смотрит даже на Карла. Он просто пожимает плечами.

— Вот видишь, — ухмыляется Карл и поправляет мой кулак.

Я все еще пытаюсь придумать какой-нибудь ответ, когда Карл наносит первый удар. С такой силой, что мою руку буквально отшвыривает вниз. Ребро колоды врезается аккуратно за средней костяшкой, отщелкивая завиток кожи. Под содранной кожей — какая-то бесцветная масса. Сперва она беловатая, но краснеет прямо на глазах. Такое чувство, будто в руку всадили огромную иглу.

— Один, — говорит Карл.

Сердце гулко стучит в груди, в голове шумит, и кажется, что все это происходит не со мной. Словно моя голова онемела. Словно я смотрю на происходящее откуда-то издалека.

Карл поправляет мою руку и замахивается колодой, но теперь не от плеча, как в первый раз, а поднимает колоду высоко над головой, как можно выше. И бьет. Гораздо сильнее и точь-в-точь в то же самое место. Можно подумать, что он пытается вбить туда гвоздь.

— Два.

Ощущение такое, что это нож, а не колода карт. Боль пронзает руку насквозь, словно там внутри все заходится от визга. Из дырки на коже проступает красная капля, идеальный маленький шарик, с третьим ударом превращающийся в кровавое пятно, размазанное по всей костяшке.

Он отсчитывает удары, все восемь, и хотя голос его не очень меняется, Карл не в состоянии скрыть, до чего ему все это в кайф. Его щеки, обычно такие бледные, почти прозрачные, наливаются цветом, будто он только что умял здоровенную тарелку горячего супа.

Когда он заканчивает, глаза у меня щиплет от слез, а все тело сотрясает мелкая дрожь, хотя внешне это никак не проявляется.

Моя рука — одно сплошное месиво. Порой ты забываешь, что внутри ты состоишь из красного, хлюпающего месива. Костяшки выглядят так, словно меня вспороли, желая поглядеть, что там внутри, — убедиться, что там, под поверхностью, это все еще я.

Но труднее всего сдерживать слезы, когда я ловлю взгляд Олли. Глаза у него вытаращены, рот испуганно приоткрыт, полное впечатление, что с рукой я могу попрощаться.

Моя грудь ходит ходуном, будто я только что отбежал марафон. Воздух проскакивает внутрь какими-то судорожными рывками. Я стараюсь дышать нормально, но не получается. Сквозь пелену слез я вижу протянутую ладонь Карла, на которой аккуратно стопочкой лежит колода. Моя очередь снимать.

Я выдержал до конца раунда. Я не заплакал. Я не вышел из игры. Если я выйду сейчас, это будет нормально. Пусть я проиграл, но не позволил себя унижить. И если сейчас я возьму карту, то снова окажусь в игре и снова рискую проиграть. Ведь я легко могу проиграть Карлу. Но если я откажусь, то не смогу отыграться.

А вдруг мне подфартит, вдруг настал мой черед выигрывать... И я смогу влупить ему не слабее. Пусть знает, каково мне сейчас. Он смухлевал, отделив меня ребром колоды, и должен за это заплатить. Будет несправедливо, если он не испытает все на своей шкуре.

Смотрю на карты целую вечность. Никто ничего не говорит, никто не пытается меня подгонять. Они знают, о чем я сейчас думаю. Ребро колоды испачкано красным. При взгляде на нее теперь всегда будет вспоминаться моя окровавленная рука.

Иногда, решая, как поступить, ты вроде как обдумываешь самые разные варианты, но в действительности ты вообще ни о чем не думаешь. Просто ждешь, что сделает твое тело. Будто это твое тело приказывает голове, что делать, а не наоборот.

И вот сюрприз — моя рука вдруг сама тянется за картой. В полном шоке я смотрю на то, что она вытаскивает. Четверка треф.

Олли следующий. Десятка бубен.

Затем Карл. Мы видим карту раньше, чем он. Дама червей.

— Непруха, Бен, — усмехается он. — Опять мы с тобой.

— Нет. У вас десять-десять. Надо переиграть.

— Дама старше десятки.

— Не по твоим правилам, — возражаю я. Десятка — десять очков, дама — тоже десять.

Ничья.

— Но дама старше. Так что я выиграл.

— Она не старше. Десять есть десять.

— Дама всегда бьет десятку.

— Нет, если дама тоже десять очков. Ничья. Это же твои правила. Вы с Олли должны переиграть.

Карл пожимает плечами, как будто ему запахло тратить время на разговоры со мной, и протягивает колоду Олли. Тот снимает еще раз. Валет. Затем Карл. Пятерка.

Олли против меня. Сейчас я мог бы сорваться и убежать, и они не смогли бы меня остановить, но, во-первых, это выглядело бы ужасно, а во-вторых, я упустил бы свой шанс отквитаться. Олли не станет бить меня сильнее, чем я его. Хотя с такой рукой, как у меня, больно все что угодно.

Я вытягиваю кулак, и Олли как замороженный смотрит на него, собирая карты в колоду.

— Если хочешь, можешь сдать, — бормочет он.

— Нет, не может, — встревает Карл.

Я качаю головой:

— Не хочу.

Олли слегка приподнимает мою подрагивающую руку, и я чувствую теплоту его пальцев. В другой руке у него колода. Он держит нормально, не как Карл.

Олли подносит колоду к красному месиву моих костяшек и примеривается для удара. Я вижу, как колода мелко дрожит у него в руке. Ноздри Олли судорожно раздуваются. Он замирает на целую вечность.

— Ты даже этого сделать не можешь! — подначивает его Карл. — Какой же ты все-таки придурок!

И тут колода взлетает вверх и лупит меня по костяшкам.

Удар слишком внезапный, он застает меня врасплох, и от боли я не могу сдержать громкого крика. И неважно, что бьет он даже не вполсилы, никакого сравнения с Карлом, боль от этого ничуть не меньше. За первый раунд рука успела онеметь, но сейчас я чувствую все.

— Один, — считает Карл.

Олли примеривается для следующего удара, и вновь наступает долгая пауза. В конце концов колода опускается. На этот раз я собираю всю свою волю и не издаю ни звука, но слеза, до того предательски копившаяся в одном глазу, вытекает и катится по щеке. Я украдкой пытаюсь смахнуть ее, но они замечают.

— Два, — говорит Карл.

Олли снова приподнимает колоду, готовясь к третьему удару, и на этот раз ожидание длится бесконечно. И вдруг Олли говорит:

— Все, я сдаюсь. Я проиграл.

— Не будь девчонкой.

Это Карл.

— Кем хочу, тем и буду. Мне плевать.

— Нельзя сдаваться посреди раунда.

— Я больше не хочу играть.

Олли выпускает колоду из рук, и карты разлетаются по полу. Он идет к кровати, падает на нее и молча лежит, уставившись в потолок. Решение свое Олли ни за что не изменит, это видно без слов.

Карл собирает карты, тасует колоду и протягивает мне. Его ясные голубые глаза блестят от удовольствия.

— Значит, ты и я, — говорит он. — На победителя.

Я смотрю на колоду. Аккуратная стопка на ладони Карла. Если я снова проиграю, он прорвет мне мясо до самых костей.

— Ты этому в отряде научился? — спрашиваю я. — От таких же психов?

Он пожимает плечами:

— Снимай.

Я с размаху бью его по руке снизу, и карты разлетаются по всей комнате.

— Мне надоело. Я иду домой.

И ухожу.

По дороге я подбираю пригоршню гравия у соседского дома и карябаю им щеку, чтобы выглядело так, будто я упал с велика. Дома я первым делом заклеиваю костяшки пластырем — пока не увидела мама.

Мама верит моей басне, но за ужином я ловлю взгляд Донни и понимаю: он знает, что я соврал.

В понедельник Олли не сводит глаз с моей руки всю школьную линейку, а по дороге в класс пытается извиниться за то, что произошло.

— Обычно он не такой, — бормочет Олли. — Наверное, у него на тебя зуб.

Но я не даю ему закончить:

— Я сяду за другую парту.

Единственное свободное место — за партой у самой двери, рядом с Эриком, которого все зовут не иначе как Блоб^[10]. Это будет покруче сибирского лагеря, но выбора у меня нет.

С Блобом общается только новенький, которого зовут Квок, и по-английски он ни бум-бум. У Квока есть братишка, классом помладше, который тоже не говорит по-английски и которого тоже зовут Квок. Оба они маломерки. По весу три Квока это как один Блоб.

Взгляд из-за парты рядом с Блобом

Чтобы пересесть, требуется специальное разрешение миссис Диксон, и она сразу предупреждает, что вернуться я уже не смогу. Пересаживаться можно лишь раз в семестр, не чаще. Но я даже не раздумываю. Отвечаю, что так надо.

«Камчатка» — это как другой мир. Но мне плевать, я думаю лишь о том, от кого я бегу. Мне и в голову не приходит побеспокоиться о том, к кому я перебегаю. Сколько себя помню, с Блобом никто никогда не сидел, так что с этой точки зрения я — его спаситель. И его новый друг. Но по правде говоря, я скорее дал бы себя четвертовать, чем стал другом Блоба. Ниже Блоба опуститься в принципе невозможно.

Но если ты сидишь с ним за одной партой, отделаться от Блоба не так-то просто. Я не могу приказать, чтобы он отвалил или хотя бы заткнулся, — чего мне безумно хочется всякий раз, когда он пытается со мной заговорить, — поскольку теперь мы связаны одной партой. Обычно Блоба просто игнорируют. Абсолютно все. Но у меня не выходит.

Каждое утро Блоб заводит свою шарманку: чем я занимался вчера вечером, что смотрел по телику, что ел на ужин — и так вопрос за вопросом, один глупее другого. Блоб понятия не имеет, как разговаривают нормальные люди, и это длится до бесконечности. Он весь буквально светится от счастья (ведь наконец-то у него есть с кем поговорить) и не замечает, что ответы я цежу сквозь зубы. Сам я никогда ничего у него не спрашиваю, но он нисколько не обижается.

Блоба невозможно поставить на место обычные способы с ним не работают. Он вечно чересчур навязчивый, чересчур громкий, чересчур энергичный, и я не знаю, что сделать, чтобы он оставил меня в покое. Все пялятся на нас, когда мы с ним разговариваем, я со стыда готов сгореть, но избежать этого не могу.

Однажды Блоб заявляется в школу с тонкой пачкой конвертов. Штуки четыре с виду. Он протягивает мне один конверт, и у меня тотчас возникает жуткое предчувствие. К счастью, никто на нас не смотрит, так что я поспешно вскрываю конверт. Так и есть! Хуже просто не придумаешь — приглашение на день рождения.

А Блоб стоит, вылупив свои зенки, большие и влажные, и ждет ответа. Лучшей возможности отделаться от него у меня еще не было. Никогда в жизни, даже через миллион миллионов лет, я не пошел бы к нему в гости, и если сейчас заявить ему об этом — просто взять и выложить правду, — Блобу придется прекратиться таскаться за мной хвостом. Всего-то и надо, что сказать ему «нет». И вовсе это не так уж жестоко. Я даже окажу ему своего рода услугу.

Но я лишь мямлю «спасибо» и поскорее прячу конверт в парту.

Вообще-то сейчас время переключки, но миссис Диксон запаздывает, поэтому все слоняются без дела. Большая часть ребят носится за Мартином, у которого в руках мяч, и пасует он исключительно Скотту, а девчонки разбились на мелкие группки и сплетничают. Самый большой кружок сплетниц возле парты Верити. Олли до сих пор нет. За последнее время он уже несколько раз пропускал занятия. Потом, правда, обязательно приносил записки от родителей, но я уверен, что Олли прогуливает. У его мамы есть печатная машинка.

Я наблюдаю, как Блоб вручает второй конверт Квоку, тот улыбается, кивает и кладет приглашение в парту. Блоб жестами пытается дать понять, чтобы Квок открыл конверт прямо сейчас, но тот ни черта не просекает и стоит себе столбом, улыбаясь и кивая как китайский болванчик, словно ждет, когда Блоб от него отстанет.

Затем Блоб обходит парту и протягивает конверт Джеймсу — это тот, что вечно искушанный и от которого воняет мочой. Джеймс сидит рядом с Квоком, прямо перед нами. Джеймс берет конверт и спрашивает, причем так громко, что все моментально замолкают и

поворачиваются в его сторону:

— ЭЭЭЭЭЭЭ... А ЧЕГО ТАМ?

Блоб напрягается. Теперь все смотрят на него, даже Мартин со Скоттом.

— Приглашение, — бормочет он едва слышно.

— КУДА?

Блоб не отвечает целую вечность и в конце концов просто пытается вырвать конверт у Джеймса, но Джеймса не проведешь. Он резко выбрасывает руку вверх, а затем запрыгивает на стул, чтобы Блоб не смог до него дотянуться.

На глазах у всех Джеймс вскрывает конверт и зачитывает в полный голос:

— ПРИГЛАШАЮ ТЕБЯ НА МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В ВОСКРЕСЕНЬЕ. ГЛЕНВУД-КЛОУЗ, 8. С 15 ДО 18. ИГРЫ! КЛОУНЫ! ПРЫЖКИ НА БАТУТЕ!

— *КЛОУНЫ?* — переспрашивает Скотт.

— Как же ты собираешься прыгать на батуте? — вставляет Мартин. — Ты ж не отскочишь, жиртрест, — размажешься.

Все хохочут, даже девчонки.

— А Я?! Я ТОЖЕ ХОЧУ! — заливается Скотт.

— Можешь взять мое. — Джеймс кидает ему приглашение.

Бросок не очень удачный, и Блоб торопится к упавшему конверту, но Скотт его опережает. Он швыряет конверт Мартину, и Блоб носится кругами по классу как полоумный, пытаясь отнять приглашение, пока не сталкивается в дверях с миссис Диксон, которая тут же на него набрасывается. И пока та бушует, Мартин, глядя на Блоба, демонстративно рвет приглашение на мелкие клочки и высыпает на его стул.

Все издеваются над Блобом потому, что боятся его. Не в том смысле, что он может сделать больно или еще чего. Его боятся, как боятся заразной болезни. Как прокаженного. Или изгоя. Как человека, к которому нельзя подходить слишком близко, иначе подхватишь заразу. Я подошел слишком близко.

И представить никогда не мог, что такое возможно. У меня всегда была куча друзей. Таких же, как и я сам. Но на задах класса, рядом с Блобом, я чувствую, как постепенно от меня ускользает все. С той самой минуты, как я потерял Олли, похоже, я потерял и всех остальных.

Как бы гадко и жестоко я ни обращался с Блобом, как бы ни лез из кожи вон, силясь доказать всем, что никакие мы с ним не друзья, я все равно чувствую, как меняется отношение ко мне в классе, и чем упорнее я пытаюсь вернуть все обратно, тем хуже они ко мне относятся.

На переменах меня все позже выбирают в футбольную команду. А когда Блоб подходит и спрашивает, можно ли ему тоже поиграть, чего он раньше никогда не делал, то я точно знаю: поступает он так именно из-за меня. Поскольку думает, что я вступлюсь за него. Прежде мне было плевать. То есть я, конечно, возражал, чтобы он играл в моей команде, но в другой команде — на здоровье. Однако теперь меня настолько выводит из себя одна лишь мысль о том, что он считает себя моим другом и позволяет себе демонстрировать это перед другими ребятами, что я тут же начинаю орать на него — мол, он слишком жирный для футбола, а затем даже даю пинка по его толстому, отвислому заду. И Блоб ударяется в рев, но я никак не могу остановиться.

А когда поворачиваюсь к остальным, уверенный, что все смеются, то обнаруживаю, что смеяться никто и не думает. Наоборот, все стоят и таращатся на меня, точно я шизанутый. Тут-то я и понимаю, что сделал только хуже.

На следующий день Блоб сообщает, что день рождения отменяется.

Я всегда считал, что ты там, где ты есть. Считал, что все всегда остается на своих местах.

Что все неизменно. Теперь я знаю, что это не так. Мир — очень скользкая штука. Достаточно пошатнуться чему-то одному, и все может полететь в тартарары. Те, кого ты знал много-много лет, могут переменить свое мнение о тебе без всякого предупреждения, причем сразу всем скопом. Стоит тебе дотронуться до изгиба, как ты тут же сам становишься изгибом и все остальные от тебя мигом отворачиваются. Это все равно что упасть с края света.

Даже мама что-то замечает и начинает доставать меня вопросами: мол, почему я как-то странно себя веду, почему сижу дома, почему не гуляю и почему я перестал видаться с Олли.

— Это потому, что он курит? — спрашивает она.

— Я ВИЖУСЬ С НИМ, — отвечаю я. — МЫ ВИДИМСЯ В ШКОЛЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ. ОН МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ.

Сам не знаю, зачем я ору.

— А почему вы больше не встречаетесь в выходные? Вы что, поругались?

— НЕТ.

Она хмурит брови и спрашивает, в чем дело, поэтому я выбегаю вон из кухни, хлопнув дверью.

Но она идет следом за мной, в мою комнату, садится на край кровати и принимается зудеть — так тихо и спокойно, как будто объясняет химическую формулу и мы с ней единственные из всех ученых мира, кто ее понимает, — что она не хочет, чтобы я проводил время в компании мальчиков, которые курят, и что она страшно разозлится, если хотя бы заподозрит меня в курении, но в то же время ей не хочется, чтобы я думал, будто мне вообще нельзя выходить на улицу.

— В мире, — бубнит мама, — полно людей, которые совершают дурные поступки, каждый в своей жизни совершает что-то дурное, но это вовсе не означает, что ты должен от всех прятаться. И то, что я рассердилась и отругала Олли, вовсе не означает, что теперь вы вообще не должны видаться. Меньше всего мне хочется, чтобы ты слонялся по дому как неприкаянный. Олли твой лучший друг. Сходи к нему в гости. А если не хочешь видаться с ним, начни встречаться с другими ребятами. Нельзя все время сидеть в четырех стенах. И не бери пример с Рейчел, ее поведение трудно назвать взрослым или умным. Тебе надо гулять. Найди себе дело по душе.

Мама настолько не врубается в ситуацию и настолько тормозит, что мне хочется заплакать. Я уже чувствую, как подступают слезы, но это вовсе не из-за того, что я расстроен. Это из-за злости и разочарования. Никто не понимает, что происходит, поэтому я снова бегу прочь, на сей раз вон из дома и вниз по улице. Податься мне некуда, и я просто бреду куда глаза глядят и думаю — ищу способ, как сделать так, чтобы все снова стало хорошо, но в голову не лезет ни одной путной мысли. Я не знаю, как вернуть мою прежнюю жизнь. А что, если я вообще не стану нормальным и у меня никогда больше не будет нормальных друзей?

А от маминых попыток сделать как лучше все становится только хуже. В последнее время она смотрит на меня так, словно старается понять, почему я несчастлив, и от этого мне еще более тошно. Ее пристальный взгляд лишний раз напоминает мне, что все хуже некуда, точно я сам об этом не знаю.

Ненавижу ее. Ненавижу маму. Ненавижу всех.

Жизнь Олли изменилась так же круто. Раньше у него был я — тот, кто удерживал его на правильном пути, — но теперь я с ним даже не разговариваю. Какое-то время Олли еще пытается наладить контакт, но, осознав, что я не шучу, сдается, и скоро мы ведем себя так, будто другого на свете и не существует вовсе.

Теперь Олли под Карлом. Игра окончена. Карл победил.

А это значит, что Карлу придется придумать новую игру. И я догадываюсь, что это за игра. Мне неизвестны ни правила, ни детали, но одно я знаю наверняка: в игре будут победитель и проигравший и этим проигравшим как пить дать окажется Олли.

Теперь, когда я больше не сижу с Олли, сосредоточиться на школе он не может. И неприятности у него идут косяком — сначала из-за того, что на уроках он где-то витает в мыслях, потом из-за невыполненных домашних заданий. А то начинает бросаться со Скоттом и Мартином чем попало, но те, разумеется, выходят сухими из воды, и достается лишь одному Олли.

Есть такие ребята, которых хлебом не корми, дай только влезть во что-нибудь стремное. Но Олли не из таких. Олли терпеть не может неприятностей. Более того, он даже не понимает, что неприятности тут как тут. Даже взгляд у него стал каким-то другим — более сонным, но в то же время более настороженным, типа ему влом особо напрягаться, но защитить себя он готов в любую секунду. И еще я уверен, что он прогуливает. Я не знаю, где он шляется, но с кем шляется, догадаться нетрудно.

В дни, когда Олли сачкует, я сижу на своей «Камчатке», слушаю сопливое сопение Блоба, плясую на парту, которую по праву считаю своей, с двумя подоткнутыми пустыми стульями, и свирепею так, что хочется вскочить и переломать все вокруг. Но я не понимаю, кого винить. Не могу разобраться, кого я ненавижу больше всего.

а) Олли;

б) Карла;

в) себя;

г) маму;

д) Блоба;

е) ребят, которые издеваются над Блобом, но в один прекрасный день с таким же успехом могут наброситься на меня.

Это называется «выбор из множества». Обведите кружком нужную букву.

Обычно выбор из множества — это легче легкого, но сейчас ответ мне никак не дается. Разве что обвести все буквы сразу. У меня отняли все, что я когда-то любил. Ковыряя подживающие болячки на костяшках, я гляжу на два пустующих стула и понимаю: я просто обязан что-то сделать, чтобы спасти себя. Нужен какой-то решительный поступок, чтобы не скатиться до уровня жалкого существа по имени Блоб.

У меня есть лишь один выход. Снова втереться в компанию Олли и Карла.

Чаще всего Олли прогуливает по четвергам. Не знаю почему, но это так, и вот в очередной из четвергов я отправляюсь в школу, но дохожу лишь до дома Олли. И топчусь за углом, откуда могу наблюдать за его дверью, сам оставаясь невидимым.

Он выходит в свое обычное время и идет в сторону школы. Я дожидаюсь, пока он свернет налево в конце улицы — наш привычный маршрут, — и двигаюсь за ним на безопасном расстоянии. Рывок-передышка, как мы когда-то следили за Карлом. Даже странно, что я вдруг

об этом вспомнил. Такое ощущение, будто все это было не с нами, хотя прошло всего несколько недель.

В конце Хоторн-авеню Олли делает то, чего я от него и ждал. Он не идет по Фрэнсис-роуд к школе, а срезает влево, на боковые улочки, которые стекаются к кинотеатру.

Я пускаюсь за ним. Сердце колотится как сумасшедшее, и от возбуждения я едва не забываю о том, что впервые в жизни прогуливаю школу. И лишь заметив идущего навстречу мальчишку с портфелем и сменкой, вдруг вспоминаю, где я и что я. Пацан бросает на меня подозрительный взгляд, поскольку даже дураку ясно, что я замышляю какую-то каверзу, но я свирепо зыркаю на него, и он припускает со всех ног. Это всего-навсего первоклашка, и он вряд ли в курсе, как меня зовут.

Олли легко распознать в толпе из-за его волос. Чем ближе мы к центру города, тем больше вокруг людей и тем легче оставаться незамеченным. Олли проходит кинотеатр и идет дальше, к городскому центру. Возле Салли, девчонки со скакалкой, Олли смотрит на часы и какое-то время топчется на месте, словно пришел на свидание слишком рано. Я вжимаюсь в нишу при входе в аптеку, где он не может меня заметить.

Я почти не сомневаюсь, что он двинет направо, к торговому центру, но нет. Поторчав у статуи и бросив пару взглядов на место, где должны быть труссы Салли, Олли шагает прямо, вверх по Стейшн-роуд. Раньше я вечно путал Стейшн-роуд с Сент-Эннз-роуд, пока папа не подсказал, что Стейшн-роуд — это та, на которой вокзал. Зато теперь все просто.

Перед «Макдоналдсом» он вновь сверяется с часами и входит внутрь.

Лет сто я не могу заставить себя сдвинуться с места. От одной лишь мысли, как ониотреагируют, когда я к ним подойду, у меня пересыхает в горле. Я понятия не имею, что скажу. То есть я еще могу представить, как скажу им «привет», но с остальным большие проблемы. Не могу придумать, как себя вести. И тут до меня доходит, что раз Олли пришел рано, то в любую секунду может появиться Карл и увидеть, как я торчу здесь, придурок придурком. Или еще того хуже — подкрасться сзади и застать меня врасплох.

Я срываюсь с места, несусь за угол и вжимаюсь в стенку ближайшего магазина. Нельзя допустить, чтобы кто-то из них заметил меня именно сейчас, в момент моей нерешительности. Ведь вся фишка в том, чтобы выглядеть как можно естественней. Типа я здесь случайно. Сердце трепыхается в груди, а колени подгибаются сами собой, будто вот-вот откажут. До смерти хочется бежать отсюда со всех ног — в школу или домой, без разницы. Я мог бы прикинуться больным. Симптомы все налицо. Вот так подпирать стенку без единой мысли в башке — это будет покруче, чем грипп, когда твою голову стискивает с такой силой, что все вокруг расплывается как в тумане, и точно так же до безумия хочется лечь и уснуть.

И тут я замечаю Карла. Он проходит мимо, по другой стороне улицы, своей развязной походочкой — руки в брюки, — направляясь прямо в «Макдоналдс».

Чем дольше я проторчу здесь, тем больше вопросов они зададут и тем быстрее допрут, что я за ними следил, и вот тогда я точно буду выглядеть самым большим придурком в мире. Если действовать, то прямо сейчас. Ничего страшнее я в жизни не делал. Это намного страшнее, чем тогда на великах в Уэмбли; страшнее, чем прыжки через железнодорожные рельсы; страшнее, чем «костяшки», но я должен это сделать. Выбора нет. Я должен войти внутрь.

Когда я толкаю входные двери, рука у меня трясется и я едва дышу. Внутри привычный уютный запах, типа как если смешать в одном ведре жареную картошку, сласти, хлорку и блевотину. У меня еще есть время подготовиться к встрече, поскольку столики находятся на втором этаже. И тут до меня доходит: надо что-то взять. У меня всего пятьдесят пенсов, так что я покупаю маленький пакетик картошки — самое дешевое, что здесь есть после кетчупа, но вряд ли тебе разрешат сесть за стол, если ты взял лишь крошечный пакетик кетчупа.

С картошкой на подносе и оттягивающим плечо рюкзаком, набитым учебниками, я медленно тащусь вверх по лестнице. Это все равно как идти в кабинет директора.

Перед тем как повернуть за угол, напускаю на лицо самое расслабленное из всех возможных выражений. Типа у меня такой расслабон, что аж противно.

Они в самом дальнем углу ресторана, развалились на пластмассовых стульях, посасывают кока-колу из бумажных стаканчиков, а может, молочный коктейль. Я жалею, что не заказал то же самое, но возвращаться уже поздно, да и денег у меня все равно больше нет. Я замечаю их раньше, чем они меня, что уже хорошо, и направляюсь прямо к ним: сама уверенность, взгляд устремлен в их сторону, но стараясь не смотреть в глаза ни тому ни другому. Грохаю подносом об стол и сажусь.

Для начала я отправляю в рот пару картошек и лишь потом спрашиваю:

— Как дела?

Смотрю сперва на Олли. Тот пожимает плечами — видно, что он смущен. Перевожу взгляд на Карла. Невозможно понять, о чем он думает. И вдруг, без всякого предупреждения, Карл улыбается. Такой широкой, лучистой улыбкой.

— Картошечка! То, что доктор прописал!

И запускает руку в пакетик. Вообще-то маленькая порция немногим больше пригоршни, но я не возражаю. Старт вроде неплохой.

— И часто ты картошкой завтракаешь? — спрашивает он.

— Бывает. — Хотя это наглая ложь. Застань меня мама за завтраком в «Макдоналдсе», она бы меня точно убила. — А ты, значит, молочным коктейлем? — По тени внутри соломинки я вижу, что это не кола. — И часто ты так завтракаешь?

— Бывает.

За столом повисает молчание. Я добиваю остатки картошки, Олли — свой коктейль. Он явно не желает смотреть на меня, пока не разберется в раскладе. По тому, как он булькает соломинкой в стакане, понятно, что Олли дико нервничает. Я стараюсь тоже особо на него не глазеть и полностью сосредотачиваюсь на картошке, как будто это единственная интересная вещь во всем зале. Как можно медленнее доедаю остатки.

В конце концов Карл не выдерживает:

— А ты чего не в школе?

Я пожимаю плечами:

— Да так, неохота. А ты чего не в школе?

Я намеренно говорю «в школе», а не «в отряде».

Прежде чем пожать плечами, он на секунду задумывается, а затем ухмыляется:

— Да так, неохота.

И когда он это произносит, я понимаю, что все в порядке. Я сыграл по его правилам, не слишком дергался, но и не выглядел жалким, и, похоже, фокус сработал. Облегчение такое, как будто в животе развязался узел.

В голову вдруг приходит новая мысль: а может, все это время Карлу как раз хотелось, чтобы я вернулся? Нет, в самом деле, мысль очень даже разумная. Если тебе хочется командовать, то командовать двумя в два раза лучше, чем одним. И если в твоей банде всего один Олли, это, в общем-то, совсем даже и не банда. Со мной Карлу гораздо выгоднее, чем без меня. По сути, ему и хотелось-то всего лишь одного — быть боссом.

Ну и пусть. Подумаешь, не буду командовать. Может, это не так уж и плохо. А по сравнению с одиночеством так вообще супер.

— А как ты нас нашел?

Он спрашивает без всякого подвоха. Кажется, он даже впечатлен.

— Да так, догадался, — отвечаю я. Похоже, Карл верит. Все лучше, чем сказать, что я следил.

— Чем собираешься заняться?

Он смотрит на меня из жуткой голубой бездны своих глаз. Я пожимаю плечами.

— Мы идем воровать, — объявляет он. — Хочешь с нами?

По тому, как дергается голова Олли, я понимаю, что для него это новость. Должно быть, планы изменились из-за меня. Вот только странно, почему Олли так удивлен. Даже дураку ясно, что Карл хочет заставить меня сделать нечто большее, чем просто сачкануть с уроков. Ему нужны более весомые доказательства того, что я снова с ними.

Либо так, либо это ловушка. Возможно, он просто решил меня подставить. Меня возьмут с поличным, и это станет его последней победой. Возможно, он не успокоится до тех пор, пока меня не вытурят из школы и не отправят в спецуху, точь-в-точь как его самого. Возможно, именно так он хочет раздавить меня окончательно.

— Я пожимаю плечами — и не то чтобы «да», но и не совсем «нет». Я еще в жизни ничего не крал и не могу сказать, что особо горю желанием стать вором.

— Чего хочешь украсть? — спрашивает Карл.

Три пацана в кондитерской средь бела дня — мы бросаемся в глаза за сто миль. Буквально как мы вошли, индус за прилавком принимается орать:

— Один за раз! Один за раз!

На двери табличка «Не более двух школьников одновременно», но он явно невзлюбил нас с первого взгляда и понизил лимит.

— Там написано «двух»! — возмущается Карл.

— Только один!

— А чего ж там написано «двух»?

— Вы обратно ходите! Только один!

— Вы не можете менять правила как вам хочется. Это предвзятое отношение.

— Я могу делать как хочется. Это мой магазин. Обратно ходите! Все ходите.

— Все? Но еще минуту назад было «один за раз»!

— А теперь — ноль. Ты мне не нравится.

— А чего я такого сделал?

— Пять секунд!

— У меня есть права. Права человека.

Продавец поднимает крышку прилавка и ныряет под нее, намереваясь вышвырнуть нас вон. В тот момент, когда его голова скрывается под прилавком, я хватаю упаковку «Поло» и сую в карман куртки. Ощущение чего-то грязного, низкого, подлого. Когда моя рука дергается к полке, я понимаю, что теряю нечто такое, чего уже никогда не верну, но еще я понимаю, что должен покончить с этим как можно скорее. Пока я не докажу, что способен украсть, мы будем таскаться из магазина в магазин, и чем больше мы будем светиться, тем больше шансов, что нас поймают. К тому же лучше все сделать, пока Карл не обращает на меня внимания: так он хотя бы меня не подставит.

— Вы же сказали — пять секунд! — не унимается Карл. — Я хочу кое-что купить.

— Поздно.

— Это не пять секунд!

Индус хватается Карла за локоть и тащит к двери. Карл выворачивается, но вроде как понарошку.

— Вы должны быть в школе, — бухтит индус, пытаясь выпихнуть Карла за дверь.

— Я просто хотел купить сигарет.

— Я не продавай сигареты детям.

— А если я пойду к легавым и скажу, что продаешь?

— А если я тебе сейчас башка об тротуар?

С этими словами индус с силой выталкивает Карла на улицу и поворачивается к нам с Олли. Мы стоим у самой двери, так что трогать нас ему незачем. Шаркая кроссовками, мы выходим сами. Когда я протискиваюсь мимо индуса, леденцы в кармане жгут радиацией, и на мгновение мне кажется, что сейчас до него дойдет и он цапнет меня за руку.

Но вот я уже снаружи. Целый и невредимый. Карл вжимается носом в дверное стекло и орет: «Один за раз! Один за раз!» — издеваясь над акцентом индуса, гнусава и растягивая согласные точно резинку. Олли хохочет и присоединяется к шоу, и хотя это совсем не смешно, мне тоже приходится подключиться.

Я вздыхаю с облегчением, когда Карлу надоедает, и мы двигаем дальше. Как только мы сворачиваем за угол, я сообщаю, что сделал это.

— Сделал что? — спрашивает Карл.

— Украл, — говорю я. — Стащил кое-что.

— Когда?

— Да минуту назад. Когда он нырнул под прилавок, я кое-что спер.

— Надо же! — восклицает Карл, словно действительно потрясен. Во ловкач! Прямо профи!

— Да раз плюнуть.

Я стараюсь не улыбаться и не выглядеть слишком довольным.

— Давай, показывай, — говорит он. — Чего ты там спер.

— Достаяю из кармана цилиндрик мятных леденцов.

— Ну?

— Вот.

— Что — вот? «Поло»?

— Ага.

— Это все, что ты спер?

— Ну да.

— «Поло»?

— Ага.

— «Поло»?!

— А что такого? Чем тебе не нравятся «Поло»?

— Да кто сейчас ест «Поло», ты, чучело?

— Все, — отвечаю я.

— Никто не ест.

Он вырывает у меня леденцы и швыряет нераспечатанный цилиндрик прямо на проезжую часть. Леденцы катятся почти до середины улицы, откатываются обратно под уклон, мелькая между колес легковушек, и, наконец, плющатся в лепешку, раздавленные тяжелым грузовиком.

— Вот придурок! Почему было не стырить шоколадку?

— Не знаю.

— Перед тобой был полный магазин, бери чего хочешь, а ты стащил «Поло»?

Я пожимаю плечами.

— Ты должен украсть что-нибудь другое, — объявляет Карл.

Мы доходим до канцелярского магазинчика. Я тырю ручку и флакончик белой мазилки. Олли почти сует в карман упаковку кассет, но в последний момент старается — видимо, снова не может выбрать между D90, A90 и AR90. Карл не особо впечатлен моим уловом и заставляет меня написать на скамейке «ВОНЮЧКА БЕН» — белой дрянью, которую я стащил. Зато после этого он оставляет меня в покое и больше не требует, чтобы я еще что-то украл. Похоже, с долгами я расквитался.

День сегодня странный, но не такой трудный, как я ожидал. И когда он подходит к концу, я почти уверен, что смог повернуть ситуацию на сто восемьдесят градусов. Я снова в команде.

Трава за сломанным фонтаном

После того дня все опять приходит в норму. Но только не в старую норму, а в новую. Примерно раз в неделю я сачкую с уроков, плюс все выходные мы проводим втроем, в основном слоняясь по торговому центру или зависая в парке.

Прогуливая школу, мы чаще всего отправляемся на гоночный трек, где когда-то катались на великах. Место, в общем-то, довольно рискованное, поскольку из школы трек как на ладони. Правда, чтобы разглядеть нас, нужен очень мощный бинокль, но риск все равно есть. Только такие, как Карл, способны прогуливать прямо под носом у учителей.

Именно в один из таких четвергов, когда мы тусуемся в парке, Карл угощает меня первой в моей жизни сигаретой. Я отказываюсь, но Карлу даже не требуются слова или действия, чтобы дать понять: это не предложение, а приказ. Он просто держит пачку в вытянутой руке, и я сразу все понимаю.

Я сую сигарету в рот, Олли чиркает спичкой, и я тут же вынимаю сигарету и подношу к пламени.

— Во дурило! — хихикает Олли. — Во рту надо держать.

Я пробую, но она все равно не зажигается. Бумага вокруг кончика коричневеет на глазах.

— Всасывай! подсказывает Олли. — Да всасывай же ты!

Спичка прогорела почти до пальцев, он трясет ею и роняет на землю. Вот тогда-то я и замечаю кучу сигаретных окурков и обгоревших спичек вокруг наших ног. Олли снова чиркает спичкой и протягивает мне. На сей раз я всасываю, и пламя отклоняется к моему лицу, словно по волшебству. Рот моментально заполняется мерзейшим из всех дымов, что мне когда-либо доводилось пробовать. Типа как если собрать всю пыль под кроватью, перемешать с автомобильными выхлопами и добавить пердёж и свекольную вонь. Или если засунуть голову в мешок из-под пылесоса и как следует вдохнуть. Больше гадости придумать просто невозможно, и хотя мне известно, что кашлять нельзя, не проходит и сотой доли секунды, как я перегибаюсь пополам, едва не выхаркивая легкие.

Можно было бы ожидать, что Карл рассмеется, но нет. Он просто стоит и наблюдает, с кривой ухмылочкой на лице. По тому, как он смотрит на меня, когда я перестаю кашлять, я понимаю, что придется продолжать до тех пор, пока я не выкурю сигарету до конца.

Перевожу взгляд на Олли. Он смотрит с едва заметным ободрением, но молчит. Я проверяю, не погасла ли сигарета, но, к сожалению, та все еще горит и тонкая струйка дыма змеится из кончика вверх.

Теперь я втягиваю аккуратней и закашливаюсь уже не так сильно. Если хорошенько сконцентрироваться, можно выпустить большую часть дыма еще до того, как он затечет в горло. Хотя мне все равно больно. С каждой затяжкой внутри моего горла кто-то начинает скрести посудным ершиком.

Я всего лишь докурил до половины сигареты, а голова уже становится пустой и невесомой, точно мозг вдруг взял да испарился, и я понимаю, что вот-вот рухну на землю. Типа как в мультиках, когда персонажи бьются обо что-нибудь головой, и вы слышите такие чирикающие звуки, а вокруг головы появляется хоровод из маленьких звездочек. Я никогда не знал, к чему эти звездочки, да, собственно, и не слишком задумывался. И вот сейчас, чувствуя, что вот-вот брякнусь об землю, я вдруг вижу, как в глазах мельтешат белые искорки. Они танцуют по кругу — точь-в-точь как те звездочки в мультфильмах, и я понимаю, что все правильно. Оказывается, когда в голове дурно, ты и вправду видишь звездочки. Разница лишь в том, что видишь их ты один. В мультиках же их видят все. А чириканья нет вообще. Чириканье — это выдумки.

Как раз перед тем как ноги сдают окончательно, я, шатаюсь, ковляю к забору и вцепляюсь в него. Вокруг все темнеет, мир съеживается в точку — как в конце какого-нибудь старого кинофильма, но затем свет опять набирает силу, и мне уже кажется, что голова вот-вот придет в норму. Как вдруг — резкий толчок внутри, меня ломает пополам, и я блюю. Рвота вырывается мощной струей, забрызгивая кроссовки и низ штанов.

Желудок сотрясается и хлюпает, выворачиваясь наизнанку, снова и снова, даже когда выходить уже нечему. К моменту, когда я вновь могу выпрямиться, в глотке такое ощущение, будто ее выскребли до мяса, а желудок — как холодный бульжник.

Когда тебя перестает рвать, ты словно выходишь из глубокого сна. Я даже слегка удивлен, что до сих пор нахожусь в парке, и почти забыл, что Олли с Карлом все еще здесь.

Откуда-то издали доносится голос Олли:

— Ты в порядке?

Я киваю и сплевываю. Набрать слюны — целая проблема. Гляжу на Карла, но тот на меня даже не смотрит. Он смотрит на лужу блевотины. Я следую за его взглядом, и мое сердце начинает громко дубасить, когда я понимаю, на что он пялится.

Прямо там, в центре лужи, — моя сигарета, докуренная до половины. По взгляду Карла я догадываюсь, о чем он сейчас думает. Я почти уверен, что он хочет заставить меня поднять ее и докурить до конца. И даже если та не зажжется, он все равно попытается заставить меня взять ее в рот.

Если это так, то я даже не знаю, что я с ним сделаю. Не знаю, смогу ли сдержаться, чтобы не схватить его за шкурку и не сунуть мордой в блевотину и давить изо всех сил, пока он не вдохнет и не подавится ею. Я буду вжимать его нос в землю, пока из него не хлынет кровь и не смешается с блевотиной, и ему придется глотать и то и другое. И мне насрать, что он сделает со мной потом. Мне абсолютно по хрену!

Карл безмолвствует целую вечность. Наконец он отрывает взгляд от рвоты и смотрит мне прямо в глаза. Последнее время он глядит на меня так, что мне кажется, будто он знает, о чем я думаю. Ясное дело, что этого не может быть, иначе он давно вышвырнул бы меня на фиг, но сама мысль, что такое возможно, — мысль, что ему известно, как сильно я его ненавижу, пугает меня до смерти.

— Здесь воняет, — говорит он. — Пошли отсюда.

На уроках я опять сижу с Олли, с особого разрешения миссис Диксон, но в школу мы ходим вместе не каждый день. Я то захожу за ним, а то — нет.

Когда мы вдвоем, без Карла, все немного странно. Не сказать что между нами так уж все гладко, но и притворяться тоже нет смысла, иначе это будет выглядеть показухой. Кому ж захочется ходить с маской, которую можно снять в любой момент по желанию?

Дома я ничем не отличаюсь от себя прежнего. Ничего не изменилось. Думаю, Олли тоже ведет себя дома, как раньше, а значит, мы, наверное, могли бы общаться друг с другом нормально, но этого не происходит.

Кроме одного раза. Мы возвращаемся с уроков, грохочем раздавленными банками из-под кока-колы, которые нацепили на подошвы башмаков. Стучим по тротуару, гремим и цокаем, я стараюсь выбить у Олли его банки-каблуки, а он нападает на мои, и мы устраиваем потасовку, довольно шумную из-за всего этого грома, лязга и бряканья металла о дорогу, и в конце концов оба оказываемся в траве за сломанным фонтаном, буквально катаясь со смеху.

И лишь перестав смеяться, я вдруг соображаю, как это странно. А потом думаю, что самое странное в этом то, что все это вовсе не странно. Слоняться без дела, валяться на траве, хохотать до резей в боку — раньше такое было в порядке вещей, было естественно, но теперь ушло, и

ушло безвозвратно. С Карлом совсем не так весело. Он заставляет нас делать разные вещи, страшные вещи, захватывающие вещи, и порой мы и правда хохочем друг над другом, но это не настоящее веселье, с играми и смехом. Не так, как сейчас.

Взглянув на Олли, я понимаю, что он думает о том же самом. И знаю, что вслух он об этом ничего не скажет.

И вот, когда новое ощущение уже готово испариться, я говорю:

— Карл... он немного... — Я мешкаю, подбирая нужное слово. — Чокнутый.

Олли пожимает плечами.

— Ты когда-нибудь думал о том, что без него было лучше? — продолжаю я.

Олли пристально смотрит мне прямо в глаза. Ни один мускул не дрогнет на его лице, но я вижу, что внутри он весь на взводе.

Я даже не сразу просекаю, о чем он думает. А когда понимаю, спрашиваю себя, чего же он тянет. И тут до меня доходит. Олли боится ловушки с моей стороны. Опасается сказать правду, поскольку считает, будто я спрашиваю специально, чтобы потом сдать его Карлу с потрохами. Просто невероятно, что ему в голову могла прийти такая мысль, но по глазам Олли я вижу, что не ошибся. Он пытается понять, можно ли мне довериться.

— Я не скажу ему!

Слова вылетают из меня как-то неправильно. Вроде как я на него ору.

— Можешь говорить ему что угодно, — отвечает Олли. — Мне скрывать нечего.

— Да я ничего такого не имел в виду.

— Еще раз повторяю: мне скрывать нечего. Он мой друг.

— Я знаю.

— Тогда чего? Может, он тебе не нравится?

— Нравится.

Теперь не время для откровений. Момент ушел.

— Так о чем ты?

— Ни о чем. Просто так.

— Что просто так?

— *Ничего.* Забудь.

— А вдруг нет?

— Что?

— Да так. Вдруг — нет?

— Что — нет?

— А вдруг я не забуду, что ты сказал?

— А что я сказал?

Олли дергает бровями, точно подловил меня, встает и идет прочь. Я следом, молча, и всю дорогу до его дома мы не говорим ни слова.

В его прощании мне чудится извинение, но я не уверен. Последнее время понять Олли невозможно. Мысли его для меня теперь загадка.

Я не сказал бы, что Карл такой уж страшный. После игры в «костяшки» он не ударил меня ни разу. Но этого и не требуется. И так видно, что он сильнее.

Теперь у него новая манера: гасить конфликты в зародыше. К примеру, если ему не понравились твои слова, пусть даже это полная ерунда, он тут же использует их против тебя, перекручивая и так и эдак, повторяя снова и снова, и в результате твои ерундовые слова рикошетом ударяют по тебе же, все разрастаясь и разрастаясь, и ты становишься мишенью насмешек на многие часы, если не дни. В общем, гораздо легче не злить его. И всегда говорить то, что ему наверняка понравится. Чем больше ты облегчаешь жизнь ему, тем легче живется тебе. Такой вот расклад.

Но однажды, в очередной из «прогульных» дней, Карл появляется в «Макдоналдсе» и мне становится по-настоящему страшно. Он весь какой-то дерганый, глаза блестят, и он без конца вскакивает и смотрится в зеркало на стене, и очень скоро начинает казаться, что он того, и мы с Олли старательно делаем вид, будто ничего не замечаем. Есть что-то ненормальное в том, как он снова и снова приглаживает волосы. Этим он здорово напоминает обезьяну, которую я видел в зоопарке.

Никто из нас не решается спросить, что с ним такое, ведь мы знаем, что Карлу это не может прийти по душе. Мы долго молчим, все трое. В конце концов Карл перестает дергаться и пристально смотрит на нас — сначала на меня, затем на Олли, затем снова на меня.

— Надо украсть нож, — говорит он.

— Что украсть?

— Нож, бестолочь. Нож и веревку.

Он не шутит. Это ясно по его лицу. Я никогда еще не видел его таким серьезным.

— Зачем?

— Нужно кое-что проверить.

С этими словами Карл встает и выходит. Нам ничего не остается, как двинуть за ним.

«Роберт Дайас. Скобяные товары» — так написано на вывеске, и в голове сразу возникает картинка: крепкий старикан колотит молотом по лошадиной подкове на огромной наковальне, а рядом пылает огонь. Но внутри все оказывается совершенно иначе. Это просто большой, длинный и древний как мир магазин, набитый разным хламом — вроде того, что обычно хранят в своих сарайчиках папы.

Карл разработал целый план. Мы с Олли заходим внутрь и покупаем веревку. Он все уже разведает и говорит, что веревок там до черта, самых разных. И мы должны доставать продавца расспросами — какие веревки самые прочные и все такое — до тех пор, пока тот не озверевает и не плюнет на нас, и вот тогда-то Карл (который войдет вместе с нами, но сразу же направится в глубь магазина) схватит один из ножей и улизнет. Даже если его и заметят, то вряд ли догонят. А если все-таки догонят, то, по-любому, нож-то будет у него. А у них — нет. Так что можно не волноваться.

На случай, если продавец вдруг поинтересуется, зачем нам веревка, нам следует отвечать, что в подарок для нашего отца. Правда, я не совсем понял, надо ли нам притворяться братьями, на мой взгляд, версия не очень-то убедительная, — но, похоже, это не столь уж и важно, а потому я помалкиваю. Карл выдает нам пятнадцать фунтов на веревку — где он их раздобыл, остается неясным. Я спрашиваю, сколько веревки надо купить, и Карл огрызается, что без понятия, и тогда я предлагаю купить на все пятнадцать фунтов, а он рывкает, чтобы я заткнулся

со своими дебильными вопросами, иначе на кой хрен он выдал нам пятнашку, и фигли я вообще суюсь не по теме. Но это нечестно, ведь Карл сам поначалу сказал, что без понятия, сколько надо веревки, а потом повернул все так, будто я последний недоумок. Хотя ответ-то придумал я, а не он. Но с Карлом такое сплошь и рядом. Он все передергивает, и в дураках всегда оказывается кто-то другой, а спорить с ним совершенно бессмысленно.

Странно, но план срабатывает. Старик за прилавком начинает беситься, глядя, как мы щупаем всякие разные веревки, и очень быстро забывает обо всем на свете. К кассе мигом выстраивается длинная очередь, с которой его единственный помощник не справляется. В конце концов вокруг нас создается такая суматоха, что мы даже не в курсе, удалась Карлу его затея или нет. Но она удалась.

Спустя полчаса мы встречаемся в парке: он — с длинным, зазубренным кухонным ножом, мы — с тонной веревки. Выяснилось, что на пятнадцать фунтов можно купить этой самой веревки буквально немерено. Увидев, как мы сгибаемся под тяжестью покупки, Карл заходится от гогота и орет, что мы полные придурки, поскольку нужно-то было всего ничего — чтобы связать одного человека, но ведь он ничего такого нам не говорил, а потому откуда нам было знать? Карл не может налюбоваться на свой нож, и целую вечность мы швыряем его, соревнуясь, у кого получится больше оборотов, но чтобы нож воткнулся острием в землю. А потом просто подкидываем нож вверх, как можно выше, и разбегаемся врассыпную, чтобы он не свалился нам на голову. И это очень весело.

Но тут Карлу приходит новая идея — сыграть в «ссылку». Это когда ты стоишь, широко расставив ноги, и кидаешь нож в траву между расставленных ног соперника. Нужно передвигать ногу туда, куда воткнется нож, так что с каждым разом зазор становится все меньше и меньше, и под конец уже приходится целить в крошечный кусочек земли между ногами соперника.

Мы с Карлом первые, и когда зазор становится меньше ладони, я выигрываю, потому что Карл промахивается и попадает мне в кроссовку. В принципе, не так уж и больно, но если уж речь о призе за победу, то порезанная кроссовка — это далеко не супер. Лишь позже я понимаю, что лучше было продуть. Олли заявляет, что отказывается играть, и, поскольку это Олли, Карл не настаивает.

Вот тогда-то я и спрашиваю, зачем ему нож. И Карл посвящает нас в свои планы.

— Мой отец живет в Суиндоне, — говорит он. — Я хочу его навестить. Мне надо ему кое-что показать.

— Что показать? — не понимаю я. — Нож?

— Нож — это для его подружки.

— У твоего отца есть подружка?

— Ты что, глухой?

— Но как?

— Жопой об косяк! Он сбежал от нас. Давно. А вчера позвонил маме и сказал, что у него будет ребенок, через месяц, от его подружки из Суиндона, и он хочет нормального развода.

— И какой у тебя план?

— Уделать ее.

— Уделать?

— Она не может просто так забрать его у нас. Я ей покажу.

— Что покажешь?

— Научу кое-чему. Вырежу ее ребенка.

— Ты собираешься *вырезать ее ребенка*?

— Не будь дебилем! Я просто хочу ее припугнуть. Вот этим мы и займемся. Мы все. Поедем туда и припугнем ее. Пусть знает, что ей не удастся разбить нашу семью.

— Как?

— Я придумаю.

— А нам что делать?

— Вы что, ссыте? Ссыте, да?!

Его глаза буквально прожигают нас насквозь, взгляд мечется от меня к Олли и обратно.

Олли мотает головой первым, я за ним. А что нам еще остается? Никто из нас давно уже не перечит Карлу, и начинать сейчас, когда он страшнее и серьезнее обычного, было бы полным идиотизмом. Выбора у нас нет.

К этому времени ногу начинает жечь, через дырочку для шнурка вылезает кровавый пузырь, поэтому я заявляю, что мне пора. Карл требует разделить добычу. Мол, он возьмет нож, а Олли пусть берет веревку. Он отрезает нужный кусок, работая зазубренной стороной, пока мы с Олли держим веревку внатяг, типа играем в кто кого перетянет, а затем зашвыривает лишнее в кусты.

Мне подозрительно, что Олли досталась веревка, а я ухожу с пустыми руками. Это значит, что мне он доверяет меньше всех.

— А как же я?

— А что *ты*?

— За что отвечаю я?

На секунду он задумывается.

— За ленту.

— Какую ленту?

— Как в кино. Которой заклеивают рот. Чтоб жертва не орала.

— Типа той, что коробки заклеивают?

— Ага. У вас дома есть такая?

— Наверное.

— Ну вот и тащи.

— Куда?

— На дело.

— Когда?

— Не знаю. На следующей неделе.

Тут Карл замечает, что Олли свернул веревку кольцом и повесил себе на плечо.

— В рюкзак, придурок! Спрячь! — набрасывается на него Карл и сильно пихает в грудь.

— Сам знаю! — обижается Олли, хотя понятно, что не знает.

По дороге домой мы почти не разговариваем. Когда у тебя есть тайна, говорить о чем-то другом очень трудно. Никто из них не замечает, что я хромаю.

И пока мы тащимся по улице, я пытаюсь сообразить, действительно ли Карл так серьезно настроен. Ведь это может получиться не хуже поездки в Уэмбли, если даже не лучше. Это намного дальше и, наверное, очень весело: ехать вместе, втроем, на выполнение важной задачи. Но мне ясно, что так не будет. Достаточно взглянуть на странное поведение Карла и нашу необычную экипировку. Весельем тут даже не пахнет.

Я не хочу никуда ехать. Не хочу быть его другом. Я хочу рассказать маме, что у Карла есть нож и что он намерен им воспользоваться.

Хочу, но не могу. Тогда он меня точно убьет.

Я забыл запереть дверь в ванную. Обычно я не настолько глуп. Должно быть, все из-за боли в раненой ноге. Донни входит, как раз когда я пытаюсь наклеить пластырь. Я еще даже не начал смывать кровь с кроссовки и носка, так что улики налицо.

У Донни самое настоящее шестое чувство: как только мне хочется побыть одному, он тут как тут.

— Чем это ты занимаешься? — интересуется он.

— Ерунда, ногу поранил.

— Как?

Я пожимаю плечами:

— Просто поранил.

— Так чем ты занимался?

— Ничем.

— Значит, ты ничем не занимался и твоя нога просто сама взяла и дала течь?

— ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ!

Это уже во весь голос. Я и не знал, что могу так орать.

Донни с удивлением смотрит на меня как на спятившего.

— С тобой все в порядке?

— ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ! ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ!

Хоть я и ору как резаный, но в душе надеюсь, что он этого не сделает.

Он долго-предолго молчит, а затем спрашивает:

— Это был Карл, да? Ну-ка, покажи.

Он пытается убрать мои руки, которыми я прикрываю порез, но я не даюсь. Однако Донни намного сильнее, и меня хватает на пару секунд, не больше. И как только ему удается взломать мой замок, я сдаюсь и позволяю ему взглянуть.

Донни долго разглядывает рану.

— Это был нож?

— Это вышло случайно. Мы просто играли.

— Я должен рассказать маме с папой.

— НЕТ!

— Я должен. Тебя поре...

— НЕ НАДО ИМ НИЧЕГО ГОВОРИТЬ! ОНИ НЕ ПОЙМУТ!

— Я не понимаю.

— Все ты понимаешь. Это просто игры. Глупые игры. Где всякое может случиться.

— Этот парень псих, Бен. Он опасен. Ты должен держаться от него подальше.

— Я НЕ МОГУ

— Придется.

— ДА НЕ МОГУ Я!

— Почему?

— Потому.

— Почему — потому?

— Потому что он мой друг. Он и Олли — мои друзья.

— Заведи новых друзей. Подружись с теми, кто хорошо к тебе относится.

— Не могу!

— Можешь.

— Да не могу я! Нельзя просто взять и поменять друзей. Ничего не выйдет. Я уже пробовал, и у меня ничего не вышло.

— Конечно, это не сразу, но у тебя получится. Ты должен.

— НЕ ПОЛУЧИТСЯ! НЕ ПОЛУЧИТСЯ! ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ!

— Все я понимаю.

— Ничего ты не понимаешь. Ты не знаешь, каково это.

— Каково — *что*?

— Вот видишь? Ты *не* понимаешь.

— Бен, послушай. Давай заключим сделку. Я никому не скажу о том, что случилось, но только если ты мне кое-что пообещаешь. Если ты поклянешься, жизнью своей поклянешься, что больше никогда, слышишь, никогда не будешь видеться с Карлом и постараться, на полном серьезе постараться, сменить друзей, я буду молчать. Договорились? Но если ты еще хоть раз увидишься с ним, я все расскажу маме с папой.

Донни загнал меня в угол. Нельзя, чтобы они узнали. Они тут же перетряхнут школьный рюкзак и запросто обнаружат правду про мои прогулы. Вот тогда точно пиши пропало. Это будет конец всему. Придется давать ему клятву. В конце концов, это всего лишь слова. По большому счету, слова ничего не значат. Надо просто произнести их и тем самым остановить крах всей моей жизни. Он не может заставить меня отнестись к ним серьезно и не может заставить поступать так, как хочется ему. К Блобу я не вернусь. Ни за что на свете я не стану опять ничтожным червяком.

— Клянешься?

Я киваю.

— Вслух, — требует Донни.

— Клянусь.

— В чем?

— Больше никогда не видеться с Карлом.

— Полностью говори.

— Клянусь больше никогда не видеться с Карлом.

— И смотри мне в глаза!

— Я-клянусь-больше-никогда-не-видеться-с-Карлом!

— Хорошо.

Секунду он пристально смотрит на меня, а затем разворачивается и выходит из ванной.

Уже из коридора, просунув обратно одну только башку, Донни советует не быть кретином и сообщает, что отныне станет приглядывать за мной.

Я пинком захлопываю дверь, и ногу пронзает резкая боль.

Среда, на следующей неделе, — именно на этот день Карл назначает операцию. Он откуда-то раздобыл денег на билеты, выяснил, как добраться до Суиндона, — похоже, он знает все. Порой он кажется тупым, но гораздо чаще я думаю, что он умнее нас всех, вместе взятых.

Согласно плану, мы должны встретиться в девять у станции метро. Карл возьмет нож, Олли — веревку, а я — липкую ленту. На метро мы доберемся до Лондона, где пересядем на поезд, идущий в Суиндон. Что будет дальше, известно одному Карлу. Все у него в голове. По его словам, он знает, что делать, и расскажет нам по дороге.

И это вроде как даже не обсуждается. Карл ни разу не спросил, хотим ли мы ехать. Он просто излагает свой план — в смысле, те его куски, которые нам разрешается знать, — а мы подчиняемся.

Я боюсь ехать, но еще больше я боюсь не ехать. Теперь я в банде Карла, а раз так, то выбирать не приходится. Ты либо с ним, либо против него. Я сделал свой выбор, когда вернулся к Карлу. И если я не явлюсь на место встречи или заложу его, он отомстит. Как бы ты ни поступил с ним, он ответит тем же, но только в два раза хуже. Так что лучше даже не рыпаться. Придется ехать.

Весь мир, кроме нас троих, думает, что это обычный будний день. Никто не знает, что мы трое отправляемся на задание, сверхважное и сверхсекретное. Я так сильно нервничаю, что мама даже спрашивает, все ли со мной в порядке. Я отвечаю ей, что опаздываю, и несусь наверх чистить зубы. Мне не хочется, чтобы она вглядывалась слишком пристально — не дай бог, чего заподозрит. Кто его знает, сколько из того, о чем ты думаешь, отражается на твоём лице, особенно когда на тебя смотрит мама.

Из дома я выхожу без ленты. Единственное, о чем я должен был помнить, но в голове у меня такой гудеж, что я забываю про ленту. Но когда дохожу до конца улицы, до угла, где должен сворачивать влево, в сторону школы, вспоминаю и останавливаюсь. Карл точно убьет меня, если я припрусь без той единственной вещи, которую мне поручили принести. Придется возвращаться.

Тайно вынести ленту из дома теперь раз в десять труднее. Застукай меня сейчас кто-нибудь из домашних, сразу же начнутся расспросы, с чего это я вернулся, и придется изворачиваться и что-то выдумывать, но другого выхода нет. Сам виноват.

Дверь я открываю суперски, тихо-тихо, медленно подтягивая к себе, чтобы не щелкнул замок. Из коридора слышно, как мама наверху собирается на работу. Липкая лента в шкафчике под раковиной. С мыслью о том, что мне удастся пробраться в дом и выйти из него незамеченным, я проскальзываю на кухню — и натыкаюсь на завтракающего Донни.

Когда Донни только-только из постели, он ужасно смешной. Весь помятый, взлохмаченный и припухший, как будто на голове у него целую ночь дрыхла какая-нибудь псина. Пройдет не меньше двух часов, прежде чем можно увидеть его глаза. Что касается речи, то даже простой хрюк кажется чудом. Так что, несмотря на то что он сидит там и чавкает хлопьями, еще остается шанс проскочить мимо, схватить ленту и испариться — пока Донни не опомнился.

Путь до раковины я преодолеваю без проблем. Похоже, Донни даже не замечает меня. Я выживаю ленту — беззвучно, но как бы между делом — и иду обратно, изо всех сил стараясь не торопиться. Одна моя нога уже в коридоре, когда раздаётся голос Донни:
— Ты куда?
Лицо его все так же склонено над тарелкой. Можно подумать, что он разговаривает с

хлопьями.

— В школу.

Он поднимает глаза:

— Второй раз?

— Я кое-что забыл.

— Ленту для упаковки?

Вот она, у меня в руке. Отрицать бессмысленно.

— Ага.

— Для чего тебе в школе упаковочная лента?

— Для одного урока.

— Какого еще урока?

— Э-э... о посылках.

Звучит не очень убедительно, поэтому я решаю поскорее смяться.

Успеваю открыть входную дверь до половины, когда нога Донни пинком захлопывает ее обратно. Он возвышается прямо передо мной, блокируя путь к отступлению. Ничего не говорит, просто смотрит на меня сверху вниз. Я не поднимаю глаз. Стою спокойно, гляжу на дверь, тяжело дышу и жду, пока он меня пропустит.

— Что ты задумал, Бен?

— Ничего.

— Скажи мне, что ты задумал.

— Мне в школу надо! Пусти!

— У нас ведь был договор, Бен.

— Пусти меня! Я опаздываю!

— Куда? В школу?

— Да!

— На урок о посылках?

— **ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ! ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ!**

Со всей силы пинаю его по лодыжке. Он вскрикивает и теряет равновесие. Я отталкиваю его, пулей вылетаю за дверь и мчусь вниз по улице.

По времени я уже должен быть у станции, но я не хочу бежать, чтобы не запыхаться. Один из важнейших моментов плана, по словам Карла, — выглядеть как можно естественней и не привлекать к себе внимания. Поэтому я иду шагом. Самым быстрым, на какой только способен, но все-таки шагом. Каждый из нас должен добраться до станции сам по себе. Это еще одна часть плана.

Станция в десяти минутах ходьбы, в самом конце тупика. Еще издали, с улицы, замечаю Карла и Олли: они ждут меня под навесом, стоя совсем близко друг к другу, но не разговаривая. На углу — большой куст, и хотя всю дорогу от дома я торопился, но сейчас прячусь за кустом и наблюдаю за ними.

Ощущение точь-в-точь как в тот раз, по дороге в Уэмбли, когда Карл пересек Кентон-роуд, едва не попав под колеса, а я остался на другой стороне и следил за ним сквозь транспортный поток. Сейчас у меня похожее чувство: я нахожусь в одном мире, а Карл — где-то совсем в другом.

Я гляжу на них, а ноги напрочь отказываются нести меня дальше, потому что я вдруг осознаю: это последний шанс. Если выйти из-за куста и сесть в поезд вместе с ними, Карл увезет нас к чему-то новому. К чему-то ужасному. К чему-то, чего ни я, ни Олли не могли себе даже вообразить.

Теперь Карл смотрит прямо на куст. Он пристально вглядывается, и я пугаюсь, что он

видит меня, что я плохо спрятался и он прекрасно понимает, в каком я сейчас раздрае. С моей стороны было страшной глупостью оставить все на последний момент. Надо было подумать заранее, во что я ввязываюсь. Одним тем, что я здесь, что пришел на встречу, что согласился участвовать во всей этой затее, я отрезал себе все пути к отступлению. С Карлом всегда кажется, что выбора нет.

И тут чья-то рука крепко хватается меня за плечо и с силой оттаскивает за угол. От испуга тело будто пронзает электрошоком, сердце мелко трясется в груди, кровь шипучкой пенится в венах. Горло сжимается, готовое сорваться криком, и в этот момент я понимаю, кто это.

Донни. Он все еще в пижаме. Длинное папино пальто наброшено поверх, ноги наскоро засунуты в кроссовки. Он тяжело дышит, запыхавшись от бега.

— Куда намылился?

Я не могу ответить.

— Говори!

Я не могу даже посмотреть на него. Губы мои плотно сжаты, глаза опущены в землю. Грудная клетка вздымается и опускается, сражаясь за воздух, а от ударов сердца можно оглохнуть.

Внезапно мои ноги отрываются от земли. Рванув за грудки, Донни прижимает меня к забору и склоняется к моему лицу, нос в нос, чтобы я не мог отвести взгляд.

— Что ты задумал, Бен? Что ты задумал?

— Ничего.

— ХВАТИТ, БЕН! ГОВОРИ!

Рубашка врезается в подмышки; Донни буравит взглядом; его руки у моего горла; вдобавок мысль, что Карл ждет меня за углом, — все скопом это уже чересчур, и я не могу больше сдерживать слез. Сначала это лишь пощипывание в глазах и покальвание в кончике носа, но стоит мне это почувствовать, и я понимаю: остановиться уже не смогу. По лицу Донни ясно, что он тоже это понимает. Брат опускает меня на землю. И хотя глаза у меня на мокром месте, я вижу грусть в его взгляде и еще я вижу, что происходит у него за спиной.

— ДОННИИИИИИ!!!!

Я кричу, и Донни стремительно разворачивается. В двух шагах — Карл: рука выставлена, нож нацелен в грудь моего брата. За спиной Карла — Олли.

Карл сжимает рукоятку ножа, взгляд перескакивает то на меня, то на Донни, колени чуть согнуты, он готов нанести удар.

— Зачем ты притащил его?

Карл в такой ярости, что вот-вот потеряет контроль.

— Это не я!

— ЗАЧЕМ ТЫ ПРИТАЩИЛ ЕГО?

— ЭТО НЕ Я! ОН ШЕЛ ЗА МНОЙ! Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ!

— Почему он шел за тобой?

— Я не знаю.

— ПОЧЕМУ?

— Я НЕ ЗНАЮ! СПРОСИ ЕГО САМ!

Карл переводит взгляд на Донни. Они смотрят друг другу в глаза, лезвие тускло блестит между ними.

— Зачем ты шел за ним? — спрашивает Карл.

— Что тебе нужно от моего брата? — говорит Донни. — Почему ты не оставишь его в покое?

Карл переходит на крик:

— ЗДЕСЬ ВОПРОСЫ ЗАДАЮ Я!

Фраза звучит нелепо, особенно из-за того, как он ее произносит. Явно он слышал ее по телику.

Повисает долгая пауза, во время которой Карл по очереди смотрит то на Донни, то на меня, а Донни по очереди смотрит то на нож, то на Карла. По лицу брата можно догадаться: он что-то прикидывает — что-то подсчитывает в уме.

— Хватит, — говорит Донни. — Мы идем домой.

Он поворачивается и протягивает мне руку. На первый взгляд это полное безумие. Теперь он стоит спиной к Карлу и ножу, совершенно незащищенный. Карл может всадить в него лезвие в любую секунду, но Донни будто бы все равно. Он даже держится так, словно совсем не боится. Он выглядит расслабленным и неторопливым.

Единственный, кто в этот момент видит его лицо, — это я, и по тому, как стиснуты его челюсти, по складке на лбу мне ясно, что он боится. Он смотрит мне прямо в глаза, и до меня вдруг доходит, что он задумал. Донни не хватает меня за руку и не удирает от опасности. Его рука рядом с моей, и теперь я сам должен решать, как поступить.

Выбор за мной. Выбор между ним и Карлом. И каждую секунду, пока я раздумываю, он вынужден стоять спиной к Карлу и его ножу.

Как только я это понимаю, я тут же беру его за руку.

Я ждал, что он схватит меня и побежит, но я ошибся. Он просто чуть заметно сжимает мою ладонь для храбрости, и мы уходим, не поворачиваясь, ни слова не говоря и даже не торопясь, демонстрируя Карлу гордо выпрямленные спины.

Мы делаем несколько шагов, сзади нас — неподвижность. Так хочется повернуться и проверить, не идет ли за нами Карл, так хочется увидеть выражение его лица — но я знаю, что должен делать то, что делает Донни. Сейчас главный — он.

Со стороны станции доносится отдаленный рокот.

— Поезд, Карл, — говорит Олли. — Поезд.

Карл не двигается — я чувствую это. Я почти слышу, как жужжат сейчас его мозги, решая, что с нами делать. Вот-вот подойдет поезд, мы уходим прямо у него из-под носа, а нож все так же зажат у него в руке.

А затем — шорох подошв по асфальту и топот бегущих ног. Убегающих ног. Они бегут к поезду.

И лишь когда они исчезают, — когда я слышу звук отходящего поезда и убеждаюсь, что их нет у входа на станцию, — мои ноги слабеют и затычка наконец выскакивает, давая волю слезам. Я рыдаю как ребенок — так сильно, что едва не падаю, — и Донни сгребает меня в охапку, взваливает на спину и несет домой.

Наверняка мы выгладим странно: Донни в пальто и пижаме, с младшим братом на закорках, на Кентон-роуд, в самый разгар утреннего часа пик. Наверняка люди оглядываются на нас. Но я этого не вижу. Мои глаза закрыты, и я не чувствую ничего, кроме всхлипов, сотрясающих все мое тело, и крепких рук брата, несущих меня домой.

Здесь и сейчас

Вот почему вы никогда не слышали обо мне. Только благодаря Донни. Я не думаю, что все зашло бы так далеко, если бы я поехал в тот день с ними, но тогда я оказался бы в деле и оно уже не называлось бы «Карл Мюррей и Оливер Уорд — двое подростков-злодеев». Тогда нас было бы трое.

Карл и Олли. Они теперь знаменитости. Кто-то рассказал мне, что слух о них дошел аж до самого Китая. Обо мне же в газетах не было ни слова. Никто так и не узнал, что я чудом оказался не с ними. Кроме моей школы и моей улицы.

Некоторые считают, что Донни должен был сообщить обо всем в полицию — остановить их прежде, чем все произошло, — но и в этом тоже виноват я. Я заставил его поклясться, что он никому не расскажет. Убедил, что полицию мы оставим на крайний случай. Я боялся, что Карл вернется поквитаться. Я и подумать не мог, что он не вернется вообще. И не знал, что он действительно решился на такое. Я полагал, он всего лишь хотел ее припугнуть.

Донни взял вину на себя — за то, что не сообщил в полицию. Он так никому и не сказал, что это я его попросил. Именно благодаря Донни вы — это все, что я получил. Вы — мое наказание. Карл и Олли получили колонию. А я — работника социальной службы. Вас и ваши нудные-пренудные визиты.

После того, что произошло, мир изменился. Стоило молве просочиться, и всем сразу захотелось посмотреть на меня, узнать, кто же я такой, но разговаривать со мной не хотел никто. В школе все сторонились меня, даже Блоб. Учителя были со мной ласковы, но больше из любопытства, и я видел, что втайне каждый из них меня ненавидит. Миссис Спаркс повесила на калитку замок, чтобы я не мог больше доставать залетевшие к ней в сад теннисные шарики.

Через какое-то время мы переехали. Туда, где никто не знает, кто я такой.

В день, когда мы уезжали, пришла Люси, и взгляд, которым смерила ее Рейчел, когда та появилась из-за мебельного фургона, напомнил мне ковбойские вестерны. Казалось, Рейчел выхватит кольт и пристрелит ее на месте, но этого не случилось.

Они разговаривали всего несколько минут, но, похоже, не зря, поскольку теперь Рейчел получает от нее письма чуть ли не каждый день. Должно быть, Рейчел ей отвечает, но это такое дело, которое не положено ни знать, ни видеть, ни обсуждать.

Вместо «конюшни» она теперь слушает заунывные «медляки», но я думаю, ей здесь нравится. Она снова выходит из дома, как все нормальные люди. Донни здесь не по душе, но он все равно скоро уедет. Наш новый садик — настоящие джунгли, поэтому папа безумно счастлив. Он торчит там целыми днями со своим инструментом и все время что-то пилит, рубит или копает. Он говорит, что скоро здесь можно будет играть в футбол, но мне как-то без разницы.

Изменились все, даже мама. Теперь она часто смотрит на меня так, как обычно смотрят в колодец, пытаясь разглядеть, что там внизу. Я никогда никому не делал ничего плохого, но поскольку я был другом Карла и Олли, многие считают меня отчасти виноватым. Мама никогда этого не говорит, да и никто никогда этого не говорит, но иногда я чувствую, что даже моя собственная мама считает, что это так.

Популярная настольная детективная игра. *Прим. перев.*

Такое, кстати, однажды случилось, и все умерли, и никто так и не выяснил, чей это был холодильник. Это Олли мне рассказал. Вообще это называется «примечание», т. е. место внизу страницы, куда помещают всякую дополнительную информацию. Возможно, я буду использовать их и дальше, если, конечно, не забуду.

От англ. *Spark* — зажигать, вдохновлять, воодушевлять. — *Прим. перев.*

Однажды, когда я так делал, то уронил со стены тарелку и пришлось притворяться, будто я просто швырялся разными вещами, поскольку было бы глупо сообщать всем, что я тренировался передвигаться по комнате, не касаясь пола. Тарелки на стене, кстати, тогда только-только повесили. И они вовсе не для еды, а для украшения. Донни говорит, что никто не знает почему, но, когда людям стучает сорок, у них вдруг появляется непреодолимое желание увешать все стены тарелками. Он утверждает, что это желание дремлет себе тихонько в твоей кровеносной системе до твоего сорокалетия, а потом ты внезапно просыпаешься и думаешь: «А ведь на эту стену так и просится тарелка». Честно говоря, я не совсем понимаю, что он имеет в виду. Дремлет — это ведь спит, вроде.

Один из профессиональных английских футбольных клубов. — *Прим. перев.*

Фирменный магазин женской одежды одноименной компании. — *Прим. перев.*

Золотистый «форд-капри» (со спойлером), который выглядел бы вполне круто, если бы его хоть раз помыли и если бы не вмятая передняя фара. Наверное, это здорово — попасть в автомобильную аварию, но только чтобы не очень серьезную.

Крупный торговый центр на севере Лондона. *Прим. перев.*

Магазины и отделы крупной одноименной компании, торгующей преимущественно женской одеждой и принадлежностями женского туалета. — *Прим. перев.*

Американский сленг «жиртрест» и «размазня». *Прим. перев.*